

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 8 (74). № 3

**Симферополь
2022**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 8(74), № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издался с 1919 года.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2022

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» 295007, Республика Крым,
г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.10.2 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского, протокол № 5 от 12.10.2022 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борщик Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кондратьев Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», доктор исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Института археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Владимирович – профессор кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник, член-корреспондент РАН (г. Санкт-Петербург);

Хлебов Александр Алексеевич – профессор кафедры «История» Института общественных наук и международных отношений (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; профессор кафедры истории и международных отношений историко-филологического факультета (структурное подразделение) Филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Шевелев Сергей Стефанович – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Подписано в печать 12.10.2022. Формат 70x100 1/16 усл. п. л. Заказ № НП/523. Тираж 25 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет 20.02.2024 г.

Отпечатано в Издательском доме

Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 94(47).073

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВОМ ИМПЕРАТОРСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ «ОРЕАНДА»¹

Ефимов А. А.

*Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: aefimov5@gmail.com.*

Автор обращается к малоизвестному эпизоду в истории создания первой резиденции императорской семьи на Южном берегу Крыма – Ореанды. Автор отмечает, что процесс возведения этого дворца отнюдь не был простым, поскольку строительство Ореанды, считавшейся частной резиденцией императрицы, из-за финансовых проблем прервалось на несколько лет, с 1845 по 1849 гг. В статье указывается, что возобновление работ потребовало изменения в системе управления обустройством имения. Автор отмечает последовательность смены ответственных за возведение будущей резиденции в Крыму в конце «периода простоя». При этом основополагающим событием для реальных изменений стал переход Ореанды в ведение Собственной Его Величества конторы, за которым последовала активная переписка, связанная с формированием на месте органа, способного руководить работами. В статье отмечено, что создание новой Строительной комиссии сопровождалось ревизией дел ее предшественника специально командированным из Санкт-Петербурга чиновником и разработкой правил деятельности нового органа.

Ключевые слова: Министерство императорского двора, Крым, Ореанда, императрица Александра Федоровна, М. С. Воронцов, строительство

Министерство императорского двора (МИДв) на протяжении всего срока своего существования, с 1826 по 1917 гг., вело активную градостроительную работу, географический охват которой не ограничивался столицей Российской империи Санкт-Петербургом и его пригородами. С середины XIX в. на территории Крыма при участии Придворного ведомства было построено около десятка императорских и великокняжеских резиденций, первой из которых стала Ореанда. При этом, роль министерства, выступавшего одновременно в качестве заказчика, организатора и даже исполнителя строительства, оказывается недостаточно изучена.

При обращении к историографии создания и развития имения Ореанда в первую очередь стоит выделить капитальный труд Т. А. Петровой «Архитектор А. И. Штакеншнейдер», изданный в 2012 г. и включающий целый раздел, посвященный истории создания дворца в Ореанде, и книгу Н. Н. Калинина и М. А. Земляниченко «Романовы и Крым» [2; 11]. Также необходимо отметить монографию Е. М. Коляды «Сады и парки Крыма XIX – начала XX века. История создания и стилистический анализ», а также диссертацию И. В. Манцыгиной «Архитектура усадеб «царского берега» в Крыму в XIX – начале XX вв.» [4; 10]. Кроме того, нельзя обойти вниманием отдельные статьи Ю. Я. Арбатской,

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00026, <https://rscf.ru/project/22-78-00026/>

А. С. Лосевой, О. В. Линниковой, Т. И. Кулаковой, Г. Г. Филатовой, Е. С. Шинтяпиной [1; 3; 5; 6; 9; 15; 16]. Упоминания заслуживают книги Н. С. Лозбень, А. П. Пальчиковой и монография Е. М. Литвиновой «Царская семья в Крыму» [7; 8]. Представленный перечень позволяет сделать заключение, что историография Ореанды преимущественно представлена исследованиями, в которых история создания резиденции в имении Ореанда анализируется с позиций искусствоведов, историков архитектуры и историков искусства, когда центральное место занимает описание внешнего и внутреннего убранства зданий; сами постройки представляются здесь скорее как итог творчества какого-либо архитектора, чем как результат трудов множества лиц, сложных переговоров и выполнения соглашений между разными как по роду занятий, так и по статусу людьми. Это дает основания говорить о существовании белых пятен в изучении истории создания и развития имения Ореанда, когда вне поля зрения исследователей остаются некоторые организационные, административные и экономические вопросы.

В 1837 г. императрица Александра Федоровна получает в подарок от своего супруга Николая I имение Ореанда и заказывает архитектору Карлу-Фридриху Шинкелю проект дворца. Предложенное К. Ф. Шинкелем в 1839 г. архитектурное решение вызвало восхищение царской семьи, но реализовать его помешала высокая стоимость [6, с. 256; 15, с. 16, 18]. В 1840 г. для создания нового проекта пригласили профессора Андрея Ивановича Штакеншнейдера, подготовившего к концу 1841 г. свой вариант с использованием отдельных идей предшественника [11, с. 279].

Начало строительства будущей императорской резиденции стоит отнести к первым числам сентября 1842 г. [12, л. 10–10 об.] Работы, контролировать которые было поручено Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору графу М. С. Воронцову, продолжались более двух лет, но в 1845 г. оказался израсходован весь собственный капитал императрицы, сформированный благодаря многолетней экономии. Оставалось или обращаться к полученному Александрой Федоровной приданому в 150 000 руб. серебром, или же запрашивать особого распоряжения императора. В противном случае «производство работ в Ореанде за неимением средств должно будет остановиться» [12, л. 43–46, 48–51]. Приостановка работ по возведению дворцового комплекса в Ореанде, связанная с исчерпанием выделенных на эти работы финансовых ресурсов и организационно-управленческими проблемами, произошедшая де факто в 1845 г., продолжалась до второй половины 1849 г. Возобновление строительства в имении было связано со значительными изменениями в системе управления, осветить которые и предполагается в настоящей статье.

25 сентября 1848 г. генерал-адъютантом князем М. С. Воронцовым было отправлено два письма министру императорского двора светлейшему князю П. М. Волконскому с изложением положения дел в Ореанде. В докладе, подготовленном к концу октября на основе сведений из этих писем, отмечалось, что продолжительное отсутствие Его Сиятельства в Крыму по его собственному признанию отнюдь не способствовало успешному ходу работ по обустройству

резиденции. Выделенные на возведение дворцовых зданий 400 000 руб. ассигнациями к 1846 г. были совершенно израсходованы. Однако, ввиду внесения архитектором А. И. Штакеншнейдером корректировок в проектно-сметную документацию, здания не только не были достроены, но даже не имели крыши. На установку кровли деньги изыскал лично князь М. С. Воронцов, что позволило законсервировать постройки. Таким образом, работы были приостановлены, выплата жалования руководившему работами на месте архитектору В. Гунту и его ближайшему помощнику столярному мастеру Вильямсу прекратилась. Из числа подрядчиков без полной положенной выплаты остался главный подрядчик купец Полуэктов. Уладить этот вопрос было поручено смотрителю дворца и архитектору В. Гунту, в помощь которым направили архитектора К. И. Эшлимана, а контролировать их деятельность было предложено Таврическому гражданскому губернатору генерал-лейтенанту В. И. Пестелю. При этом члены Комитета постройки дворца в Ореанде просили освободить их от возложенных на них обязанностей, поскольку не имели возможности реально содействовать ходу строительства, не получали средств и, что важнее всего, опасались «незаслуженной ответственности» за неудачи при возведении резиденции. Вместе с тем управляющий Ореандским имением коллежский секретарь Масловский сумел воспользоваться своим положением и недостатком контроля, приобретя продававшийся с торгов соседний с Ореандой участок земли площадью 10 десятин на имя своей жены в нарушение указаний, поскольку эту землю полагалось присоединить к будущей резиденции. Увольнение управляющего поставило вопрос о назначении на эту должность ответственного и порядочного человека, что временно удалось решить путем назначения состоявшего при канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора титулярного советника Смолодовича, однако для постоянного выполнения этой работы наместник просил командировать чиновника из Санкт-Петербурга с выдачей ему инструкции [13, л. 71, 73–74 об.].

Ответом на поданное донесение стали первые изменения в системе управления будущей резиденцией. В ноябре 1848 г. министром императорского двора П. М. Волконским князю М. С. Воронцову было передано императорское повеление следующего содержания: «Главное заведование Ореандским имением поручить Таврическому губернскому предводителю дворянства, которому предоставить: а) выбрать в смотрители надежного и честного человека с назначением ему жалования по усмотрению предводителя из сумм, прежде определенных на содержание Ореанды» [13, л. 75].

В январе 1849 г. А. И. Казначеев представил министру императорского двора донесение о состоянии дел в Ореанде, сообщив о проведенном осмотре самого имения, ревизии документов и о внесенных им изменениях в систему управления и делопроизводства по резиденции, о начале работы в должности смотрителя титулярного советника Смолодовича, снабженного «письменным наставлением касательно управления». Таврический предводитель дворянства, обещая в скором

времени представить подробные сведения о состоянии имения¹, вместе с тем полагал необходимым «определить в Ореанду директора так, чтобы губернский предводитель дворянства мог быть вроде главного инспектора, а для окончательных работ дворцовых назначить комиссию из южнобережных инженер-подполковника, архитектора, смотрителя дворца и временного письмоводителя». Последнее предложение было отвергнуто императрицей, несмотря на заявление великого князя Михаила Павловича о готовности рекомендовать на пост директора полковника кавалергардского полка В. П. Апрелева [13, л. 74 об.–79].

Вместе с тем в декабре 1848 г. тайный советник А. И. Казначеев был назначен Одесским градоначальником, и из столицы последовало новое повеление, возложившее эту работу на Таврического гражданского губернатора генерал-лейтенанта В. И. Пестеля. При этом в силу скорости изменений и задержек с передачей распоряжений непосредственно в Крым, возникла накладка: шнуровые книги для учета прихода и расхода сумм были направлены В. И. Пестелю еще до того, как к исполнению свои обязанностей реально приступил А. И. Казначеев.

В. И. Пестель в свою очередь фактически смог приступить к управлению Ореандой только к весне 1849 г., получив от своего предшественника всю переписку по имению. В марте он отправил свой доклад о состоянии имения. Ответом на него стало переданное через статс-секретаря А. Л. Гофмана повеление императрицы о назначении Таврического гражданского губернатора ответственным за «построение в Ореанде дворца с прочими зданиями», а необходимые средства предполагалось занять в Опекунском совете с выплатой из сумм, выделявшихся на текущее содержание имения [13, л. 77, 79–80, 98].

Реальное возобновление строительства резиденции стало возможным лишь после ее передачи решением Николая I «с соизволения императрицы» в ведение Собственной Его Величества конторы, которую возглавлял гофмаршал граф А. П. Шувалов. Распоряжение об этом было направлено последнему 4 июля 1849 г. министром императорского двора князем П. М. Волконским [13, л. 70, 97]. При этом по решению императрицы ответственность за Ореанду была неофициально возложена на Собственную контору еще в июне, когда началась неформальная передача дел. Так, 20 июня 1849 г. статс-секретарь А. Л. Гофман переслал А. П. Шувалову список с отношениями министра императорского двора, а также одно из дел по имению, смету под №1-8 и три плана [12, л. 52; 13, л. 1, 80 об.].

Гофмаршал оперативно взялся за выполнение поручения руководить Ореандой. Через неделю после назначения ответственным за имение он запросил у управляющего Собственной Его Величества конторы И. И. Яникова записку о состоянии будущей резиденции для обсуждения императрицей изложенных в ней вопросов с наместником на Кавказе князем М. С. Воронцовым. Этот документ был подготовлен к 15 июля и содержал важные предложения относительно организации управления обустройством резиденции. В первую очередь, в этом вопросе предлагалось сформировать новую «Ореандскую строительную комиссию» из

---

¹ Эти донесения были представлены к марту 1849 г.

«благонадежных и знающих хозяйственную и строительную части» лиц, отобранных контролировавшим все работы по резиденции с самого момента их начала генерал-губернатором князем М. С. Воронцовым. При этом предлагалось вменить в обязанность Таврическому гражданскому губернатору оказывать комиссии все возможное содействие. Комиссия же в свою очередь должна была еженедельно представлять донесения «об успехах по всем вообще работам» и запрашивать в ответ указания по своей работе. Автор проекта резиденции архитектор А. И. Штакеншнейдер, как предлагалось, должен был подготовить письменную инструкцию для Комиссии о порядке производства работ и заготовки строительных и отделочных материалов, а затем по представляемым донесениям отслеживать ход строительства и дополнять сделанные указания. До формирования Комиссии с инспекторской поездкой в Ореанду предполагалось направить управляющего Собственной конторой И. И. Яникова. Он должен был изучить результаты строительства и ознакомиться с планами на будущее, провести ревизию деятельности существовавшего в 1842–1848 гг. Комитета постройки дворца в Ореанде, по результатам чего подготовить как предложения о числе чинов, служащих и рабочих для включения в штат имения, так и расчет средств на текущее содержание имения и на погашение займа на завершение зданий и обустройство резиденции. Эти предложения¹ последовательно в середине июля и в конце того же месяца были представлены Александре Федоровне и Николаю I и получили одобрение монаршей четы [13, л. 94, 98–100 об., 140–143].

При этом 16 июля граф А. П. Шувалов направил И. И. Яникову свое письмо, в котором сообщал о намерении подать упомянутую докладную записку, утвержденную императрицей, Николаю I и выдвинуть кандидатуру И. И. Яникова по согласованию с князем М. С. Воронцовым в состав Ореандской Строительной комиссии [13, л. 95, 95 об.].

В ожидании августейшего согласия на реализацию своих предположений, гофмаршал 22 июля направил князю М. С. Воронцову отношение, которым уведомлял о принятом решении «для окончания постройки зданий в Ореанде учредить комиссию из лиц по избранию Вашего сиятельства». Наместнику на Кавказе предлагалось подготовить список возможных членов этого органа и представить его для доклада императору [13, л. 103].

На следующий день было отправлено письмо архитектору А. И. Штакеншнейдеру с поручением составить инструкцию для будущей комиссии. Это поручение было выполнено в сжатые сроки: уже 25 июля 1849 г. зодчий представил А. П. Шувалову свой рапорт с приложением к нему проекта «Правил для руководства в действиях Строительной комиссии» и обещанием вскоре предоставить сведения, необходимые для дальнейшего строительства в Ореанде.

---

¹ При этом после получения одобрения императрицы граф А. П. Шувалов приказывал И. И. Яникову отредактировать докладную записку специально для императора с включением в нее тезиса о планируемом сокращении суммы на меблировку, убранство и обстановку дворцовых зданий, что и было исполнено.

Представленные «Правила» первоначально состояли из 29 пунктов, однако после многочисленных правок гофмаршала, затрагивавших как оформление пунктов, так и их содержание, стали включать в себя 28 статей и сменили свое название на «Инструкция для комиссии построения Императорского дворца в Ореанде». В дополнение к этому документу были предложены 12 форм различных учетных и отчетных материалов (книги прихода и расхода ассигнованных сумм, материалов и инструментов; книги записи поденных рабочих и произведенных работ, квитанций, счетов и ведомостей). При этом в некоторые из них А. П. Шувалов внес свои правки, а книга прихода и расхода мелочной суммы была им вычеркнута. Прошедшие проверку документы было велено «перебелить по карандашу», то есть переписать начисто с учетом внесенных корректировок. Три недели спустя «Инструкция» была отправлена в Крым, в Комиссию построения императорского дворца в Ореанде, а книги учета должен был привезти отправленный для ревизии управляющий Собственной ЕИВ конторой И. И. Яников [13, л. 112–130 об., 150].

А. И. Штакеншнейдер, однако, не ограничился составлением указаний для руководства строительством резиденции, но и хлопотал о формировании штата собственных помощников и выделении им содержания. В направленном 2 августа 1849 г. рапорте А. П. Шувалову зодчий отмечал, что при подготовке планов и чертежей Ореандского дворца, служебных зданий и парка ему содействовали двое помощников. При этом архитектор особо оговаривал, что «занятия по дворцу в Ореанде по искусственной части требуют, как видно и Вашему Сиятельству из хода дела, довольно трудов» [13, л. 136 об.], которые было невозможно осуществить одному человеку. Еще в сентябре 1841 г. к этой задаче был привлечен архитекторский помощник Август Ланге, который ездил с А. И. Штакеншнейдером в Крым, где участвовал в съемке местности, а затем трудился при составлении чертежей и рисунков. Затем наняли художника Карла Циглера, который также работал в Крыму, снимая с натуры уже построенные здания, а также фиксируя характеристики местности для возведения кухонного и конюшенного зданий, а по возвращении из командировки начисто перечерчивал черновые проекты. А. И. Штакеншнейдер отмечал, что, работая ранее над масштабными проектами, подобными Ореанде, он имел под своим началом штат помощников и письмоводителя, получавших оплату из выделенных на эти проекты сумм. При этом он заявлял, что такая работа приравнивалась к действительной службе, считаясь «коронной».

В заключение своего рапорта зодчий просил ходатайствовать перед императором об официальном назначении ему в штат как на действительную государственную, «коронную» службу архитекторского помощника Августа Ланге с жалованием 40 руб. серебром в месяц, художника Карла Циглера с выплатой 35 руб. серебром в месяц и письмоводителя 14 класса Ивана Чихиржина, работавшего на

зодчего еще с сентября 1841 г., с платой в 25 руб. серебром в месяц¹ [13, л. 135, 136 об.–137 об.]. Этот запрос первоначально был переадресован служащим Собственной ЕИВ конторы с указанием о подготовке особого доклада. Соответствующий отчет был составлен к 19 августа 1849 г. и, в дополнение к изложенному в рапорте архитектора, указывал на то, что поступившие документы по Ореанде не содержали ни упоминаний о выплатах перечисленным лицам, ни данных об их зачислении на действительную службу. При этом, если вопрос о назначении жалования, годовые расчеты которого приводились как по каждому лицу отдельно, так и в совокупности за всех, решался в целом положительно, то идея о зачислении на службу в докладе была обойдена стороной. Соответственно и А. П. Шувалов, согласовав выплаты из выделенных на Ореанду средств, не дал никаких распоряжений относительно признания работы помощников А. И. Штакеншнейдера «коронной службой» [13, л. 135, 147–148].

Подготовка ответа на отношение А. П. Шувалова заняла у М. С. Воронцова три недели. 13 августа 1849 г. он уведомлял руководителя Собственной ЕИВ конторы о невозможности определиться с кандидатурами членов Комиссии по постройке Ореанды до своего возвращения в Крым. При этом он отмечал, что на место председателя было бы желательно назначить Таврического губернского предводителя дворянства ротмистра В. Н. Олива. Просьба дополнительно распорядиться об оказании Таврическим гражданским губернатором генерал-лейтенантом В. И. Пестелем содействия в построении Ореанды в целом и в выполнении управляющим Собственной ЕИВ конторой И. И. Яниковым возложенного на него поручения по проверке была, как сообщал М. С. Воронцов, исполнена [13, л. 146–146 об.].

Прибытие И. И. Яникова на место для выполнения возложенной на него миссии состоялось в середине сентября 1849 г. Немедленно по приезде им было направлено письмо к управляющему имением Ореанда Смолодовичу, в котором сообщалось о том, что целью его работы являлся прием имения в ведение Конторы, подразумевавший ревизию всех произведенных и вновь назначенных работ, действий строительной комиссии, проверку отчетности и материалов делопроизводства, а впоследствии подготовка предложений о числе чинов, служителей, рабочих и прочих потребностях будущей резиденции. Для выполнения этой задачи столичным чиновником были запрошены все дела Строительной комиссии, касающиеся финансов, с приложением оправдательных документов: шнуровых книг; ведомостей о состоянии сумм; положения, на основании которого расходовались средства; списков чинов и служителей; описей всего казенного имущества [14, л. 16, 16 об.]. Однако, как можно предположить по следующим документам, сам И. И. Яников не смог добиться немедленного выполнения своего запроса и был вынужден обратиться за содействием к М. С. Воронцову. 29 сентября 1849 г. последний направляет проверяющему из столицы два письма. В одном он

---

¹ Упомянутые лица работали с А. И. Штакеншнейдером на многих проектах, в том числе при возведении Мариинского и Николаевского дворцов в Санкт-Петербурге.

сообщает ему сведения о лицах, выбранных, чтобы войти в состав Комиссии для окончания постройки зданий в Ореанде. Председателем комиссии был назначен занимавший должность Таврического губернского предводителя дворянства В. Н. Олив; членами стали ялтинский судья губернский секретарь И. Ветлицкий, архитектор Южного берега Крыма К. И. Эшлиман и смотритель Ореандского дворца Смолодович. Во втором письме сообщалось о данных К. И. Эшлиману и руководившему прежней Строительной комиссией полковнику С. Т. Ягницкому предписаниях. Первому предписывалось совместно с архитектором В. Гунтом подготовить подробный доклад о том, какие работы и на какую сумму выполнены и что еще нужно было сделать по сметам для полного завершения дворца и на какие суммы, представив отчет И. И. Яникову. От С. Т. Ягницкого требовалось передать вновь составленной комиссии по описям все имевшиеся в наличии материалы и вещи, денежные шнуровые книги, дела и другие документы, относившиеся к постройке резиденции. Вслед за этим письмом были представлены копии соответствующих предписаний [13, л. 17, 17 об., 25–27]. Таким образом, вслед за сменой ответственного учреждения в столице, непосредственно на месте строительства также был сформирован орган, призванный непосредственно руководить работами.

Того же числа М. С. Воронцов направил свое отношение А. П. Шувалову, сообщив о совместном с И. И. Яниковым назначении членов комиссии с их перечислением, а также об истребовании от последнего инструкций как для работы комиссии по общим вопросам (которая еще в середине августа была выслана в Крым), так и касательно порядка ведения финансовой отчетности. При этом, основываясь на содержании пометы на копии доклада обер-гофмаршала, гласившей: «Докладывано 21 ноября 1849 и Ея Величеством утверждено», можно судить, что одобрение состава комиссии императрицей состоялось лишь спустя почти два месяца после фактического ее формирования [14, л. 32–33].

Со своей стороны И. И. Яников, направивший в столицу свое донесение десять дней спустя, 7 октября 1849 г., сообщал, что с самого момента прибытия в Крым 11 сентября обратился к подробному осмотру всего имения. Формирования Строительной комиссии пришлось ждать до 29 сентября, и, как только ее состав был назначен, она немедленно начала работу. Первым делом ее члены обратились к рассмотрению дел бывшего Комитета, проектно-сметной документации, шнуровых книг, инструкции и замечаний А. И. Штакеншнейдера [13, л. 34, 51 об.]. Таким образом, процесс обновления системы управления строительством резиденции в Ореанде завершился.

Подводя итог, стоит отметить, что возобновление строительных работ в Ореанде после длительного перерыва, обусловленного как организационными, так и, в первую очередь, экономическими причинами, стало возможным только после передачи будущей резиденции в ведение Собственной ЕИВ конторы. Этот переход вполне закономерно сопровождался проведением проверки состояния дел и расчетов, необходимость которой стоит считать вполне очевидной ввиду истощения средств при незаконченных работах. Логичным следствием перехода

под контроль другого учреждения стали и изменения в местных органах, отвечавших за управление строительством, в первую очередь, проявившиеся в назначении нового административного персонала.

С учетом длительности этапа согласований, проходивших в столице, организация новой Комиссии заняла два месяца, из которых больше половины срока шла переписка со столичными чиновниками. При этом после получения ревизором – управляющим Собственной ЕИВ конторой И. И. Яниковым сведений об утверждении состава этого органа, столичный чиновник добился незамедлительного начала работы Строительной комиссии, результаты которой, как показало дальнейшее развитие событий, оказались вполне удовлетворительными.

Список использованных источников и литературы

1. Арбатская Ю. Я. «Ореанда» – первое императорское имение на южном берегу Крыма // Проблемы и перспективы развития современной ландшафтной архитектуры: матер. Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – 2017. – С. 8–13.
Arbatskaya Yu. Ya. «Oreanda» – pervoe imperatorskoe imenie na yuzhnom beregu Kryma // Problemy i perspektivy razvitiya sovremennoi landshaftnoi arkhitektury. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. – 2017. – S. 8–13.
2. Калинин Н. Н., Земляниченко М. А. Романовы и Крым: «У всех нас осталась тоска по Крыму...». – Симферополь: Бизнес-Информ, 2018. – 320 с.
Kalinin N. N., Zemlyanichenko M. A. Romanovy i Krym. «U vsekh nas ostalas' toska po Krymu...». – Simferopol': Biznes-Inform, 2018. – 320 s.
3. Калинин Н. Н. Дворец в Ореанде: Шинкель и Штакеншнейдер // III Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма: факты, документы, коллекции, литературоведение, мемуары / Сборник научных трудов. – Симферополь, 1999. – С. 38–40.
Kalinin N. N. Dvoretz v Oreande. Shinkel' i Shtakenshneider // III Dmitrievskie chteniya. Istoriya Yuzhnogo berega Kryma: fakty, dokumenty, kolleksii, literaturovedenie, memuary / Sbornik nauchnykh trudov. – Simferopol', 1999. – S. 38–40.
4. Коляда Е. М. Сады и парки Крыма XIX – начала XX века. История создания и стилистический анализ. – СПб.: Невский институт управления и дизайна, 2009. – 181 с.
Kolyada, E. M. Sady i parki Kryma XIX – nachala XX veka. Istoriya sozdaniya i stilisticheskii analiz. – SPb.: Nevskii institut upravleniya i dizaina, 2009. – 181 s.
5. Кулакова Т. И. Имение «Нижняя Ореанда» в истории дома Романовых и биографиях деятелей русской культуры // Причерноморье. История, политика, культура. – 2012. – № 9. – С. 113–122.
Kulakova T. I. Imenie «Nizhnyaya Oreanda» v istorii doma Romanovykh i biografiyakh deyatelei russkoi kul'tury // Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura. – 2012. – № 9. – S. 113–122.
6. Линникова О. В. Проект К. Ф. Шинкеля для дворца в императорском имении Ореанда // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2018. – № 1(10). – С. 245–260.
Linnikova O. V. Proekt K. F. Shinkelya dlya dvortsa v imperatorskom imenii Oreanda // Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury. – 2018. – № 1(10). – S. 245–260.
7. Литвинова Е. М. Царская семья в Крыму. – Симферополь: Рубин-Плюс, Амазока-Крым, 2011. – 480 с.
Litvinova E. M. Tsarskaya sem'ya v Krymu. – Simferopol': OOO «Rubin-Plyus», «Amazoka-Krym», 2011. – 480 s.
8. Лобзень Н. С., Пальчикова А. П. Ливадия. Ореанда. Очерк-путеводитель. – Симферополь: Сонат, 2007. – 192 с.
Lobzen' N. S., Pal'chikova A. P. Livadiya. Oreanda. Ocherk-putevoditel'. – Simferopol': Sonat, 2007. – 192 s.
9. Лосева А. С. Петергоф и Ореанда эпохи романтизма // Вопросы искусствознания. – 1996. – № 2. – С. 92–107.

- Loseva A. S. Petergof i Oreanda epokhi romantizma // Voprosy iskusstvoznaniya. – 1996. – № 2. – S. 92–107.
10. Манцыгина И. В., Архитектура усадеб «Царского берега» в Крыму в XIX – начале XX в.: дис. ... канд. архитектуры. – СПб., 1999. – 404 с.
- Mantsygina I. V., Arkhitektura usadeb «Tsarskogo berega» v Krymu v XIX – nachale XX v.: dis. ... kand. arkhitektury. – SPb., 1999. – 404 s.
11. Петрова Т. А. Архитектор А. И. Штакеншнейдер. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – 573, [2] с.
- Petrova T. A. Arkhitektor A. I. Shtakenshneider. – SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitaga, 2012. – 573, [2] s.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 524. Оп. 1. Д. 2.
Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 524. Op. 1. D. 2.
13. РГИА. Ф. 1338. Оп. 1 (20/78). Д. 6.
RGIA. F. 1338. Op. 1 (20/78). D. 6.
14. РГИА. Ф. 1338. Оп. 1 (20/78). Д. 7.
RGIA. F. 1338. Op. 1 (20/78). D. 7.
15. Филатова Г. Г. Дворец и храм в Нижней Ореанде. – Симферополь: Н. Орианда, 2021. – 96 с.
Filatova G. G. Dvoretz i khram v Nizhnei Oreande. – Simferopol': N. Orianda, 2021. – 96 s.
16. Шинтыпина Е. С. Архитектурно-историческое наследие поселка Ореанда на южном берегу Крыма // Культурное наследие России. – 2019. – № 1. – С. 68–73.
- Shintypina E. S. Arkhitekturno-istoricheskoe nasledie poselka Oreanda na yuzhnom beregu Kryma // Kul'turnoe nasledie Rossii. – 2019. – № 1. – S. 68–73.

Yefimov A. A. Transformation of management system of construction of the emperor's residence «Oreanda»

The article refers to a little-known episode of the activities of the Ministry of the Imperial Court to create Oreanda, the first residence of the imperial family on the southern coast of Crimea. The author notes that the process of construction was by no means simple, since the building of Oreanda, which was considered the private residence of the Empress, was interrupted for several years from 1845 to 1849 due to financial problems. The article states that the resumption of work required a change in the estate management system. The author notes the sequence of changing those responsible for the future residence in the Crimea. At the same time, the fundamental event for real change was the transfer of Oreanda to the jurisdiction of His Majesty's Own Office, followed by active correspondence with the aim of forming a body capable of conducting work on the spot. The article notes that the creation of a new Construction Commission was accompanied by an audit of the affairs of its predecessor by a special official from St. Petersburg and the development of rules for the new body.

Keywords: the Ministry of the Imperial Court, Crimea, empress Aleksandra Fedorovna, M.S. Vorontsov, construction

УДК 94(470-321.9)

О ТАВРИЧЕСКОМ КОНСУЛАТЕ¹

Кравчук А. С.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: alexkravchuk7@gmail.com*

На основе архивных материалов Российского государственного исторического архива впервые восстановлен процесс создания и функционирования Таврического консулата. Данный орган управления был учрежден 15 апреля 1797 г. по указу императора Павла I. Его организация стала продолжением административной реформы императора в ходе которой было проведено укрупнение административных единиц и ликвидирована Таврическая область. Основными функциями Консулата были выдача паспортов прибывающим в крымские порты негосударственным купцам и решение торговых споров. Данная мера должна была способствовать сохранению объемов торговли в регионе. Непосредственное участие в разработке указа принимал генерал-прокурор А. Б. Куракин. Впоследствии он же стал одним из инициаторов введения на полуострове порто-франко и предлагал выделить Крым из состава Новороссийской губернии в отдельную административную единицу.

Ключевые слова: Таврический консулат, порто-франко, А. Б. Куракин, Таврида, Таврическая область.

Историческое развитие Тавриды в последней четверти XVIII – начале XIX вв. привело к трансформации жизни местного населения и положило начало многочисленным событиям последствия которых ощущаются и в наши дни. Именно поэтому, данный короткий с точки зрения исторического процесса промежуток времени, привлекает внимание многочисленных исследователей. Особенно это характерно для времени царствования Екатерины II и руководства краем Г. А. Потемкиным. В разнообразных научных и научно-популярных трудах, как правило, превозносятся и гиперболизируются достижения той эпохи. Часто ученые выдают принятые законодательные акты и разработанные проекты за нечто, получившее воплощение в жизни, при этом реальная картина остается малоисследованной.

В действительности в правящих кругах не существовало четкой стратегии по освоению Крыма и Северного Причерноморья [11, с. 142–143]. Большая часть принимаемых решений были ответами на возникающие вызовы, при этом в среде высших администраторов сложилось во многом ошибочное представление о перспективах развития края. Регион воспринимался как «рай на земле».

---

¹ Статья выполнена в рамках гранта «Формирование и кадровое обеспечение местных учреждений Новороссийского края и Крыма в конце XVIII – первой половине XIX вв.» Совета по грантам Президента Российской Федерации для молодых российских ученых, грант № МК-3927.2022.2

This work was supported by The Russian presidential grant for young scientist, project «Formation and staffing of local authorities in the Novorossiya Region and Crimea at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries», no. МК-3927.2022.2

Екатерина II во время своего путешествия в Крым писала Я. А. Брюсу «Херсон почитать можно между самыми лучшими городами нашими. Сие дитя много обещает, где сажают, тут все растет, где пашут, тут изобилие, строение все каменное, мы жары по сию пору не чувствуем, все здоровы, здешние люди большого вида не имеют и все копышется, людство великое и стечение людей со всех краев, наипаче же все полуденные» [7, с. 114]. Еще более высоко оценивались перспективы экономического развития Тавриды. Данный тезис прослеживается в письмах Екатерины II, Г. А. Потемкина, высших сановников, а также в первых научных описаниях Крыма.

*Алексей Борисович Куракин.
Художник Людвиг Гуттенбрунн.*

Известный естествоиспытатель П. С. Паллас подготовил и издал несколько трудов посвященных полуострову. Ранее «Краткое описание» [12] наполнено оптимизмом и восхвалением всех преимуществ полуденного края. Спустя некоторое время, став крымским помещиком и на деле соприкоснувшись с местными реалиями, ученый подготовил еще одну работу – «Наблюдения» [13]. Более позднее издание было переработанной и дополненной версией первой книги. По прошествии некоторого времени П. С. Паллас давал куда более сдержанные и приближенные к реальности оценки перспектив экономического роста. Так, например, только в процессе организации садов ученый выяснил, что хороший урожай фруктов в Крыму бывает только один раз в три-четыре года, а гранатовые и оливковые дают мелкие плоды, фиговые деревья и вовсе вымерзают зимой [13, с. 183–185]. П. С. Паллас скептически оценивал первые 15 лет господства Российской империи в Крыму. Он отмечал, что за это время здесь так и не появились ремесленники, а также наблюдался острый недостаток рабочих рук [13, с. 204]. Критически автор подходил и к перспективам развития торговли: «по своей ограниченной промышленности и отдалению от внутренних хлебородных областей, небольшой населенности, недостаточным урожаем и по своему положению не может рассчитывать (Крым – авт.) на большую ввозную и вывозную торговлю» [13, с. 204]. В данном контексте он выделял преимущества Одессы, Таганрога и Херсона.

Любопытно, что многие из составителей проектов развития Крыма опирались на что угодно, кроме здоровой оценки сложившейся ситуации. В ход шло даже

упоминание развитой торговли в периоды античности и средневековья. Многие авторы игнорировали очевидные сложности: нашествия саранчи, чередование периодов засухи и холодных зим, неразвитость логистики и внутренней торговли. Часто забывали упоминать об изолированности черноморских портов, когда любой конфликт с Османской империей вел к прекращению связи со Средиземным морем. При этом представители интеллектуальной элиты Российской империи не видели источником роста местное население. Большинство считало, что полуостров нужно заселить славянами и иностранными колонистами, сделать христиан доминирующей частью населения. Такое восприятие реальности делало освоение полуострова крайне затратным мероприятием и увеличивало вероятность растянуть этот процесс на долгое время.

Карта Таврической области.
Малоформатный атлас Российской империи (1792 г.)

Ситуация изменилась после восшествия на престол Павла I. Произошло смещение акцентов во внутренней и внешней политике. В данном контексте особенно интересна сложившаяся оценка царствования Павла I и его роли в развитии Новороссийского края и Крыма. Его правление в истории региона традиционно считается исследователями своеобразными «темными временами», когда все достижения екатерининской эпохи были перечеркнуты ее мстительным сыном. Такое во многом стереотипное представление сложилось в силу ряда обстоятельств. Во-первых, из-за целенаправленной политики Александра I и его окружения, стремящихся дискредитировать предшественника и таким образом оправдать дворцовый переворот и убийство императора. Во-вторых, из-за относительной малочисленности источников и их рассредоточения по архивам и фондам. Последний фактор возник из-за многочисленных реформ местных и центральных органов управления, которые были проведены самим Павлом I, а затем Александром I. В результате документы часто передавались из ведомств одних учреждений в другие. Их выявление требует кропотливой работы.

Анализ выявленных нами документов позволяет по-новому оценить проводимую Павлом I политику в регионе. Ключевым его намерением видится не желание отомстить почившей матери и дискредитировать ее достижения, а сократить нерациональные траты, ограничить всевластных фаворитов. За укрупнением и трансформацией административного аппарата на юго-западе Российской империи в первую очередь было стремление в разы уменьшить расходы казны на многочисленный чиновничий аппарат, который был создан в малонаселенном регионе [9, с. 144; 10, с. 97–98]. Свертывание ряда проектов по хозяйственному освоению происходило вследствие неэффективности и убыточности предприятий. Многие сановники времен царствования Павла I весьма скептически относились к успехам предшественников во внутренней политике и во многом их критика была справедлива. Таким образом, привлечение новых архивных данных по истории правления Павла I в контексте исследования окраинных территорий империи позволяет не только лучше понять основные тенденции развития регионов в указанный период, но и критически переосмыслить достижения екатерининской эпохи.

Актуальность выбранной нами темы исследования усиливается также тем, что период царствования Павла I в истории Новороссийского края и Тавриды на сегодняшний день остается малоизученным. Традиционно исследователями упоминаются лишь ликвидация Таврической области, переименование ряда населенных пунктов и попытка введения режима порто-франко в Крыму [1, с. 21]. Если первые два сюжета нашли отражение в исторической литературе у исследователей в дореволюционный период, то на последний было обращено внимание в наши дни. Однако дальше анализа указов о введении и ликвидации порто-франко в Крыму, опубликованных в «*Полном собрании законов Российской империи*», авторы не пошли [2; 6; 19].

Общезвестно, что 12 декабря 1796 г. последовал указ Павла I о новом административно-территориальном устройстве Российской империи. Была создана

Новороссийская губерния, в которой были объединены Екатеринославское и Вознесенское наместничества и Таврическая область [15, с. 229–230]. В Тавриде реальная ликвидация сложившегося при Екатерине II административного устройства происходила уже в 1797 г. Местным чиновникам давалось определенное время на завершение дел и передачу их в новые присутственные места. На территории Таврической области создавалось два уезда – Акмечетский и Перекопский. К началу лета основные преобразования были завершены. В это же время регион должен был покинуть бывший правитель области генерал-майор Семен Семенович Жегулин. Высшим должностным лицом, оставшимся на полуострове, был командующий войсками в Крыму генерал от инфантерии Михаил Васильевич Каховский. Именно ему пришлось столкнуться с одним из важнейших последствий реформы 1796 г.

Карта Новороссийской губернии. Атлас Российской империи (1800 г.).

*Павел I.
Художник В. Л. Боровиковский.*

В начале весны 1797 г. М. В. Каховский обратил внимание центра на одну из важнейших проблем, порожденную административной реформой Павла I. Его письма были адресованы канцлеру Александру Андреевичу Безбородко, генерал-прокурору Александр Борисовичу Куракину и президенту Коммерц-коллегии Петру Александровичу Соймонову. В своих докладах он просил указаний, кому поручить выдачу «срочных билетов, приезжающим к таврическим портам по торговому промыслу и по другим надобностям чужеземным шкиперам и пассажирам для их беспрепятственного за границу отправления. А также пашпортов, прибывшим по коммерческим и торговым делам. Промышленники и разного звания люди следуют из Тавриды через Арабат и Перекопскую линию. До селе пашпорта выдаваемы были за подписанием губернатора

(правителя области – авт.) и поскольку наступает уже время, когда отходят купеческие суда из портов таврических в Константинополь и к Анатолийским берегам сия проблема требует особенного внимания» [18, л. 1]. Кроме того, М. В. Каховский упоминал и о необходимости выдачи паспортов жителям Тавриды «выезжающим в Иерусалим, Мекку и в разные побережные турецкие области» [18, л. 1]. Особенно важно это было в связи с необходимостью недопущения препятствий паломничеству местных мусульман. Отметим, что пристальное внимание генерала к гражданским делам уже осенью того же года поспособствовало его назначению на должность новороссийского военного губернатора.

Сложившуюся проблему было необходимо разрешить в кратчайшие сроки. Вопрос сохранения и развития торговли в Крыму рассматривался на самом высоком уровне на протяжении всего 1797 г. Ключевую роль в этих процессах сыграла Коммерц-коллегия, а затем Экспедиция государственного хозяйства, опекуинства иностранных и сельского домоводства при Сенате. По поручению А. Б. Куракина президентом коммерц-коллегии П. А. Соймоновым был разработан проект учреждения нового органа управления. О создании Таврического консулата было объявлено 15 апреля 1797 г. указом Павла I [15, с. 591]. Спустя несколько недель, 30 апреля, для него была утверждена инструкция [15, с. 597–598].

*Михаил Васильевич Каховский.
Портрет неизвестного художника.*

Таврической области, а затем и Таврической губернии [3, л. 2–4; 5, л. 68–69]. Писцам и рассыльщикам полагалось по 150 руб., служащие данных категорий в штатных органах управления относились к канцелярским служителям и их оклады определялись в зависимости от суммы, выделявшейся каждому конкретному органу управления на канцелярские расходы. Для данной категории чиновников установленный оклад был достаточно высоким [8, с. 32–33].

Согласно указу, на Консулат возлагалось решение двух основных задач. Во-первых, выдача паспортов и билетов прибывающим и покидающим полуостров «разного звания людям». По этим вопросам консул должен был подчиняться новороссийскому военному губернатору «как начальству, коему бдение о безопасности и устройстве земли вверено и

возглавлял новообразованное присутственное место консул. Кроме того, по штату полагалось два переводчика, три писца и четверо рассыльщиков. Всего на содержание Таврического консулата жаловалось 2950 руб. в год [18, л. 8]. Оклад консула составлял 800 руб. в год и в несколько раз превышал жалованье инспекторов таможенной стражи крымских портов, получавших 300 руб. Таким образом, составители подчеркивали начальственное положение консула. Определяемые переводчики должны были знать армянский, греческий, итальянский и турецкий языки: «поелику одного с такими знаниями найти весьма трудно, каждому из них определить по 300 руб. Оные также могут у консула исправлять и должность секретарскую, каждый по своей части» [18, л. 3–5]. Примерно такие же оклады были у переводчиков в годы существования

*Александр Андреевич Безбородко.
Художник И. Б. Лампи.*

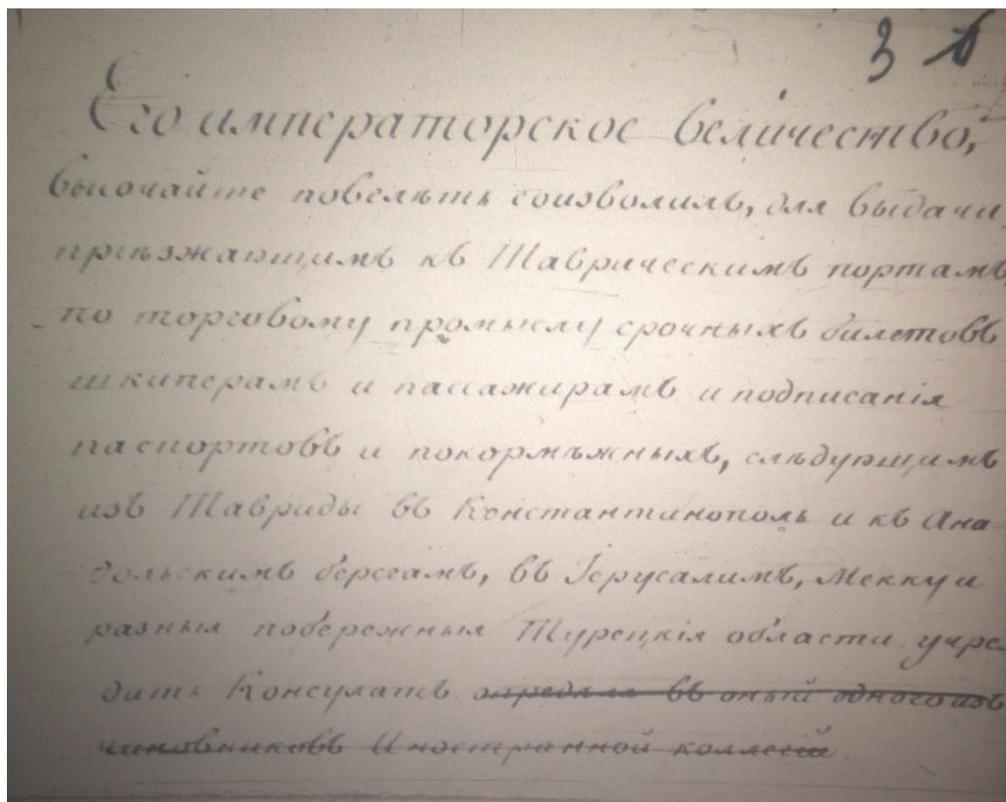

*Петр Александрович Соимонов.
Портрет неизвестного художника.*

во всех обстоятельствах, по мере оных важности, быть подчиненным его наставлениям или разрешениям» [18, л. 3–5]. Также консул должен был выявлять среди прибывающих и убывающих иностранцев шпионов. В случае обнаружения подозрительных лиц он был обязан доложить военному губернатору. Ему же он подчинялся по всем делам «касающимся земского управления». Таким образом после учреждения нового органа управления в гражданской части на полуострове возникала коллизия, так как полномочия между консулом и уездными присутственными местами никак не разграничивались.

Во-вторых, Таврический консулат должен был осуществлять наблюдение за торговлей: «Если Консулат найдет что-либо делающие оной остановку, препятствие или невыгоды, или когда усмотрит какие ни есть к распространению и обогащению ее полезные виды, для произведения оных в надлежащее действие должен представлять Коммерц-коллегии. Ее обязанность будет при соображениях тамошней торговли, если востребуется, предписывать ему доставлять объяснения и наблюдения» [18, л. 4–5]. Таким образом в этой области своей деятельности Консулат был подведомственен Коммерц-коллегии. Также консул был обязан состоять в постоянном контакте с российским послом в Константинополе «дабы он скорыми и верными известиями предупреждал и разрешал дела во всех случаях, относительных до его должности» [18, л. 5]. Появление этого пункта в инструкции было вызвано необходимостью поддерживать контакты по дипломатической линии для борьбы со шпионажем, а также с целью своевременного предупреждения в случае появления чумы и других «заразительных болезней».

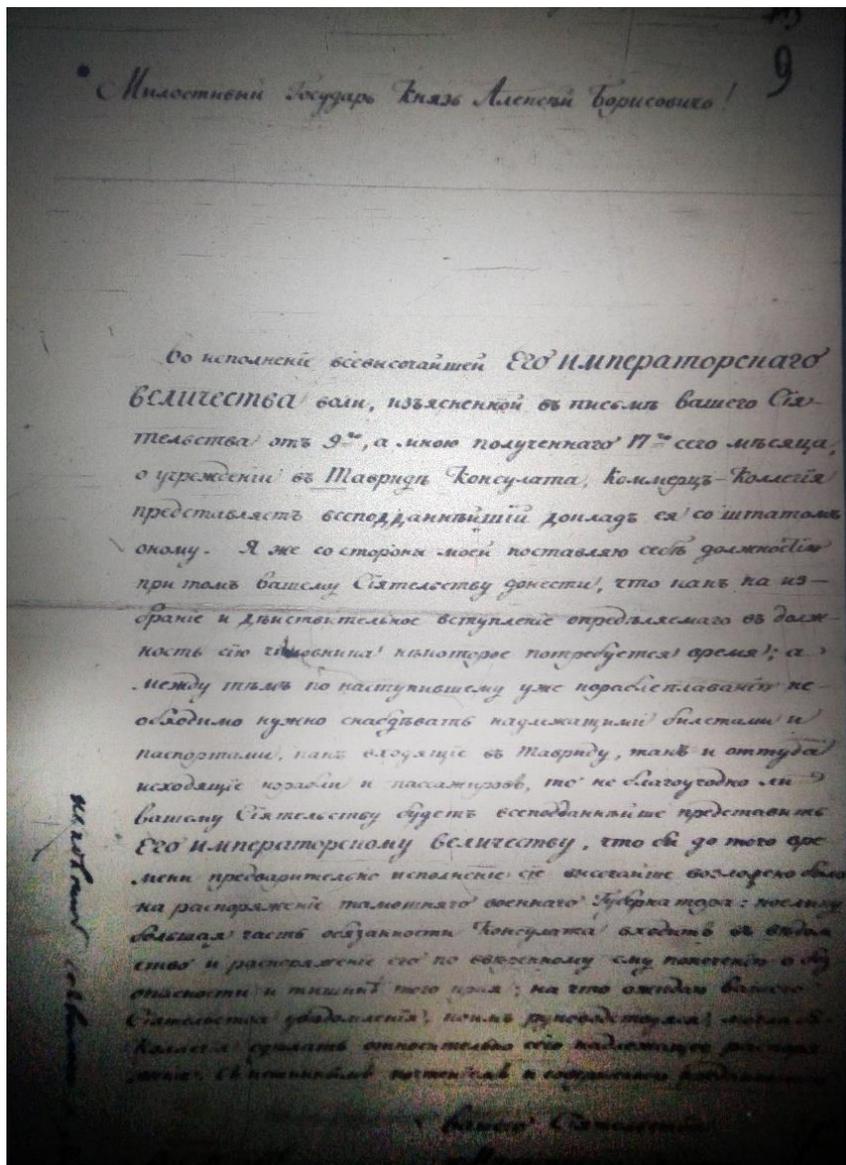
Местом пребывания Таврического консулата определялся Симферополь. Согласно указу, этот выбор был обусловлен географическим положением: «город сей в середине почти полуострова находится, откуда во все таврические порты к таможенным начальникам может быть скорее рассыласться потребное число билетов и паспортов и получать от них сведения, кому именно оные будут розданы. Сие так же и до уничтожения губернии (области – авт.) в Тавриде происходило. Все возлагаемое ныне на Консулат исполняемо было таврическим губернатором (правителем области – авт.)» [18, л. 5]. Кроме того, в Симферополе после ликвидации области оставалось достаточное количество свободных зданий, которые возводились для присутственных мест, «где оный Консулат без всякой издержки может быть помещен» [18, л. 5].

Черновик Указа об открытии Консулата (1797 г.).
Из фондов РГИА.

Еще до издания инструкции Таврическому консулату высшие сановники озаботились подбором чиновника на должность руководителя данного органа. В Санкт-Петербурге понимали, что промедление в этом вопросе может нанести непоправимый вред торговле и парализовать работу местных таможен. В своем письме от 23 апреля 1797 г. П. А. Соймонов к А. Б. Куракину предлагал следующее решение: «До назначения консула на избрание коего потребуется некоторое время, а по наступившему уже кораблеплаванию необходимо нужно снабжать надлежащими билетами и паспортами как входящие в Тавриду, так и оттуда исходящие корабли и пассажиров, то не благоугодно ли вашему сиятельству будет всеподданнейше представить Его Императорскому Величеству, чтобы до того времени предварительное исполнение сие высочайше возложено было на распоряжение тамошнего военного губернатора. Поелику большая часть обязанности Консулата входит в ведомство и распоряжение его по вверенному ему попечению о безопасности и тишине того края» [18, л. 9]. Это предложение получило одобрение. Учитывая расстояние от крымских портов до места

пребывания военного губернатора в Новороссийске (Екатеринославе) это решение было не самым удачным. На преодоление этого расстояния могли уйти месяцы.

Фрагмент доклад П. А. Соймонова А. Б. Куракину
об открытии в Крыму Консулата (1797 г.).
Из фондов РГИА.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВѢЩЕСТВА рукою тако:

Быть по сему.

Въ Москвѣ Апрѣля 30 го дня 1797 года.

Ш Т А Т Ъ
Таврическому Консулату.

	Число людей.	Окладного въ годъ жалованья:	
		Одному Всѣмъ	
		рубля	рубля
Консулъ - - - - -	1	800	800
Переволочиковъ - - - - -	2	300	600
Писцовъ - - - - -	3	150	450
Разсмазчиковъ - - - - -	4	150	600
На Канцелярской расходъ - - - - -	-	-	500
Всего - - - - -	10	1400	2950

Подлинной подписан: Петръ Соймоновъ, Николай Кадаревъ, Петръ
Алексеевъ, Петръ Ивановскій, Федосей Пайковъ, Яковъ Владимировъ, Давыдъ
Чернышевскій, Секретаря Алексѣй Мазуревскій.

*Штат Таврического консулата.
Из фондов РГИА.*

Первые назначения в штат Таврического консулата начались летом–осенью 1797 г. На службу принимались чиновники, ранее служившие в ликвидированных присутственных местах Таврической области [4, л. 42–44; 6, с. 33–34; 10, л. 8–12]. Имя консула нам установить не удалось, также не известно был ли кто-то назначен на этот пост до издания указа о введении порто-франко на Крымском полуострове.

Таким образом достичь унификации управления, к которому стремился центр проводя реформу 1796 г., не удалось. Создание Таврического консулата виделось временным решением крайне важной проблемы. Павел I и его окружение очень внимательно отнеслись к развитию региона и особенно торговли. В обсуждении данного вопроса принимали участие высшие чины: канцлер А. А. Безбородко, генерал-прокурор А. Б. Куракин, президент Коммерц-коллегии П. А. Соймонов, генерал-лейтенант П. П. Тарбеев, сенатор А. В. Храповицкий и др. Центр постоянно делал запросы о стоимости товаров в крымских портах. По всей видимости

обсуждение возможностей лучшего устройства торговли на полуострове продолжилось и после указов о создании Таврического консульства. Ведущую роль в этом процессе стал играть А. Б. Куракин. Итогом этой работы стало введение в Крыму 13 февраля 1798 г. порто-франко на 30 лет [14, л. 64–68]. Режим просуществовал недолго и был отменен 21 декабря 1799 г. в связи с изменившимися внешнеполитическими обстоятельствами [14, л. 919].

В Российском государственном историческом архиве в Ф. 1341 – «Первый департамент Сената» нами было выявлено дело «Об учреждении на Таврическом полуострове порто-франко» [17]. Большая часть корреспонденции, содержащаяся в этом деле, была адресована именно А. Б. Куракину. Среди документов присутствуют разнообразные предложения о совершенствовании торговли и административного устройства Крыма. Генерал-прокурор являлся автором «Устава Таврического правления» [17, л. 42–48]. В данном документе содержались конкретные шаги по воплощению указа о введении порто-франко в жизнь. Согласно этому проекту, Крым предлагалось выделить из состава Новороссийской губернии. Таким образом получил бы дальнейшее развитие указ о создании Таврического консульства – под ведомством местного начальства была бы не только торговля, а и все местное управление. Сам Консулат предполагалось ликвидировать и вместо него открыть в Симферополе Таврического правления с более широкими полномочиями [17, л. 42].

Проект А. Б. Куракина не был реализован, так как вскоре после его рассмотрения императором, автор попал в опалу. Что касается работы Таврического консульства, то судя по архивным материалам, его функции были весьма ограничены и сводились к приему документов и их отправке на утверждение и подпись новороссийскому военному губернатору. Такой ход дел существенно замедлял торговлю и создавал длительные бюрократические проволочки.

Таким образом, создание Таврического консульства стало необходимой мерой после проведенной в 1796 г. административной реформы, направленной на унификацию управления и укрупнение административных единиц. Новый орган управления должен был облегчить выдачу паспортов и оперативно разрешать торговые споры. Однако, высшие сановники понимали, что принятые меры не являются достаточными и скорее носят временный характер. Именно поэтому работа в данном направлении продолжилась и вскоре было принято решение о введении порто-франко в Крыму. Из-за скудной источниковой базы оценить эффективность деятельности Консульства крайне затруднительно. По косвенным факторам можно утверждать, что данный орган управления был весьма ограничен в возможностях и находился в полной зависимости от новороссийского военного губернатора.

Список использованных источников и литературы

1. Болотина Н. Ю., Непомнящий А. А. Организация управления и административно-территориальные преобразования. Деятельность светлейшего князя Г. А. Потемкина // История Крыма: в 2 т. / Отв. ред. А. В. Юрасов. – М.: Кучковое поле, 2018. – Т. 2. – С. 15–21.

Bolotina N. Ju., Nepomnjashhij A. A. Organizacija upravljenja i administrativno-territorial'nye preobrazovanija. Dejatel'nost' svetlejshego knjazja G. A. Potemkina // Istorija Kryma: v 2 t. / otv. red. A. V. Jurasov. – M.: Kuchkovoe pole, 2018. – T. 2. – S. 15–21.

2. Борщик Н. Д., Прохоров Д. А. Введение таможенного режима «порто-франко» в Таврической области в 1796–1802 гг.: причины и последствия // Научные ведомости Белгородского государственного университет. Сер.: История. Политология. – 2018. – Т. 45, № 3. – С. 530–536.

Borshhik N. D., Prohorov D. A. Vvedenie tamozhennogo rezhima «porto-franko» v Tavricheskoj oblasti v 1796–1802 gg.: prichiny i posledstvija // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universitet. Ser.: Istorija. Politologija. – 2018. – T. 45, № 3. – S. 530–536.

3. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), ф. 27, оп. 1, д. 470.

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (dalee – GARK), f. 27, op. 1, d. 470.

4. ГАРК, ф. 27, оп. 1, д. 1646.

GARK, f. 799, op. 1, d. 6.

5. ГАРК, ф. 799, оп. 1, д. 6.

GARK, f. 799, op. 1, d. 6.

6. Гончарук Т. Г. Спроби впровадження порто-франко на Кримському півострові наприкінці XVIII – у першій половині XIX ст. в контексті боротьби за «вільну торгівлю» міст Південної України // Крим від античності до сьогодення: історичні студії / Відп. ред. В. Смолій. – Київ.: Інститут історії України НАН України, 2014. – С. 344–346.

Goncharuk T. G. Sprobi vprovadzhennja porto-franko na Krims'komu pivostrovi naprikinci XVIII – u pershij polovini XIX st. v konteksti borot'bi za «vil'nu torgivlju» mist Pivdennoï Ukraïni // Krim vid antichnosti do s'ogodennja: istorichni studii / vidp. red. V. Smolij. – Kiïv.: Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2014. – S. 344–346.

7. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой половине XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 416 с.

Zorin A. L. Kormja dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaja ideologija v Rossii v poslednej treti XVIII – pervoj polovine XIX veka. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. – 416 s.

8. Кравчук А. С. Кадровое обеспечение органов управления Таврической области в 1784–1796 гг. // Российская история. – 2022. – № 4. – С. 31–37.

Kravchuk A. S. Kadrovoe obespechenie organov upravljenja Tavricheskoj oblasti v 1784–1796 gg. // Rossijskaja istorija. – 2022. – № 4. – S. 31–37

9. Кравчук А. С. «Минувшую зиму из казны выдано 32 тысячи рублей на вспоможение»: итоги ревизии Новороссийской губернии сенаторами И. И. Кушелевым и А. И. Алексеевым. 1800 г. // Исторический архив. – 2022. – № 3. – С. 144–149.

Kravchuk A. S. «Minuvshuju zimu iz kazny vydano 32 tysjachi rublej na vspomozhenie». Itogi revizii Novorossijskoj gubernii senatorami I. I. Kushelevym i A. I. Alekseevym. 1800 g. // Istoricheskij arhiv. – 2022. – № 3. – S. 144–149.

10. Непомнящий А. А., Кравчук А. С. On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century // Былые годы: российский исторический журнал. – 2018. – Т. 47, № 1. – С. 97–106.

Nepomnjashhij A. A., Kravchuk A. S. On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century // Bylye gody: rossijskij istoricheskij zhurnal. – 2018. – T. 47, № 1. – S. 97–106.

11. Непомнящий А. А., Кравчук А. С. Крым в начале преобразований: на обочине империи // Крым: проблемы истории. Сборник статей / Отв. ред. А. В. Юрасов. – М.: Индрик, 2016. – С. 142–155.

Nepomnjashhij A. A., Kravchuk A. S. Krym v nachale preobrazovanij: na obochine imperii // Krym: problemy istorii. Sbornik statej / Otv. red. A. V. Jurasov. – M.: Indrik, 2016. – S. 142–155.

12. Паллас. П. С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. – СПб.: Императорская типография, 1795. – 72 с.

Pallas. P. S. Kratkoe fizicheskoe i topograficheskoe opisanie Tavricheskoj oblasti. – SPb.: Imperatorskaja tipografija, 1795. – 72 s.

13. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. – М.: Наука, 1999. – 246 с. – (Сер. «Научное наследство»).

Pallas P. S. Nabljudenija, sdelannye vo vremja puteshestvija po juzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godah / Per. s nem. – М.: Nauka, 1999. – 246 s. – (Ser. «Nauchnoe nasledstvo»).

14. Полное собрание законов Российской империи–I (далее – ПСЗРИ–I). – Т. 25: 1798–1799.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii–I (dalee – PSZRI–I). – Т. 25: 1798–1799.

15. ПСЗРИ–I. – Т. 24: 6 ноября 1796–1797.

PSZRI–I. – Т. 24: 6 nojabrja 1796–1797.

16. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 796, оп. 78, д. 406.

Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv (dalee – RGIA), f. 796, op. 78, d. 406.

17. РГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 161.

RGIA, f. 1341, op. 1, d. 161.

18. РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 217.

RGIA, f. 1374, op. 1, d. 217.

19. Borshcik N. D. and ets. Formation and operation of customs agencies in Crimea at the initial stage (1783–1822) // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2018. – № 48(2). – С. 528–537.

Borshcik N. D. and ets. Formation and operation of customs agencies in Crimea at the initial stage (1783–1822) // Bylye gody. Rossijskij istoričeskij zhurnal. – 2018. – № 48(2). – S. 528–537.

Kravchuk A. S. Towards the question concerning the Taurida Consulate

The article is devoted. In this article, based on archival materials from Russian State Historical Archive, reconstructed the process of creation and functioning of the Taurida Consulate. This state management body was established on April 15, 1797 by decree of Emperor Paul I. Its organization was a continuation of the emperor's administrative reform, during which the consolidation of administrative units was carried out and the Taurida Oblast was liquidated. The main functions of the Consulate were the issuance of passports to merchants arriving at Crimean ports and the resolution of trade disputes. This measure was supposed to contribute to the preservation of trade volumes in the region. Prosecutor General A. B. Kurakin took a direct part in the preparation of the decree. Subsequently, he also became one of the initiators of the introduction of free-trade zone in the peninsula and proposed to separate Crimea from the Novorossiya province and create a new administrative unit.

Keywords: Taurida Consulate, free-trade zone, A. B. Kurakin, Taurida, Taurida Oblast.

УДК 94/8

ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ КОЛОНИЙ ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ И СТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМЫХ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН

Лосев К. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
Российская Федерация, Санкт-Петербург
E-mail: secretariat@hf-guap.ru*

Михайлов В. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
Российская Федерация, Санкт-Петербург
E-mail: secretariat@hf-guap.ru*

История становления государственности отдельных латиноамериканских стран в отечественной историографии редко изучалась вне общей истории освободительной борьбы в Латинской Америке в 1795–1826 гг. Делается акцент на особенностях социально-политического устройства венесуэльского общества и отдельных территорий Венесуэлы на начальном этапе антиколониальной борьбы против испанского владычества. Показаны экономические и социально-гуманитарные предпосылки участия в антииспанских выступлениях самых различных слоев латиноамериканского общества, от крупных землевладельцев до рабов, вывезенных из Африки, и местных индейских племен. Отмечены противоречия в восприятии идеи «освобождения» в кругах латиноамериканской интеллигенции, ориентирующейся на теорию и демагогию периода Французской революции, и практическом воплощении экономической и культурной свободы от подчинения Испании в реальном латиноамериканском обществе, где богатство было основано в основном на рабском труде и различных формах «теневого» экономики.

Ключевые слова: испанские колонии в Америке, история Венесуэлы, рабство в Латинской Америке, антиколониальная борьба в Латинской Америке, Педро Фермина де Варгас, Симон Боливар, Хосе Антонио Паэс.

История освободительной борьбы народов Латинской Америки за освобождение от колониальной зависимости и становления независимых латиноамериканских стран представляет большой интерес для исторической науки, причем в последние годы этот интерес становится все более актуальным, особенно, в отношении Венесуэлы. Новая «боливарианская» идеология, пропагандируемая президентом Уго Чавесом и его последователями и политическими преемниками ставит новые вопросы относительно периода освободительной антиколониальной борьбы, ее социальных, политических и военных аспектов и последствий. Особенности регионального развития латиноамериканских стран остались, несмотря на прошедшие после освобождения два столетия, такие социально-

политические феномены, как этно-социальное бесправие, военно-политический каудилизм, авторитарный стиль политического лидерства, во многом сохраняются, при самом различном идеологическом наполнении политики Венесуэлы, и требуют отдельного исторического анализа [3, с. 12]. Становление же их связано с самым началом истории Венесуэлы, когда в ходе внутренней политической борьбы на уже освобожденных территориях Колумбии и Венесуэлы произошло разделение единой Великой Колумбии и образование независимой Венесуэлы под руководством ее первого президента Хосе Антонио Паэса (1790–1873).

Традиционно, отечественные историки отмечают две основные предпосылки начала антииспанского освободительного движения в Латинской Америке: во-первых, экономическая политика Мадрида, установившего «многочисленные запреты и ограничения, которые мешали экономическому прогрессу, но приостановить его все же не могли» [1, с. 59], во-вторых, это упадок самой Испанской монархии, терпевшей военные поражения от Англии. Однако следует заметить, что сами по себе налоговая политика метрополии и торговые ограничения, при всей их тяжести могут вполне отвечать интересам правящего класса колонии и не приводить к восстаниям и революциям. Недаром, советская историческая школа настаивала на том, что колониальный режим препятствовал «формированию в странах Испанской Америки капиталистических отношений» [1, с. 59], то есть, отношений нового экономического уклада. При этом, к началу 19 века эти отношения были довольно слабо развиты на фоне традиционного колониального уклада: пеонажа, рабского труда на латифундиях и рудниках и других форм, определяющих практически всю реальную экономику латиноамериканского региона. С другой стороны, «победоносная» в войнах с Испанией (1779–1782, 1796–1801, 1804–1808 гг.) Англия, сама уже потеряла свои американские колонии, добившиеся независимости еще в 1779 году, а в Европе над Англией нависала угроза со стороны Наполеоновской Франции.

В последние годы историки обнаруживают все большее значение не экономических или военно-политических факторов в зарождении и развитии определенных движений, приводящих к заметному перекраиванию политической карты, но факторов социо-гуманитарных. Изменение позиции самоопределения часто небольшой группы людей конкретного социума при наличии харизматического лидера, могут вызвать массовые однонаправленные реакции в обществе, меняющие практически полностью властный или политический ландшафт. «Чаепитие в Бостоне» – яркий пример такого изменения позиции небольшой группы, последствия которого совершенно не отвечают исходным политико-экономическим явлениям, против которых они были направлены.

В случае с Североамериканскими штатами быстрое распространение в умах колониальной элиты нового умонастроения облегчалось тем фактом, что «исходные тринадцать колоний занимали территорию, которая была меньше территории Венесуэлы и составляла лишь треть от размера Аргентины» [2, с. 86]. В Латинской Америке ситуация была совершенно иной. «Первоначальные очертания американских административных единиц были в какой-то степени произвольными и

случайными, помечая пространственные пределы отдельных военных завоеваний. Но под влиянием географических, политических и экономических факторов они обрели со временем более прочную реальность.

Сама обширность испано-американской империи, необычайное разнообразие ее почв и климатов и, прежде всего, исключительная затруднительность коммуникаций в доиндустриальную эпоху способствовали приданию этим единицам самодостаточного характера» [2, с. 74]. В XVIII веке «чтобы добраться морем из Буэнос-Айреса в Акапулько требовалось четыре месяца... Человека, достаточно безрассудного, чтобы совершить переезд из Буэнос-Айреса в Картахену по суше, ожидало путешествие... длившееся девять месяцев» [5, с. 47–48]. Вдобавок к тому, торговая политика Мадрида привела к превращению административных единиц в отдельные экономические зоны. «Всякая конкуренция с родной страной была американцам запрещена, и даже отдельные части континента не могли торговать друг с другом. Американским товарам, переправляемым из одного уголка Америки в другой, приходилось путешествовать окружным путем через испанские порты, и испанский флот обладал монополией на торговлю с колониями» [10, р. 19].

Эти обстоятельства помогают объяснить, почему «одним из основных принципов американской революции» был принцип *uti possidetis*, согласно которому каждой нации следовало соблюдать территориальный статус-кво 1810 г. – года, на который приходится начало движения за независимость... Их влияние также, несомненно, внесло свой вклад в распад недолго просуществовавшей Великой Колумбии Боливара и Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы на их прежние составные части (Венесуэла-Колумбия-Эквадор и Аргентина-Уругвай-Парагвай-Боливия)» [2, с. 75]. В результате, хотя, «все в испанской Америке и мыслили себя «американцами», этот термин обозначал лишь общую фатальность их внеиспанского рождения. Протестантские, англоязычные креолы, жившие к северу, находились в гораздо более выгодном положении, чтобы реализовать идею «Америки», и в конце концов действительно добились успеха в присвоении себе повседневного звания «американцев» [2, с. 85]. Территориальная, экономическая и просто изоляция «общения» не позволили странам Латинской Америки создать единое политическое пространство.

Наиболее ярко проявилась эта изоляция в том, как осуществлялась в Испанской Америке «революция Гуттенберга», то есть как развивалась местная печать. Во всех испанских или английских колониях Нового Света язык не был фактором, отделяющим их от метрополий. Эта ситуация сохранялась и в период борьбы этих колоний за независимость. «Все они, в том числе США, были креольскими государствами, которые создали и возглавляли люди, имевшие общий язык и общее происхождение с теми, против кого они боролись... На самом деле, можно уверенно сказать, что в их ранней борьбе за национальное освобождение вопрос о языке никогда даже не ставился» [2, с. 70]. Это формировало схожие пути развития местной печати. В испанских колониях на протяжении долгого периода она оставалась под контролем короля и обслуживала церковные интересы. «К концу XVII в. типографии существовали только в Мехико и Лиме, и их продукция была

почти всецело церковной. Однако в XVIII в. произошла настоящая революция. В период с 1691 по 1820 гг. в Америке издавалось не менее 2120 «газет», из которых 461 просуществовала более десяти лет» [8, р. 208–211].

Одной из основных характеристик новых газет была их провинциальность, вытекающая из сложности сообщений. При этом испано-американские газеты сочинялись провинциалами с полным осознанием миров, существовавших параллельно их собственному. Читатели газет из Мехико, Буэнос-Айреса и Боготы, даже если и не читали газет друг друга, вполне сознавали, несмотря на это, их существование. Отсюда, как пишет Андерсон, идут истоки широко известной двойственности «раннего испано-американского национализма, чередование в нем широкомасштабности с партикуляристским локализмом» [2, с. 85]. Такая культурная двойственность вела к аналогичным «раздвоениям» и в других более действенных областях жизни колоний, к восприятию противоречий как вполне естественных факторов экономической и политической реальности.

Другая особенность испанских колоний, это специфика становления креольской экономической, политической и культурной элиты, привязанной административными установлениями Мадрида исключительно к американской земле, причем и здесь им не суждено было занимать высшие административные посты. Так, из 170 вице-королей в испанской Америке до 1813 г. креолами были только четверо [5, с. 40]. При этом в конце 18 века в 3,2-миллионном «белом» населении Западной империи (при почти 14 млн. индейцах и рабов-неграх) испанцы, рожденные в Испании, составляли лишь 150 тысяч. В Венесуэле число «пиринейцев» не превышала 12 000 человек (1,3%) [5, с. 41, 202]. Главные торговые и управленческие функции были по сути монополизированы испанцами, родившимися в Испании, и лишь землевладение оставалось доступно испанцам, родившимся в Америке. Таким образом, можно отметить, что причиной антииспанских настроений в колониях были вовсе не массовые демократические тенденции, но осознание собственной правовой незащищенности местной элитой.

Более того, попытки Мадрида «демокритизировать» ситуацию с рабовладением и послужило основным толчком к активным действиям. Владельцев земель и предприятий всегда раздражало «мелочное регулирование государством взаимоотношений хозяев с индейцами» [6, с. 155]. Непосредственно перед началом революции, предприниматели буквально завалили администрацию жалобами с требованием ужесточить содержание рабов и увеличить их количество, позволить ввозить в колонии больший «тоннаж негров» [6, с. 98, 156]. Как пишет английский историк Д. Линч, когда «31 мая 1789 г. Испанское правительство издало новый закон о рабах, кодифицировавший законодательство, разъяснявший права рабов и обязанности хозяев и вообще, направленный на улучшение содержания рабов... креолы отвергли вмешательство государства во взаимоотношения хозяина и раба и повели борьбу против декрета, ссылаясь на то, что рабы склонны к пороку и независимости, а они необходимы для хозяйства. В Венесуэле – и, по существу, во всех испанских владениях Карибского бассейна – плантаторы выступили против этого закона и добились в 1794 г. его приостановки» [5, с. 204]. Когда же спустя три

года произошло восстание бедняков под лозунгом возврата закона 1789 г., оно было жестоко подавлено венесуэльскими «шоколадными маркизами» [6, с. 156]. Как писал А. Гумбольдт, «В Америке разная степень оттенков белой кожи определяет место, которое человек занимает в обществе» [9; 5, с. 41].

Современный исследователь Б. Андерсон в своей книге «Воображаемые сообщества», описывающий в структуралистском ключе становление национализма в различных регионах мира, пишет: «В таких важных случаях, как Венесуэла, Мексика и Перу, одним из ключевых факторов, который с самого начала подстегивал стремление к независимости от Мадрида, было вовсе не стремление «вовлечь низшие классы в политическую жизнь», а, напротив, страх перед политическими мобилизациями «низших классов»: а именно, восстаниями индейцев или негров-рабов. (Этот страх лишь возрос, когда в 1808 г. гегелевский «секретарь мирового духа» (Наполеон Бонапарт) покорил Испанию, лишив тем самым креолов военной поддержки с полуострова на случай возникновения чрезвычайной ситуации)» [2, с. 71]. В 1812 году ученый и путешественник А. Гумбольдт писал, что «венесуэльская знать питала отвращение к независимости, так как считала, что «в случае революции рисковала лишиться рабов и утверждал, что «она предпочла бы даже иностранное господство власти американцев, принадлежавших к низшему классу» [9; 5, с. 202].

В связи с этим следует поставить под сомнение утверждение, что идеология французской революции была доминирующей в событиях боливарианских революций. Тот факт, что дикторский каудилизм, а не демократия (или ее симуляция) североамериканского типа, стала формой правления практически во всех освобожденных испанских колониях, подтверждают это. Лидеры типа Хосе Антонио Паэса не только не мыслили в русле «Декларации прав человека», они часто были просто неграмотными лидерами, выражающими своими словами и действиями интерес землевладельцев феодального (по меркам современной им Франции) типа. Даже Боливар еще в 1828 году писал, что негритянский бунт рабов, которые совершают «самые страшные грабежи, убийства и разрушения... в тысячу раз хуже, чем испанское вторжение» [5, с. 210, 236]. «Показательно, что одна из причин, позволивших Мадриду в 1814–1816 гг. успешно вернуть свои утраченные было позиции в Венесуэле... состояла в том, что в борьбе против взбунтовавшихся креолов он завоевал поддержку рабов» [2, с. 72]. При этом, что удивительно, в конституции 1-й Венесуэльской республики (1811) было много дословных заимствований из конституции освобожденных североамериканских штатов [10, р. 131], например, «...законы, унижавшие гражданское достоинство одной части населения Венесуэлы, известной до сих пор как пардо, отменяются целиком и полностью» [7, с. 205]. Показательны мысли колумбийского «интеллигента» и либерала начала 19 века Педро Фермина де Варгаса: «Было бы весьма желательно, чтобы индейцы были истреблены посредством расового смешения с белыми, объявления их свободными от дани и иных налогов и дарования им права частной собственности на землю» [11; 5, с. 272]. То, как с помощью истребления индейцам предлагалось гарантировать их общечеловеческие права, вполне отражает

противоречивое восприятие лидерами боливарианской революции идеологии Просвещения и французской революции.

В этом смысле новая идеология Испанской Америки, при том, что она лояльно воспринимала противоречия реальности, оказалась более проста, откровенна и менее казуистична. Когда генерал Паэс, принимая в 1827 году из рук Боливара саблю, обещает, что враг Боливара возьмет ее только вместе с жизнью самого Паэса, и при этом через несколько месяцев тот же Паэс отрекается от своего кумира, практически обрекая его на окончательное политическое поражение и смерть, его вовсе не беспокоит то, как на это противоречие в словах и действиях отреагирует политический истеблишмент, так же, как венесуэльские законодатели, принимая демократические статьи Конституции, вовсе не имели в виду немедленное освобождение рабов.

Несколько схожая ситуация «двойственности» складывалась и в экономике латиноамериканских стран. Освобождение от экономических ограничений, навязанных Испанией, привело не столько к открытию межколониальной торговли, сколько к небывалому расцвету контрабанды, успешно действовавшей и в условиях «колониального гнета», а также к «революционным» экспроприациям. Креолы в борьбе против испанской торговой монополии широко использовали контрабанду. «В Венесуэле контрабандная торговля шла с близлежащими Антильскими островами, где обосновались англичане, французы и голландцы» [4]. Разумеется, вся эта теневая экономика, приносящая огромные доходы, процветала под защитой «народных» лидеров – командующих войсками и отдельными отрядами, контролирующими те или иные местности. Предводители аргентинских гаучо, венесуэльских льянеро, мексиканских вакеро и даже восставших рабов (в Перу и Эквадоре) или пиратов (типа итальянца Бианки, создавшего на острове Маргарита собственную «военную» флотилию [4]), часто неграмотные и даже расово «нечистые», становились владельцами земель, торговых путей контрабанды оружием и продовольствием, главными противниками и нарушителями нового либерального экономического порядка [10, p. 19].

Таким образом, можно сделать вывод, что особенности освободительного движения в Латинской Америке состояли в том, что сложная социальная структура общества испанских колоний, связанная с неразвитостью политических, экономических, транспортных и культурных отношений отдельных территорий приводила к неопределенности интересов и целей различных групп, участвующих в антиколониальной борьбе. Большое значение приобретали личные качества как лидеров антиколониальной борьбы, так и лидеров «консервативных» движений, выступающих за сохранение связи с испанской монархией. Идеологические лозунги антииспанского движения, перенятые из Франции и Северной Америки, часто оказывались непонятными широким массам населения, и, в результате, не могли быть воплощены в реальную политическую жизнь даже после успеха военных операций.

Первая фаза освободительной борьбы в Латинской Америке показала разрыв между стихийными выступлениями угнетаемых и политически бесправных масс и

«эмигрантскими» либеральными движениями креольской элиты за политическую независимость колоний от Испании. Противоречие интересов креольской верхушки латиноамериканских обществ и народных масс привело к неудаче первых попыток Ф. Миранды поднять антииспанское восстание в Венесуэле, однако, они возбудили в части крупных землевладельцев стремление к усилению своего влияния в отдельных регионах политическими и военными средствами, обусловив развитие системы политического каудилизма.

Все эти особенности становления новых государств Латинской Америки можно будет видеть в дальнейшем в деятельности лидера венесуэльских бедняков-льянос и первого президента республики Венесуэла, национального героя этой страны, генерала и президента Хосе Антонио Паэса. Его путь от предводителя отряда охотников-льянеро до высших военных и административных постов отражает уникальный политический опыт самой страны, его родившей и возвеличившей, а стиль правления Паэса оказался парадигмальным для политических лидеров Венесуэлы и многих других латиноамериканских стран, не исключая таких современных лидеров, как Уго Чавес и Николас Мадуро.

Список использованных источников и литературы

1. Альперович М. С., Слезкин Л. Ю. Образование независимых государств в Латинской Америке (1804–1903). М.: Просвещение, 1966. 243 с.
Al'perovich M.S., Slezkin L.Iu. Obrazovanie nezavisimykh gosudarstv v Latinskoi Amerike (1804–1903). М.: Prosveshchenie, 1966. 243 s.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М. Ж. Кучково поле, 2001. 288 с.
Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniia ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma. М. Zh. Kuchkovo pole, 2001. 288 s.
3. Гончарова Т. В., Стеценко А. К., Шемякин Я. Г. Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки. Кн. 1, 2. Кн. 1. Роль европейского начала в цивилизационном процессе в Латинской Америке: проблема соотношения универсального и локального. М.: ИЛА, 1995. 145 с.
Goncharova T. V., Stetsenko A. K., Shemiakin Ia. G. Universal'nye tsennosti i tsivilizatsionnaia spetsifika Latinskoi Ameriki. Кн. 1, 2. Кн. 1. Rol' evropeiskogo nachala v tsivilizatsionnom protsesse v Latinskoi Amerike: problema sootnosheniia universal'nogo i lokal'nogo. М.: ILA, 1995. 145 s.
4. Лаврецкий И. Боливар. М.: Молодая гвардия, 1981. 221 с. [Электронный источник]: URL: http://royallib.ru/book/lavretskiy_iosif/bolivar.html. Дата обращения 15.01.2022.
Lavretskii I. Bolivar. М.: Molodaia gvardiia, 1981. 221 s. Access: URL: http://royallib.ru/book/lavretskiy_iosifbolivar.html. accessed 15.01.2022.
5. Линч Д. Революции в Испанской Америке, 1808–1826. М.: Прогресс, 1979. 404 с.
Linch D. Revoliutsii v Ispanskoi Amerike, 1808–1826. М.: Progress, 1979. 404 s.
6. Марчук Н. Н., Ларин Е. А., Мамонтов С. П. История и культура Латинской Америки (от доколумбовых цивилизаций до 1918 года). М. Высшая школа, 2005. 494 с.
Marchuk N. N., Larin E. A., Mamontov S. P. Istoriia i kul'tura Latinskoi Ameriki (ot dokolumbovykh tsivilizatsii do 1918 goda). М. Vysshiaia shkola, 2005. 494 s.
7. La Constitucion Federal de Venezuela de 1811 // Libro de actas del Supremo de Venezuela, 1811–1812. Caracas: Academia Nacional de la Historia, 1959. 389 p.
8. Febvre M., Martin H.-J. The Coming of the Book: the impact of printing, 1450–1800. London: Verso, 2010. 384 p.

9. Humboldt von A. Viaje a las regions equinocciales del Nuovo Continente. Tomo 3. Paris: Rosa, 1826. 368 p. Access: <http://babel.banrepcultural.org/digital/collection/p17054coll10/id/2508> Accessed: 15.01.2022

10. Masur G. Simon Bolivar. Albuquerque: Univ. of New Mexico Press, 1948. 737 p.

11. Vargas P. F. Pensamentos politicos y memoria sobre la probation del Nuevo Reino de Granada Bogota: Biblioteca Colombiana, 1944. 204 p. Access: bibliotecadigitaldebogota.gov.co/resources/2864898/ Accessed: 15.01.2022

Losev K.V, Mikhailov V. V. Features of the liberation struggle of the colonies of Spanish America and the formation of independent latin American countries

The history of the formation of the statehood of individual Latin American countries in Russian historiography has rarely been studied outside of the general history of the liberation struggle in Latin America in 1795–1826. The article focuses on the peculiarities of the socio-political structure of Venezuelan society and certain territories of Venezuela at the initial stage of the anti-colonial struggle against Spanish rule. It shows the economic and socio-humanitarian prerequisites for participation in anti-Spanish speeches of the most diverse strata of Latin American society, from large landowners to slaves exported from Africa and local Indian tribes. Contradictions are noted in the perception of the idea of «liberation» in the circles of the Latin American intelligentsia, guided by the theory and demagoguery of the period of the French Revolution, and the practical embodiment of economic and cultural freedom from subordination to Spain in a real Latin American society, where wealth was based mainly on slave labor and various forms of the «shadow» economy.

Keywords: Spanish colonies in America, history of Venezuela, slavery in Latin America, anti-colonial struggle in Latin America, Pedro Fermina de Vargas, Simon Bolivar, Jose Antonio Paez.

УДК 929.733

А. А. ОЛЕНИН – ДЕКАБРИСТ, УБИТЫЙ ДВОРОВЫМИ ЛЮДЬМИ

Маньков С. А.

*Государственный музей-заповедник «Царское Село»,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: mankov21@mail.ru*

Рассматриваются обстоятельства биографии и подробности гибели от рук крепостных дворовых людей действительного статского советника Алексея Алексеевича Оленина (1798–1854), некогда принадлежавшего к декабристскому Союзу благоденствия. Хотя в молодости А. А. Оленин и был носителем либеральных идей, в конце жизни он отличался деспотическими методами в управлении крестьянами. Покушение на жизнь 1852 г. и убийство в 1854 г. бывшего декабриста А. А. Оленина весьма характерны для аналогичных преступных деяний заключительного этапа существования крепостного права в России. В обоих случаях дворовые люди не пытались бежать после насильственных действий в отношении помещика, а добровольно сдались и признались в совершении содеянного, что свидетельствует об акте безысходности в попытке привлечения внимания властей к своему истинному положению. В то же время власти пытались предотвратить убийство Оленина, оказывая на него давление с целью смягчения участи его крепостных, однако положение и родственные связи помещика помешали предпринять решительные меры в отношении его имений.

Ключевые слова: крепостное право, дворянство, крестьянство, убийства помещиков, дворовые люди, декабристы, Союз благоденствия, А.Н. Оленин, Санкт-Петербургская губерния, Россия в XIX веке.

Движение декабристов было крайне неоднородным, как по своему персональному составу, так и по идейно-политическим устремлениям. Хотя в программных документах тайных союзов декларировалось множество прогрессивных и идеалистических положений, как например – отмена крепостного права, на практике подавляющее большинство участников декабристских организаций крестьян в своих поместьях не освободили, поскольку экономически были предельно зависимы от доходов их труда. Очень по-разному складывались судьбы участников декабристских организаций после события восстания 14 декабря 1825 г. Одних из них был Алексей Алексеевич Оленин.

Младший сын видного государственного деятеля, впоследствии – почетного члена Петербургской Академии наук, президента Императорской Академии художеств, директора Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, государственный секретаря, члена Государственного совета, действительного тайного советника Алексея Николаевича Оленина (1763–1843) и Елизаветы Марковны Полторацкой (1768–1838) [1, с. 23–26], Алексей, родился в Санкт-Петербурге 30 мая 1798 г. и был крещен в церкви Успения Пресвятой Богородицы на Сенной площади 13 июня 1798 г. Восприемниками выступали будущий министр юстиции и генерал-прокурор Правительствующего Сената князь Алексей Алексеевич Долгоруков (1767–1834) и бабушки со стороны матери, Агафоклея Александровна Полторацкая (1737–1822) [2, л. 236]. Род Олениных относился к

древнему дворянству и имел обширные матримониальные связи среди российской аристократии [3, с. 227–229].

А. А. Оленин выпустился из Пажеского корпуса и 24 апреля 1817 г. был определен в чине прапорщика на службу в Гвардейский Генеральный штаб и прикомандирован к военно-топографическому депо, состоя в котором, сделал план г. Павловска, за каковой был награжден бриллиантовым перстнем. 30 августа 1818 г. произведен в подпоручики, а 30 июля 1819 г. в поручики. В 1821 г. был командирован на военное обозрение Псковской губернии, за что награжден орденом Св. Анны 3 ст. 2 апреля 1822 г. произведен в штабс-капитаны. В феврале 1823 г. за труды при составлении описания кампании 1813 г. и при съемке реки Березины вновь награжден бриллиантовым перстнем. С 3 марта по 18 октября 1823 г. Оленина назначили начальником военного обозрения Тверской губернии, за какую службу был награжден орденом Св. Владимира 4 ст. [4, с. 50–51].

Как позже будет следовать из показаний декабристов Н. М. Муравьева, князя С. П. Трубецкого, И. Г. Бурцова, князя Е. П. Оболенского и К. Ф. Рыльева, А. А. Оленин принадлежал к числу членов Союза благоденствия [5, с. 294]. В мае 1821 г. А. Х. Бенкендорф представил императору Александру I записку, автором которой был агент М. К. Грибовский, внедренный в Коренную управу Союза благоденствия. В записке указывались руководители и наиболее активные члены общества, в числе «примечательнейших по ревности» был назван и Оленин [6, с. 184].

Вероятно вследствие предупреждения, сделанного А. А. Оленину в завуалированной форме многолетним другом семьи, известным литератором И. А. Крыловым [7, с. 295–297], он постепенно отдаляется от активного участия в заговоре. 29 марта 1825 г. производится в капитаны, а 4 мая т.г. просит об отпуске за границу на 1 год. Именно этот своевременный отъезд спасает А. А. Оленина от участия в мятеже, а его участие в противоправительственных тайных организациях было высочайше поведено оставить без внимания [5, с. 133].

В январе 1827 г. Оленин, в чине капитана, по болезни, переменяет военную службу на статскую и поступил переводчиком в Азиатский департамент Министерства иностранных дел и вскоре был откомандирован в Департамент уделов. В мае 1828 г. Оленин за поднесенный Государю труд: «Историко-статистические замечания о Константинополе» удостоился Монаршего благоволения [8, с. 214–215].

В феврале 1830 г. он был назначен для занятий в Министерство юстиции, в коем ведомстве состоял до 1836 г., причем в 1831 г. находился в составе комиссии для разбора дел архивов Государственного и Сенатского; в 1832 г. Оленину был поручен разбор и приведение в порядок дел и бумаг Департамента Министерства юстиции и контроль движения дел Судных отделений того же департамента; в 1833 г. Оленин был определен за обер-прокурорский стол в 4-м Департаменте Сената. Затем, после кратковременной отставки, Оленин вновь определился на службу в Министерство финансов; между прочим, в 1843 г., уже в чине действительного статского советника, Оленин был назначен чиновником особых

поручений Департамента Государственного Казначейства, а в апреле 1849 г. Оленин вновь был принят на службу в ведомство Министерства юстиции и определен за обер-прокурорский стол 5-го, затем 3-го департамента Сената.

15 мая 1833 г. в Никольском Морском соборе Санкт-Петербурга Алексей Алексеевич Оленин сочетался браком с княжной Александрой Андреевной Долгоруковой (1807–1859), дочерью статского советника князя Андрея Николаевича Долгорукова. Поручителями по женихе выступили: отец, действительный тайный советник А. Н. Оленин и, министр Императорского двора и уделов, генерал-адъютант, генерал от инфантерии князь Петр Михайлович Волконский; а по невесте её родной отец, князь А. Н. Долгоруков [9, с. 207 об.]. В браке родилось четверо детей: Дмитрий (1835–1884), Александр (1837–1888), Мария (1841–?) и Григорий (1845–1875) [4, с. 44].

Судя по всему с годами характер А. А. Оленина стал портиться, что сказалось на тиранических методах управления своими крестьянами со стороны недавнего декабриста. Первый раз эта черта вскрылась в 1852 г. в результате покушения на жизнь самого Оленина.

7 сентября 1852 г. начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, генерал от кавалерии Леонтий Васильевич Дубельт сделал запись в своем дневнике следующего содержания: «...Крепостной человек действительного статского советника Оленина Лев Васильев, явсь в полицию, объявил, что он нанес владельцу своему удар по лбу обухом топора с намерением убить его. Полиция нашла Оленина живым, но тяжело раненым с повреждением черепа. Оленин женат на сестре князя Василия Андреевича Долгорукова, он человек, как говорят, крайне раздражительного характера и своим обращением с прислугою вывел оную из терпения» [10, с. 184–185].

К убийствам и покушениям на жизнь помещиков, впрочем, как и к расследованию насильственных преступлений вообще, власти Николаевской России относились крайне серьезно. При подобных покушениях в большинстве случаев выделялись два типа мотивов: корыстный, т.е. с целью ограбления либо сокрытия кражи, и личностный – акт отчаяния, месть за издевательства и унижения, принуждение порой к непосильному труду.

15 ноября 1852 г. в рапорте предводителя дворянства Санкт-Петербургского уезда Николая Александровича Безобразова губернскому предводителю дворянства Александру Михайловичу Потемкину отмечалось: «Второй департамент Санкт-Петербургской управы благочиния при отношениях от 25 октября и 1 ноября сего года за № 53196 и 28864 препроводил ко мне переписку о нанесении действительному статскому советнику Оленину крепостным его человеком удара топором в голову и о притеснениях, причиняемых Олениным дворовым его людям.

Руководствуясь правилами в Высочайшем рескрипте от 6 сентября 1826 г. изложенным, я приглашал к себе Оленина и сделал ему надлежащее внушение. Из собранных мною под рукою сведений и сознания самого Оленина оказывается, что он характера весьма вспыльчивого, а в спокойном состоянии в такой же степени

слабого, что и может быть поводом к постоянному недоброприятию окружающих его крепостных людей.

Все сии обстоятельства честь имею представить усмотрению Вашего превосходительства, присовокупив, что по мнению моему настоящее дело не требует дальнейшего действия, ибо Оленин обещал не иметь при себе крепостных людей, а обходиться вольнонаемной прислугой, о нанесении же ему удара топором в голову производится дело судебным порядком» [11, л. 1–1 об.].

Из последующего видно, что А. А. Оленин не внял увещаниям чиновников дворянского самоуправления, поскольку крестьяне продолжали жаловаться на своего помещика и дошли даже до генерал-губернатора. Из рапорта Санкт-Петербургского уездного предводителя дворянства Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору, генералу от инфантерии Дмитрию Ивановичу Шульгину от 26 августа 1854 г. за № 736 следует: «Вследствие предписания Вашего высокопревосходительства от 11 сего августа за № 1736 я собрал под рукою и с крайней осторожностью некоторые сведения по предметам жалобы, принесенной вашему высокопревосходительству на действительного статского советника Оленина зависящими от него дворовыми и вотчинными людьми. Жалоба не во всех частях оказывается справедливой, тем не менее заслуживает особого уважения и обстоятельства дела таковы, что предупредительные и действительные меры от высшего правительства, по мнению моему, оказываются необходимыми.

Нельзя сказать, как объяснено в жалобе, чтобы оброк, взимаемый Олениным с крестьян его, был отяготительным, сколько даже судить можно издали, следует полагать, что управление Веневской его вотчины (Тульской губернии) ведется правильно, здесь же в Санкт-Петербурге (вопреки того, что сказано в жалобе) дворовые его люди и крестьяне снабжаются пищею и одеждою совершенно достаточно. Тем не менее, нрав Оленина таков, что служение при нем вполне зависящих от него людей почти невозможно. Неумение владеть собой, перемежающиеся, то оплошная снисходительность, то внезапная невероятная взыскательность, наконец, безрассудство в распределении занятий и в требованиях своих – вот отличительные черты обхождения Оленина с своими людьми. Трудно было бы исчислить здесь подробности, трудно было бы даже обнаружить эти обстоятельства формальным следствием. Увечья или нестерпимых жестокостей им не причиняется людям своим, наносит он побои то рукой, то тростью, хотя, может быть и не весьма тяжелые, но что составляет в сем обхождении невыносимую сторону, это неуместность, беспричинность и несправедливость этих действий. Повторяю, формальным розысканием почти невозможно обнаружить истину сих обстоятельств, но к крайнему моему сожалению для меня при собранных мною тайных сведениях, эта истина очевидна.

Уже за два года тому назад Оленин претерпел жестокие последствия неблагоприятного своего обхождения. Страхуюсь, чтобы не возобновилось происшествие подобного рода. В то время и вследствие препровожденного ко мне Управой благочиния следственного дела, я на основании Высочайшего рескрипта от 6 сентября 1826 г. приглашал к себе Оленина и сделал ему надлежащие внушения,

он, казалось, убедился тогда представлениями моими и, вполне осознав слабую сторону своего характера, обещал мне словесно не иметь у себя в услужении собственных людей, а ограничиться наемными. Как видно, Оленин с того времени переменил свое намерение.

Представляя все вышеизложенное на благоусмотрение вашего высокопревосходительства, я долгом считаю выразить мнение свое, что для безопасности самого Оленина и для предупреждения важных, может быть, последствий, представлялось бы необходимым строго воспретить ему иметь в своем услужении собственных людей, предоставляя ему, однако, самому распорядиться отсылкой сих людей в вотчины по принадлежности. Для наложения опеки нет достаточно законных причин, и, во всяком случае, я предполагал был таковую меру вредной для самого вотчинного благосостояния, которое, по-видимому, сохраняется в исправности. Воспрещение же иметь в услужении собственных людей было бы изъятием из общего правила, могущим воспоследовать от предписания самого высшего правительства, как благодетельное предупреждение вредных последствий, ожидаемых от собственных, невольных может быть, ошибок помещика. Всякое же внушение или надзор с моей стороны будут бесполезны» [11, л. 6–7].

16 сентября 1854 г. генерал-губернатор Д. И. Шульгин писал петербургскому губернскому предводителю дворянства А. М. Потемкину: «Крепостные люди проживающего здесь действительного статского советника Оленина обратились ко мне с жалобой на жестокое обращение его с ними, а также на обременение их оброком и поборами и недостаточное их содержание.

Жалоба эта мною передана была для зависящего распоряжения здешнему уездному предводителю дворянства, который ныне представляет мне, что по собранным им под рукою сведениям, обстоятельства сей жалобы касательно отягощения оброком и дурного содержания людей Оленина не подтвердились, но обращение его с ними таково, что при нем не могут служить собственно принадлежащие ему люди, ибо Оленин, будучи вспыльчивого и неровного характера, делает людям своим безрассудные требования, подвергает их несправедливым взысканиям и наносит им собственноручно побои, рукою или тростью, почему действительный статский советник Безобразов для безопасности самого Оленина и для предупреждения важных последствий полагает необходимым строго воспретить сему помещику иметь в услужении собственных людей, предоставив ему выслать их на родину.

Находя таковое представление уездного предводителя, в списке у сего прилагаемое, заслуживающим уважения, я покорнейше прошу ваше превосходительство сделать лично действительному статскому советнику Оленину надлежащее внушение насчет обращения его с крепостными людьми, равно поставить ему на вид важные последствия, которые могут произойти при характере его от служения при нем собственных дворовых людей и убедить Оленина выслать сих последних на родину, заменив их наемною прислугою, согласно данному уже им Безобразову словесному обещанию, после случившегося в 1852 г. покушения

одного из людей Оленина на его жизнь, а последующем же не оставьте меня уведомить» [11, л. 4–5].

В свою очередь, член консультаций при Министерстве юстиции, действительный статский советник А. А. Оленин, проживавший в доме Дирина у собора Спаса Преображения близ Литейной части, обратился к губернскому предводителю дворянства 30 сентября 1854 г. в ответ на его повестку от 28 сентября 1854 г., объясняя, «что самовольно скрывшиеся с 9-го истекшего августа из дома его крепостные люди, по возмутительному издавна подговору двух из них писарей, из которых один, облеченный уполномоченный формальной доверенностью на управление Тульской вотчиной, с уносом оной в противозаконное злоупотребление, затем бродяжничав здесь, в Санкт-Петербурге, несколько недель с своевольным сочинением жалоб, были внезапно приведены 21-го прошлого августа в дом от Управления Литейной части, 4 квартала при предъявлении о том отношения в Литейную часть от петербургского уездного предводителя дворянства от 20-го прошедшего августа за № 722. Тут же все те люди были возвращены в часть для принятия надлежащих мер к отсылке их отсюда как неблагонадежных служителей и буйственных беглецов, в вотчины, что и было установленным порядком исполнено, по вторичному приводу тех крепостных людей в дом из части надлежащим отправлением всех их из Санкт-Петербурга чрез здешнее Губернское правление истекшего августа 23, 24 и 25 чисел, в принадлежные Тульскую и Тверскую вотчины» [11, л. 9–9 об.].

Однако, в ответном письме от 2 октября 1854 г. губернский предводитель дворянства повторно предложил Оленину избавиться от дворовых людей, заменив их на вольнонаемную прислугу для его же блага [11, л. 10–10 об.]. В связи с отсутствием ответа от А.А. Оленина, аналогичное третье письмо было направлено ему губернским предводителем дворянства 21 октября 1854 г. [11, л. 11].

При этом в ответных письмах А. А. Оленина на имя губернского предводителя дворянства от 26 октября и петербургского военного генерал-губернатора от 4 ноября 1854 г. помещик в принципе соглашался отпустить дворовых на родину, интересуясь при этом их местонахождением [11, л. 12–14]. В результате 13 ноября 1854 г. петербургский военный генерал-губернатор вновь обратился к губернскому предводителю дворянства, уведомляя последнего, «что, по мнению моему, едва ли можно ожидать по сему делу успеха от одних письменных сношений с Олениным», почему предлагал А.М. Потемкину ускорить процесс и вызвать помещика на личное объяснение [11, л. 15–15 об.].

Как показали будущие события, опасения губернских и уездных властей были отнюдь не беспочвенны, а затягивание дела самим Алексеем Алексеевичем Олениным, объясняемое «болезнью» [11, л. 18–21], отозвалось на нем роковым образом.

25 декабря 1854 г. генерал от кавалерии Л. В. Дубельт вновь запишет в своё дневнике: «Действительный статский советник Оленин убит топором крепостными своими людьми Тимофеевым и Меркуловым. Убийцы сами явились и, объявив о

своим преступлении, сказали, что сделали это по причине жестокого с ними обращения их барина» [10, с. 266].

28 декабря 1854 г. предводитель А. М. Потемкин направил сообщение генерал-губернатору о том то, что «Оленин постоянно изъявлял неудовольствие свое на делаемое ему стеснение в предоставленном ему законом помещичьей власти, отзывался, что он никогда не давал петербургскому уездному предводителю дворянства вышеозначенного постоянного для него обещания, что все находящиеся в доме его дворовые люди принадлежат не ему, а его жене, и по сему не имеет права и не считает обязанностью чрез удаление их, лишить себя и семейство свое необходимой домашней прислуги», после чего в конце декабря 1854 г. помещик был убит дворовыми людьми [11, л. 22–23].

29 декабря 1854 г. действительный статский советник Алексей Алексеевич Оленин был отпет в Соборе Преображения Господня всей гвардии и погребен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. Характерно, что в метрической книге Преображенского собора указана истинная причина смерти «скоропостижно от насильственной смерти» [12, л. 850 об.–851]. Тем не менее, в дальнейшем этот эпизод замалчивался, его не встретишь в дореволюционном «Русском биографическом словаре» [8, с. 215] и в обширной литературе советского декабриствоведения. Лишь в 1988 г. при издании после смерти академика М. В. Нечкиной исследования «Декабристы. Биографический справочник» факт смерти декабриста от рук крепостных был включен в справку о А. А. Оленине одной строчкой без подробностей [5, с. 133].

В связи с тем, что дети А. А. Оленина на момент его гибели были несовершеннолетними обширные его имения в Санкт-Петербургской губернии, в Клинском уезде Московской губернии: село Богородское с деревнями Тимоновой, Березниками и Высоковою и в Веневском уезде Тульской губернии: село Есипово, сельцо Фустово и деревни Причал, Новоселки и Александровка, и жены его – в Ржевском уезде Тверской губернии: сельцо Талица, сельцо Подсосонье и хутор Падарки и другие, с числящимися при них жителями, до 1863 г. поступили в опеку к братьям его вдовы, главноначальствующему III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии и шефу жандармов, генералу от кавалерии князю Василию Андреевичу Долгорукову (1804–1868) и генералу от кавалерии князю Владимиру Андреевичу Долгорукову (1810–1891).

Покушение на жизнь 1852 г. и убийство в 1854 г. бывшего декабриста А. А. Оленина весьма характерны для аналогичных преступных деяний заключительного этапа существования крепостного права в России. В обоих случаях дворовые люди не пытались бежать после насильственных действий в отношении помещика, а добровольно сдались и признались в совершении содеянного, что свидетельствует об акте безысходности в попытке привлечения внимания властей к своему истинному положению. С другой стороны нельзя сказать, что власти не пытались реагировать на злоупотребление помещичьей властью со стороны А. А. Оленина. Попытки убедить его перейти на вольнонаемную прислугу, переписка между губернскими и уездными властями,

говорят о весьма ответственном понимании ситуации, во многом более сознательной, чем у самого барина. Альтернативой гибельного финала мог послужить административный арест имений и установление над ними «внешней» дворянской опеки, что было весьма распространенной мерой воздействия на дворянский произвол в помещичье-крестьянских взаимоотношениях. Но очевидно, что служебное положение А. А. Оленина, происхождение и родственные связи в придворных кругах не позволили петербургскому генерал-губернатору проявить решительность и принципиальность именно в этом деле.

Список использованных источников и литературы

1. Тимофеев Л. В. От Парфения (Родословная Олениных) // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 2003. – М.: Наука, 2004. – С. 7–63.
Timofeev L. V. Ot Parfenija (Rodoslovnaja Oleninyh) // Pamjatniki kul'tury. Novye otkrytija. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheologija. Ezhegodnik, 2003. – М.: Nauka, 2004. – С. 7–63
2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 11. Д. 124.
Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPB). F. 19. Op. 11. D. 124.
3. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. – СПб.: А. С. Суворин, 1887. – Т. 2. – 918 с.
Rummel' V. V., Golubcov V. V. Rodoslovnij sbornik russkikh dvorjanskikh familij. – SPb.: A. S. Suvorin, 1887. – Т. 2. – 918 s.
4. Сахаров И. В. Алексей Николаевич Оленин (1763/64-1843): происхождение, родственное окружение, семья, потомки // Национальная библиотека. – 2019. – № 1(13). – С. 38–59.
Saharov I. V. Aleksej Nikolaevich Olenin (1763/64-1843): proishozhdenie, rodstvennoe okruzenie, sem'ja, potomki // Nacional'naja biblioteka. – 2019. – № 1(13). – С. 38–59.
5. Декабристы. Биографический справочник/Изд. подготовл. С. В. Миронено; под ред. академика М. В. Нечкиной. – М.: Наука, 1988. – 448 с.
Dekabristy. Biograficheskij spravocchnik / Izd. podgotovl. S. V. Mironeno; pod red. akademika M. V. Nechkinoj. – М.: Nauka, 1988. – 448 s.
6. Декабристы в воспоминаниях современников / Под ред. В. А. Федорова. – М.: Издательство Московского университета, 1988. – 512 с.
Dekabristy v vospominanijah sovremennikov / Pod red. V. A. Fedorova. – М.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1988. – 512 s.
7. Речицкий И. Х. Крылов и Оленины // XVIII век. Сборник 20 / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. – СПб.: Наука, 1996. – С. 292–300.
Rechickij I. H. Krylov i Oleniny// XVIII vek. Sbornik 20 / Otv. red. N. D. Kochetkova. – SPb.: Nauka, 1996. – С. 292–300.
8. Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. – СПб.: Императорское Русское Историческое Общество, 1905. – Т. 12: Обезьянинов–Очкин. – 480 с.
Russkij biograficheskij slovar'/Izd. pod nabljudeniem predsedatelja Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva A. A. Polovcova. – SPb.: Imperatorskoe Russkoe Istoricheskoe Obshhestvo, 1905. – Т. 12: Obez'janinov–Ochkin. – 480 s.
9. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 253.
CGIA SPB. F. 19. Op. 111. D. 253.
10. Дубельт Л. В. Заметки и дневники Л. В. Дубельта / [Публ. вступ. ст. и примеч.] М. В. Бокариуса, Ф. М. Лурье, М. В. Сидоровой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Российский Архив, 1995. – [Т.] VI. – С. 106–335.

Dubel't L. V. Zametki i dnevniki L. V. Dubel'ta / [Publ. vstup. st. i primech.] M. V. Bokariusa, F. M. Lur'e, M. V. Sidorovoj // Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII – XX vv.: Al'manah. – M.: Studija TRITJe: Rossijskij Arhiv, 1995. – [T.] VI. –S. 106–335.

11. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 726.

CGIA SPB. F. 536. Op. 4. D. 726.

12. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 122. Д. 81.

CGIA SPB. F. 19. Op. 122. D. 81.

13. ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 8499.

CGIA SPB. F. 268. Op. 1. D. 8499.

Mankov S. A. A. A. Olenin – Decembrist killed by serfs

The circumstances of the biography and the details of the death at the hands of serfs of the serfs of the Active state councilor (deystvitelnyi statskiy sovetnik) Alexei Alekseevich Olenin (1798–1854), who once belonged to the Decembrist Union of Welfare, are considered. Although in his youth A. A. Olenin was the bearer of liberal ideas, at the end of his life he was distinguished by despotic methods in managing the peasants. The attempt on the life of 1852 and the murder in 1854 of the former Decembrist A. A. Olenin are very characteristic of similar criminal acts of the final stage of the existence of serfdom in Russia. In both cases, the courtyard people did not try to escape after violent actions against the landowner, but voluntarily surrendered and confessed to their deed, which indicates an act of hopelessness in an attempt to draw the attention of the authorities to their true situation. At the same time, the authorities tried to prevent the murder of Olenin by putting pressure on him to mitigate the fate of his serfs, but the position and family ties of the landowner prevented taking decisive measures against his estates.

Keywords: serfdom, nobility, peasantry, murders of landowners, courtyard people, Decembrists, Welfare Union, A. N. Olenin, St. Petersburg province, Russia in the XIX century.

УДК 655.535.4(477.75)+378.4(477.75)+001(09)+929 ВЕРНАДСКИЙ

**ПЕРЕПИСКА А. И. МАРКЕВИЧА И В. И. ВЕРНАДСКОГО
(20–30-Е ГОДЫ) – СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ КРЫМОВЕДЕНИЯ**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская федерация.
E-mail: dr.aan@mail.ru*

На основе корпуса эпистолярных источников, отложившихся в личном архивном фонде академика В. И. Вернадского, восстановлены сюжеты повседневности исторического крымоведения 20–30-х годов XX столетия. Изучение переписки позволило определить круг интересов В. И. Вернадского, связанных с крымскими делами. Внимание академика к людям и событиям на полуострове восходит к драматичному периоду его биографии, связанному с неожиданным ректорством в Таврическом университете (октябрь 1920 – январь 1921). В. И. Вернадский, небезразличный к судьбе Таврического (в описываемые годы – Крымского) университета (пединститута) им. М. В. Фрунзе, интересовался судьбами крупных профессоров, с которыми работал в вузе в 1920 году. Благодаря крымским корреспонденциям лидера краеведческого движения А. И. Маркевича проясняется судьба отдельных рукописей В. И. и Г. В. Вернадских, история передачи в Архив Академии наук СССР фондов пионеров разностороннего исследования полуострова П. И. Кёппена и Х. Х. Стевена.

Ключевые слова: В. И. Вернадский, эпистолярное наследие, А. И. Маркевич, Крымский гос. университет им. М. В. Фрунзе.

Место Крыма в судьбе академика Владимира Ивановича Вернадского в последнее время вызывает повышенный интерес у биографов ученого и историков крымоведения [1]. В сложном для страны январе 1920 года Вернадский приплыл в Ялту из Новороссийска. Из Крыма ученый планировал эмигрировать в Англию. Заразившись во время поездки сыпным тифом, он три недели провел между жизнью и смертью на даче Бакуниных «Горная щель» под Ялтой. После выздоровления Владимир Иванович отправил документы в английскую миссию для получения разрешения на выезд семьи в Лондон. Англичане затягивали с ответом и это заставило В. И. Вернадского начать преподавательскую деятельность в Таврическом университете, где уже работал профессором на историко-филологическом факультете его сын Георгий. В апреле В. И. Вернадский с семьей переехали в Симферополь, где он начал службу в должности сверхштатного ординарного профессора по кафедре геологии (избран в марте 1920 г.). Смерть ректора вуза Р. И. Гельвига изменила планы отъезда семьи Вернадских в Лондон. Владимир Иванович принял предложение возглавить университет и остался в Симферополе. Период работы академика в Таврическом университете, ректором которого он был избран в октябре 1920 года, изучался в последние годы с особым вниманием [2, с. 36–39].

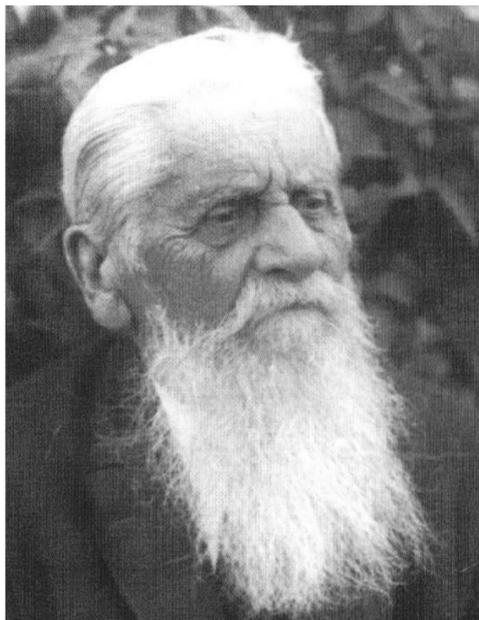
*Портрет В. И. Вернадского.
Художник Е. С. Зарудной-Кавос.*

Находясь в Симферополе В. И. Вернадский включился в работу местных общественных научных организаций. Прежде всего – Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Участвовал ученый и в заседаниях Таврической ученой архивной комиссии, где активно сотрудничал его сын Георгий Владимирович. В. И. Вернадский был принят в почетные члены этих обществ.

Еще летом 1917 года в Симферополе для координации работы ученых сил полуострова была учреждена Таврическая научная ассоциация (Комитет объединенных научных учреждений и обществ Таврической губернии). В Ассоциацию после официального учреждения вошел и университет. Понимая ведущую роль первого

крымского вуза в организации научной работы, В. И. Вернадский, наравне с официальным председателем этого научного объединения Сигизмундом Александровичем Мокржецким (1865–1936), активно участвовал в работе этого ученого объединения [3; 4; 5, 2019, с. 223–225]. Такая деятельность предполагала широкий круг профессионального общения в ходе подготовки проходивших регулярно съездов ассоциации, решения текущих вопросов. Дневник академика фиксирует значительный круг подвижников развития науки, с которыми проходили его повседневные встречи, консультации в Симферополе. Это представители университета и общественных научных организаций из Таврической научной ассоциации [6, с. 65–116]. В таком круговороте событий выделялись личности, с которыми Владимир Иванович не только чаще других общался в Симферополе, а сохранил дружеские отношения и продолжил переписку после отъезда. Когда его с семьей под конвоем вывезли 23 февраля 1921 года сначала в Москву, откуда только в марте ему разрешили вернуться в Петроград. Таких людей из его крымского окружения – представителей местных ученых сил, оставшихся на полуострове, было немного [7].

Прежде всего – это организатор исторического крымоведения, историк-библиограф Арсений Иванович Маркевич (1855–1942). Сразу после отъезда Владимира Ивановича Вернадского из Крыма общение двух выдающихся людей эпохи продолжилось. Тринадцать писем А. И. Маркевича к В. И. Вернадскому

А. И. Маркевич.

сохранились в личном архивном фонде В. И. Вернадского в Архиве РАН (ф. 518, оп. 3: Письма русских корреспондентов). Они охватывают период 1921–1941 годов и являются весьма информативными для восстановления как особенностей научной работы обоих ученых, так и характеристики отдельных сюжетов истории крымоведения. Эти письма опубликованы с многочисленными ошибками, неправильной интерпретацией неразборчиво написанных слов и имен собственных, пропусками текста [8, с. 612–621].

А. И. Маркевич всегда с охотой, часто писал академикам из Москвы и Ленинграда, с которыми поддерживал дружеские отношения. Как явствует из содержания, его сохранившиеся послания к В. И. Вернадскому – лишь часть проходившей между деятелями обширной переписки. Письма самого Владимира Ивановича в Симферополь постигла грустная судьба всего личного архива А. И. Маркевича, который был сожжен осторожным хозяином во время массовых арестов представителей творческой интеллигенции в Симферополе в 1937–1938 годах [9, с. 6–7].

Переписка началась по инициативе В. И. Вернадского, который осенью 1921 года попросил крымского коллегу, имевшего блестящую эрудицию, подсказать, кто из посещавших Крым ученых или путешественников оставил информацию о киле – голубой крымской глине, имевшей мыльные свойства. В декабре 1921 года Арсений Иванович, откликаясь на этот запрос, сообщал:

«Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Исполняя Ваше поручение, я начал розыски материала о киле и на первый раз представляю выписки из Габлица, и Палласа, и из Камерального описания Крыма 1784 г. Важность последнего материала в том, что из него можно вычислить, сколько приблизительно добывалось кила в то время, увеличив откупную плату примерно вдвое (плата рабочему, перевозка, погрузка до хаты купчика). Выскажу, что кила добывалось и вывозилось немало.

Искренно преданный Вам Арс. Маркевич.

13/26 дек[абря] 1921 г.

Р. S. Как только потеплеет, буду продолжать работу» [10, л. 1].

По заполнению отсылается в Академию Наук 19

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КОМИССИЯ
„НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ СССР“
(Ленинград 1, В. О. Тучкова наб. 2-я, тел. 2-39-87)

просит для нового издания Справочника, составленного под наблюдением Непременного Секретаря акад. В. П. Волгина, акад. С. Ф. Ольденбурга и под руководством Председателя Комиссии акад. Е. Ф. Карского, дать сведения по нижеследующей форме и вернуть заполненный листок в Комиссию, перегнув наружу верхний край листка с адресом Академии.

Пробьса писать разборчиво!

Пробьса прислать для портретики портрет с автографом и указанием времени съемки.

290-13 171

I. *Вернадский Владимир Иванович*
Фамилия ¹⁾, имя, отчество (полностью)

II. *русский*
Национальность

III. *1884*
Год начала научной работы

IV. *нет*
Партийность

V. *Союз. группа. Институт Ред.*
Профсоюз: группа (категория), Секция научн. работн. и ЦК ВУБ

VI. *Петроградский университет. Факультет химии.*
Образовательная ценз ²⁾ и научное звание ³⁾

VII. *Академик СССР. Институт Ред. Директор. Ин-т. Ред. Инст. Ин-т. Ред. Инст. Ин-т. Ред. Инст. Ин-т. Ред. Инст.*
Полное название мест работы ⁴⁾ и занимаемые должности ⁵⁾

VIII. *минералогия в зоологии*
Специальность (общая ⁶⁾)

IX. *Самарканд*
Научная и ней область (в которой Вы преимущественно работаете)

X. *Касп. обл. Тучкова наб. 12. М. 140.39*
Подробный адрес ⁷⁾ и телефон (домашн. и служебн.)

XI. *23 IV 1883*
Место ⁸⁾, число, месяц и год рождения (по старому стилю)

XII. *2 IV 1931 В. Вернадский*
Дата заполнения листка и подписи

¹⁾ Пробьса указать ударение. ²⁾ Какое учебн. завед. окончил (или научн. докт.н. обраб.). ³⁾ Инженер, доктор (медицины или других наук), врач, чл.-корресп., д. чл. академии и т. д. (сокращенно и иностранным учрежденим). ⁴⁾ Учебные и учебно-вспомогательные учреждения — музеи, лаборатории, библиотеки, обсерватории, станции, вышш. учебн. заведения, научные общества, общ. краеведения и пр. ⁵⁾ Профессор, преподаватель, председатель, директор, завзавучающей, ассистент, лаборант, научн. сотрудник, аспирант, преподаватель, регистратор, вычислитель, библиотечар, секретарь, член общества и пр. ⁶⁾ См. пояснение на отрывном листке. ⁷⁾ Город, № почт. отделения (для Москвы и Ленинграда), село, губ., обл., республика и проч. по новому администр. делению, улица по новому названию, № дома и квартиры. ⁸⁾ По доковному наименованию и прежнему административному делению.

Пробьса приложить перечень главнейших научных трудов (Год и место издания, число стр., формат, а для перепи. над. также название, № тома и выпуска).

Список в 100 стр. 1931 г. в 10. и затем в 1932 г.

КОМИССИЯ ПО СОСТАВЛЕНИЮ СПРАВОЧНИКА
„НАУКА И НАУЧНЫЕ РАБО“
В ПРЕДЕЛАХ СССР*
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
Ленинград, В. О., Университетская наб. 1, КБПС.
Телефон № 1-32-94. 79

Комиссия просит Вас дать для нового издания Справочника сведения о себе по нижеследующей форме и вернуть этот листок в Комиссию, перегнув нижний край листка с адресом Комиссии наружу.

Пробьса писать разборчиво!

I. *Маркович А. И.*
Фамилия ¹⁾, имя, отчество (полностью)

II. *Научное звание*
Научное звание ²⁾

III. *Институт Ред.*
Места службы ³⁾ и занимаемые в них должности ⁴⁾

IV. *Институт Ред.*
Специальность (общая и частная)

V. *Институт Ред.*
Научная и ней область (в которой Вы преимущественно работаете)

VI. *Институт Ред.*
Подробный адрес и телефон

VII. *23 IV 1883*
Место, число, месяц и год рождения

¹⁾ Пробьса указать ударение. ²⁾ Инженер, доктор, действит. член, чл.-корресп., академик и т. д. ³⁾ Ученые и учебно-вспомогательные учреждения — музеи, лаборатории, библиотеки, обсерватории, станции, вышш. учебн. заведения, научные общества, общ. краеведения и пр. ⁴⁾ Профессор, преподаватель, председатель, ассистент, лаборант, научн. сотрудник, секретарь, преподаватель, регистратор, вычислитель, библиотечар, член общества и пр.

Пробьса приложить перечень главнейших научных трудов.

Перечень трудов сваше в 100 стр. 1931 г. в 10. и затем в 1932 г.

Собственноручно заполненные анкеты
В. И. Вернадского и А. И. Маркевича.

Глубокоуважаемый
Владимир Иванович,
Шепетовский, Киевское погребение,
и некая расписка, материалы
о Клеве и на первом разуме
составлено в Москве из собрания
и Рамаса и из Рамаса
описания Крыма 1784. Впервые
полного издания в Крыму
из него, можно вложить, сильно
проблемами в Крыму
в то время, ушедших от
Клеву пришло в Крым (Клева
Клеву, Клеву, Клеву в
и. А. Клеву) В Крыму, это
Клева Клева и Клева
Клева.

Ваше Трудное
Завоевание
13/15 мая 1921.

Клева Клеву, Клеву,
Клеву, Клеву.

Письмо А. И. Маркевича В. И. Вернадскому. 1921 г.

В июне 1922 года В. И. Вернадский уехал в длительную заграничную командировку и отсутствовал в стране до марта 1926 года. Неизвестно, сразу ли узнал Арсений Иванович об отъезде Вернадского. В письмах об этом упоминаний нет. Но следующее из сохранившихся писем датировано 26 мая 1924 года. Поводом к написанию стали неожиданные находки А. И. Маркевича в рабочем архиве Таврической ученой архивной комиссии, который постепенно историк передавал в КрымЦентрархив. При отъезде В. И. Вернадского из Симферополя в феврале 1921 года, он просил А. И. Маркевича поискать рукописные материалы, черновые заметки его сына, выехавшего в эмиграцию. Эти бумаги были дороги Владимиру Ивановичу. Так же он рассматривал и возможность их пересылки Георгию, который

находился в это время в Праге [11], для дальнейшей работы. Именно эти рукописи стали поводом к следующему письму А. И. Маркевича в Москву.

«Симферополь, 26. V. 1924.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович.

На днях, разбирая дела архива б[ывшей] Тавр[ической] Уч[еной] Арх[ивной] Комиссии, я нашел маленькую пачку бумаг, оставленную в нем Георгием Владимировичем, о которой Вы упоминали при отъезде из Симферополя. В ее целостности ручаюсь. Так как этот архив перешел теперь в общий Центральный Крымский Архив и в другие руки, то я, пользуясь случаем, пересылаю эту пачку на Ваше имя в Петроград, в Академию. Вместе с тем посылаю Вам и оставленную у меня Георгием Владимировичем рукопись его статьи «Два лика декабристов». Быть может, она ему теперь пригодится, он ее напечатает. Мы теперь ничего не печатаем за отсутствием средств.

Т[аврическая] Архивная Комиссия наша переименована в Таврическое общество Истории, Археологии и Этнографии, и члены ее переизбраны, так что Вы считаетесь у нас почетным членом, а Георгий Владимирович – действительным.

Мы живем по-прежнему, изо дня в день, и единственное утешение у нас с Анной Николаевной [супруга А. И. Маркевича – А. Н.] – дети и внуки. Старший сын перебрался с семьей сюда из Киевской губернии, у дочери имеется сын. Радуемся, что вся наша небольшая семья в сборе, и вместе делим и редкие радости, и постоянные заботы и невзгоды. Университет наш стал сильно трепаться, но еще держится.

Просим принять наш общий привет и передать его Георгию Владимировичу и Нине Владимировне. Как я был бы счастлив обнять их!

Искренно преданный Вам А. Маркевич» [12, л. 2–2 об.].

В письме, сквозь строки, слышны нотки обиды Арсения Ивановича на новые архивные власти на полуострове. Ему, организатору создания местного архива, это было особенно неприятно. Авторитетный краевед был принят после окончательного утверждения в Крыму советской власти в основанный при его прямом участии в 1918 году архив на должность «архивист». После очередной реорганизации приказом № 33 от 19 апреля 1923 года его зачислили на должность «ученый секретарь-архивист» [13]. Примечательно, что на анкетном листе, заполненном 68-летним крымоведем, заведующий КрымЦентрархивом А. М. Михайлов отметил: «Как незаменимого и чрезвычайно ценного и опытного сотрудника прошу зачислить. 27. IV. 23» [14, л. 1]. В это время Арсений Иванович занимался в архиве составлением описей для фондов, которые формировались при его непосредственном участии с 1887 года – времени начала работы Таврической ученой архивной комиссии. Это материалы Таврического дворянского депутатского собрания, Странноприимного дома А. С. Таранова-Белозерова, Таврической дирекции народных училищ, Симферопольской губернской гимназии, Сиротского дома А. Я. Фабра, Комиссии о вакуфах, Бахчисарайской и Симферопольской

городских управ. Фактически речь шла о передаче собранных фондов из бывшего архива Комиссии в государственный архив. Историк трудился не покладая рук, несмотря на плохое зрение и солидный возраст.

1040
Симферополь
26/3 1924г.
Глубокоуважаемый
Владимир Иванович!

На днях, после суда вост. армян
д. Марк. И. Арт. Комиссии, я получил
маленькую пачку бумаг, относящуюся
к делу Георгия Владимировича, а именно
рай. ИМ что-то значащее при ссылке из
Симферополя в ее пределы рукопись.
Так как этот суд прошел так, а в
общей «Крымской» рукописи судья
и в другие руки, то я, не имея судья
Сил, передала эту пачку на берег
Илия в Петроград, и Александров. Вмес-
те с тем получила бума и отпавшую
рукопись Комиссии Владимировича рукопись
статья «Два лика декабристов». Это
судья, она ему много пригодились как
написатель. Мне много книг и не только
еще на отпавших бумагах.

Письмо А. И. Маркевича В. И. Вернадскому. 1924 г.

Очевидно, что была налажена пересылка обширной корреспонденции академика из Москвы во Францию. И В. И. Вернадский своевременно отвечал всем своим корреспондентам. Владимир Иванович передал сыну известие о присланной А. И. Маркевичем рукописи статьи «Два лика декабристов». Георгий Владимирович ответил отцу 25 марта 1926 года из Праги: «Статью мою «Два лика

А. А. Байков.

декабристов» при случае мне перешли, но это неспешно – сейчас у меня определенных планов на нее нет. Все же перешли» [15, л. 10].

Зная интерес В. И. Вернадского к судьбе первого крымского вуза, А. И. Маркевич не преминул упомянуть о ситуации в Крымском государственном университете имени М. В. Фрунзе, который являлся преемником Таврического университета: вуз «стал сильно трещать, но еще держится». В. И. Вернадский много сил положил на сохранение университета в кровавые дни установления советской власти в Симферополе в ноябре 1920 года. Состоявший в 1924 году только из двух факультетов – педагогического и медицинского – вуз действительно «трещал». Все громче слышались разговоры о перспективе его закрытия (или

лишения статуса университета). Уменьшалось финансирование, шло сокращение штатов. Имевшие научные связи в столичных центрах преподаватели при любой возможности переводились туда на работу. Ректор университета химик А. А. Байков (1870–1946) уехал в командировку в Москву и не вернулся. Получив там предложение о работе, ученый не посчитал нужным даже приехать в Симферополь забрать вещи. Весь 1924 год в университете, который возглавил профессор-биохимик, бывший министр народного здравоохранения Временного правительства России С. С. Салазкин (1862–1932), прошел в борьбе за сохранение вуза. Однако, несмотря на все усилия, решением Совнаркома РСФСР медицинский факультет в Симферополе был закрыт, а университет в 1925 году реорганизован в педагогический институт [16, с. 45–76].

Об еще одной находке рукописей Г. В. Вернадского А. И. Маркевич сообщал Владимиру Ивановичу в марте 1926 года, уже после возвращения академика в Ленинград.

С. С. Салазкин.

«25. III. 1926 г. Симферополь.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Несказанно обрадовался я, получив Ваше письмо. Радуюсь, прежде всего, тому, что Вы здоровы, полны энергии и без перерыва продолжаете в тех же размерах

Г. В. Вернадский.

ученую работу. Радуюсь от всей души и тому, что здоровы Георгий Владимирович и Нина Владимировна [дочь В. И. Вернадского – А. Н.], и что он по-прежнему много и продуктивно работает. От всего сердца желаю Вам и ему здоровья и сил в ваших трудах и самого нового успеха. Вполне сочувствую интересу Георгия Владимировича к Византии и рад, что он уже много сделал в этой области. Буду счастлив, если на закате своих дней хоть мельком погляжу на его труды в печати.

Передайте Вашей супруге и им мой низкий поклон и привет. Посылаю статью Георгия Владимировича о «Пушкине как историке». До последних дней я не терял надежды на получение субсидии на издание наших трудов и среди них работы Георг[ия] Владим[ировича]. Но и сейчас нам отказали... Вот уже шесть лет, как мы не

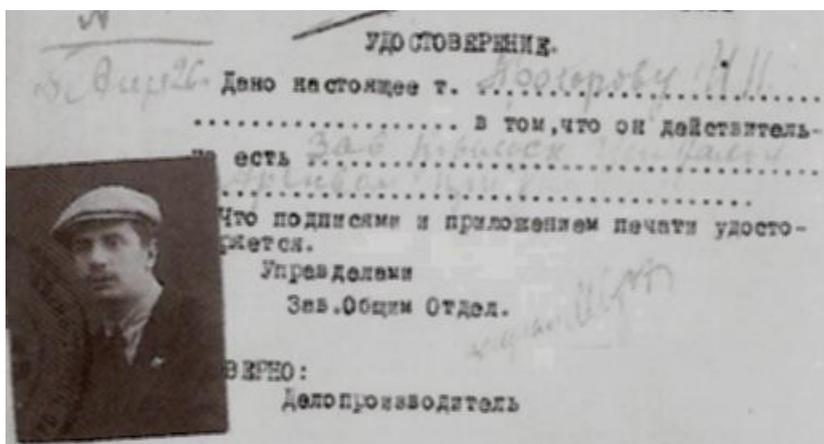
имеем возможности выпустить в свет хоть часть своих работ, которых хватило бы на несколько томов. Обществу Естествоиспытателей [Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы, речь о 8 томе «Записок», вышедших в 1925 году – А. Н.] удалось выпустить в свет томик своих трудов, хоть и с затруднениями. Может быть, и нам удастся издать что-нибудь.

В этом году (в сентябре), предположен созыв конференции в Керчи по случаю 100-летия существования Керченского Музея. Может быть, и Вы пожелаете в Крым. Зять наш, Кошляков Ник[олай] Серг[еевич], перешел в Ленинградский универ[ситет]. Я и жена стареем и дряхлеем, но, в общем, тянем житейскую лямку.

Искренно преданный Вам А. Маркевич» [17, л. 3–3 об.].

Отпраздновавшего недавно 70-летний юбилей крымского историка новая генерация крымоведов старалась вытеснить в ведущих позиций в регионоведческой историографии. Арсения Ивановича обвинили в «нежелании выполнять существующее законодательство и стремление скрыть от органов Сов. власти архивные материалы периода Революции и Гражданской войны». Столь жесткая формулировка нового заведующего КрымЦентрархива И. Н. Прохорова,

электромонтера по специальности, имевшего начальное образование, была связана с выводами комиссии КрымЦИКа, которая в марте 1926 года обследовала деятельность КрымЦентрархива. Признав работу архива неудовлетворительной, проверяющие среди недостатков указали на несоответствие части работников своему назначению, в том числе по политическим взглядам: «В прошлом профессор Маркевич – реакционер, а в данное время – аполитичен. По преклонности лет малопродуктивен» [18, л. 7]. Волновался судьбой архивных бумаг семьи Вернадских Арсений Иванович не напрасно. В августе 1926 году вышел приказ об его увольнении с Центрархива. Однако старая статья о Пушкине Г. В. Вернадскому оказалась неинтересной. Находясь в Праге он опубликовал похожий материал в издаваемых Российской учебной коллегией «Ученых записках» (1924. Т. 4, вып. 2. С. 61–79). Он отписал отцу: «Статью о Пушкине «Пушкин как историк» печатать не стоит, так как здесь на эту тему ведь была издана моя статья в 1924 году» [19, л. 10].

Удостоверение И. Н. Прохорова.

Лидер крымских краеведов также сообщал о предполагаемом созыве Конференции археологов СССР в Керчи по случаю 100-летию существования Керченского Музея. На Конференцию археологов СССР в Керчи В. И. Вернадский, занятый другими проблемами, не поехал. Этот научный форум ознаменовал возрождение старых академических традиций и сделал полуостров на некоторое время центром притяжения и интереса многих центральных фигур не только советской археологии, но и исторической науки в целом. Подробный отчет о наиболее интересных докладах Вернадскому прислал А. И. Маркевич [20].

Упомянутый зять Маркевича – математик Николай Сергеевич Кошляков (1891–1958) – работал в Таврическом (Крымском им. М. В. Фрунзе) университете с 1918 по 1925 годы. В конце 1925 года вместе с дочерью Маркевича Екатериной они переехали в Ленинград.

В 1927 году не имевший ученой степени А. И. Маркевич был избран членом-корреспондентов АН СССР. Здесь, безусловно, сказалась протекция сразу нескольких академиков, занимавшихся вопросами крымоведения и хорошо знавших Арсения Ивановича. Избрание членом-корреспондентом АН СССР позволило А. И. Маркевичу поставить вопрос о назначении ему персональной пенсии. С этой просьбой он обратился в этом же 1927 году одновременно к профессору М. М. Богословскому [21, л. 1–2] в Москву и академику С. Ф. Платонову в Ленинград [22, с. 51–57]. Уже тогда столичные друзья Маркевича начали составлять первые бумаги-ходатайства, однако бюрократическая переписка не давала нужного результата. По вопросу «оформления полной профессорской пенсии» Арсений Иванович беспокоил и В. И. Вернадского. В связи с этим интересно письмо А. И. Маркевича к его бывшему ученику по Симферопольской мужской гимназии, а в то время – известному филологу, историку славянской литературы, балканисту Н. С. Державину, датированное 27 августа 1929 года. Там упоминаются ученые, которые могли бы посодействовать ходатайствами или подписать общее обращение. В этом ряду В. И. Вернадский стоит на первом месте. Из контекста ясно, что Маркевич писал ему по этому вопросу отдельно и получил положительный ответ [23, л. 1–1 об.]

По приглашению В. И. Вернадского с конца 1926 года А. И. Маркевич сотрудничал в Комиссии по истории знаний. Членство А. И. Маркевича в этом учреждении зафиксировано в нескольких документах [24, с. 597, 711]. Арсений Иванович, как никто другой, имел наработки, по вопросам истории крымоведения. До недавнего времени малоизвестным оставалось и его обстоятельное исследование, посвященное истории памятникоохранительной работы в Крыму «Судьба памятников древности в Тавриде», которое А. И. Маркевич подготовил в октябре 1921 года и отправил в Москву [25, л. 54–69]. Эту объемную рукопись удалось выявить и опубликовать. В дальнейшем крымовед работал над ее редактированием и дополнением. Об этом свидетельствует письмо В. И. Вернадскому, написанное весной 1929 года.

«3. III. 1929 г. Симферополь, Архивная, 28.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Простите, прежде всего, что беспокою Вас. Мучит меня мысль о том, что состоя, благодаря Вашему вниманию, членом Академической Комиссии по Истории Знаний уже свыше двух лет, я ничем не проявил своего участия в ней. Дело тут и в моей старости, и в неудобной в Симферополе обстановке для научной работы. Но прежде, чем просить освобождения от этого звания, я решаюсь предложить Вашему вниманию мой труд, который подходит к концу. Тема этой моей работы «Памятники древности Крыма, их изучение и судьбы». Если статья на эту тему подходит к задачам Комиссии, то я взялся бы за ее отделку и через два месяца выслал бы ее Вам на рассмотрение. Быть может, удалось бы сделать и раньше. Статья выйдет не особенно большая, печатных листов 3–4. Изложение придется сжимать в виду нынешних бумажных затруднений. Покорнейше прошу Вас сообщить мне Ваше мнение относительно темы статьи, а заключение

относительно принятая или непринятая ее Комиссией, разумеется, будет зависеть от достоинств работы. Пока я хотел бы знать, пригодна ли тема? Но в любом случае продолжать эту работу буду, так как хочу довести ее до конца поскорее.

Обращаюсь к Вам, Владимир Иванович, и с другой просьбой – сообщить мне теперешний точный адрес Георгия Владимировича. Сердечно хочется написать ему: я очень люблю его, уважаю и скорблю о том, что он теперь так далеко. Вместе с тем, прошу Вас передать ему и Нине Владимировне мой и жены моей привет и самые лучшие пожелания. Думаю о нем очень часто.

Позвольте мне засвидетельствовать Вам и Вашей супруге глубокое почтение и пожелать Вам здоровья и всех благ.

Искренно преданный А. Маркевич» [26, л. 4–5].

Судьба этой дополненной, обширной рукописи А. И. Маркевича по истории памятникоохранной деятельности неизвестна.

Переписка ученых позволяет пролить свет на историю передачи архивных документов ботаника Х. Х. Стевена и историка, статистика П. И. Кёппена из Симферополя в Архив Академии наук в Ленинграде. Это связано с переизбранием председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии, прошедшее в 1930 году. Новые власти стремились избавиться от авторитетного, но идеологически чуждого старика. А, между тем, Арсению Ивановичу удалось в новых условиях восстановить выпуск ежегодных «Известий» Общества и восстановить работу организации в досоветских объемах собраний и докладов, продолжить практику привлечения к сотрудничеству ученых из академических центров СССР. А. И. Маркевича на посту председателя заменили на Н. Л. Эрнста. По этому поводу в апреле 1930 года Арсений Иванович писал Вернадскому из Симферополя. Его волновала, судьба уникальных архивных бумаг, которые не очень интересовали археолога Эрнста.

«8. IV.1930. Симферополь, Архивная, 28.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Не думайте, что я забыл исполнить свое обещание – выслать Вам №№ 1–3 «Известий» нашего Общества ист[ории], арх[еологии] и этн[ографии]. Приехал я домой еще не совсем оправившимся от ленинградской болезни (воспаления легких и плеврита) и до сих пор чувствую слабость в организме при плохом сердце и таком же плохом питании. Вместе с этим письмом посылаю Вам эти книги.

Позвольте при этом побеспокоить Вас одним вопросом. В нашем Обществе [истории, археологии и этнографии – А. Н.] имеется громадное количество писем разных ученых к ботанику Х. Х. Стевену. Все они касаются ботаники, акклиматизации растений Никитского сада и т. п. Наше Общество решило передать эти письма в Академию Наук, но еще не решено, в Ботанический ли Кабинет ее, или в Комиссию по Истории Знаний. Очень прошу Вас, Владимир Иванович, высказать свое мнение по этому делу. Сейчас у нас образовано новое

Правление, мне, вероятно, придется сложить с себя звание Председателя Общества. И я хотел бы передать эти письма поскорее, чтобы они не попали в к[акие-]н[ибудь] неподходящие учреждения.

Имеется у нас и значительное количество бумаг акад[емика] П. И. Кёппена. Это, гл[авным] обр[азом], письма его к Х. Стевену, но они не имеют научного значения и пока нужны нам для наших работ. Портретов у нас оч[ень] мало (Палласа – копии академических, Стевена, Кёппена, арх[иепископа] Иннокентия, который также был академиком). Вот последний, пожалуй, можно было бы передать в Академию, во избежание его потери. Это, собственно, литографический портрет.

Если имеются у Вас новые известия от Георгия Владимировича, не откажите сообщить мне. У нас только-только начинается весна. Жена и я просим передать Вашей супруге и принять наш искренний привет и сердечные пожелания здоровья и всех благ.

Душевнопреданный Вам А. Маркевич» [27, л. 6–7].

В. И. Вернадский высказался за скорейшую передачу документов Х. Х. Стевена и П. И. Кёппена в центральные академические учреждения. Академик объективно считал, что эти исторические источники должны храниться в архиве Академии наук, куда и предложил их передать. 3 октября 1930 года он повторно писал А. И. Маркевичу, высказывая свою тревогу по поводу задержки с передачей архивов П. И. Кёппена и Х. Х. Стевена в академические учреждения Ленинграда. Владимир Иванович просил также, чтобы А. И. Маркевич прислал для архива Академии наук несколько своих фотографий и личные документы, которые у него сохранились. Объясняя В. И. Вернадскому причины неспешности передачи, А. И. Маркевич отвечал:

«9. X. 1930 г. Симферополь, Архивная, 28.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Спешу с ответом на Ваше письмо от 3-го числа. Замедление с высылкой в Академию бумаг Хр[истиана] Стевена (писем к нему) произошло не по моей вине. С формальной стороны это объясняется перегруженной работой по раскопкам нынешнего председателя нашего Общества ист[ории], арх[еологии] и этн[ографии] Эрнста, а по существу, его бестолковостью. Заминка эта мне крайне неприятна, – но я тут не могу быстро помочь делу. Сейчас Эрнст копает курганы в Перекопском уезде. Как только он вернется в Симферополь, я приму все старания к скорейшей отсылке этих бумаг.

Две фотографические карточки мои – одну в среднем возрасте, другую – недавнего времени – я выслал Вам в июне или июле этого года. Досадно, что они не дошли к Вам, так как обе они были очень удачны и сохранились у меня в единственном экземпляре, а переснять их теперь невозможно. Что касается документов моих (родовых), то сын и дочь упростили меня оставить их у себя до тех пор, пока подрастут их дети, чтобы дать им возможность познакомиться с

прошлым моего рода. До смерти своей я их сберегу, а затем они будут (вероятно) у нашей дочери – Кошляковой, которая исполнит мое обещание.

Я очень опечален оставлением Вами председательства в Комиссии по истории знаний. При новых обстоятельствах мне трудно будет сохранить звание ее члена. Тем более, что в настоящее время лишен возможности дать Комиссии свою работу. С другой стороны, меня радует возможность для Вас поездки за границу. Теперь печатается в Киеве, в Зап[исках] Всеукр[аинской] Академии, моя работа, и как только получу оттиски, немедленно вышлю Вам, Георгию Владимировичу, и в Комиссию знаний. Печатание наших «Известий» пока на мертвой точке, и когда оно сдвинется с нее, трудно сказать, хотя обнадеживают, что это состоится в скором времени, чему я лично не верю, потому что изверился относительно исполнения обещаний. Сначала говорили о недостатке бумаги, а теперь все только и думают и говорят о денежном оскудении. В учреждениях у нас до сих пор не выдает жалование за сентябрь, и, по слухам, отделение Госуд[арственного] банка очень стеснено. Вместе с тем, картошку выдают по книжкам по 1/2 кило, выдача другого пайка прекращена, и мы уже перешли на полуголодное существование. На пустой желудок и спать плохо, тем более работать – физически или умственно.

Не откажите передать мой привет Георгию Владимировичу и Нине Владимировне. Я очень часто и любовно вспоминаю их, а в течение этого лета наши ленинградцы проживали в Батилимане, и это постоянно мне напоминало о прошлом, когда Георгий Владимирович и Нина Владимировна мечтали там обосноваться.

Жена и я просим передать наши почти желанный привет Вашей супруге.

Всего доброго, радостного.

Душевно преданный Вам А. Маркевич» [28, л. 8–9 об.].

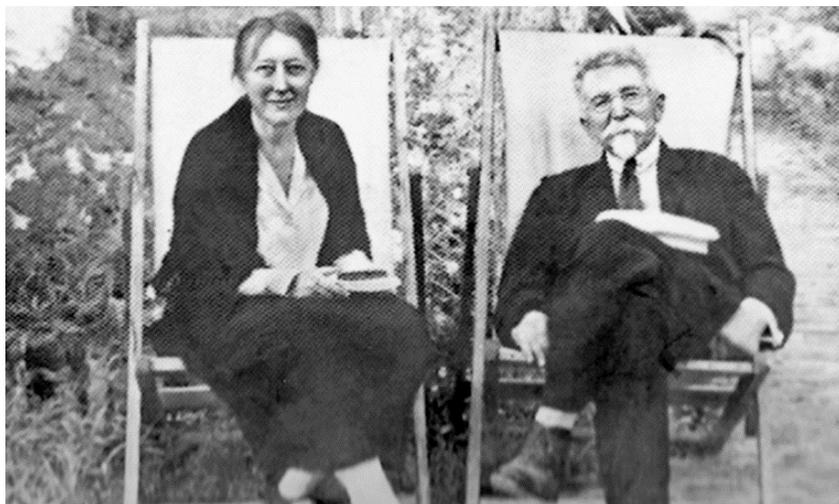
А. Е. Крымский.

Крымский историк в этом письме с радостью сообщал в Ленинград о намечавшейся публикации в Киеве его научных работ, скопившихся за последние годы. Лишенный возможности публиковать статьи не только в академических изданиях Москвы и Ленинграда, но и в Крыму, А. И. Маркевич с радостью откликнулся на предложение востоковеда-арабиста, тюрколога, академика Всеукраинской академии наук Агафангела Ефимовича Крымского (1871–1942) участвовать в редактируемом им научном сборнике. Эта страница творческой биографии А. И. Маркевича связанная с сотрудничеством двух ученых малоизвестна. В

сферу научных интересов А. Е. Крымского прочно входило крымоведение. В 1926–1928 годах он совершил несколько научных поездок по полуострову экспедиционного характера для сбора этнографического материала и знакомства с документами местных архивов и библиотек о средневековом прошлом региона. Именно тогда при посредничестве семьи украинских историков Наталии Дмитриевны и Николая Прокопьевича Василенко [29] произошло знакомство А. Е. Крымского с А. И. Маркевичем, без которого, по справедливому замечанию хорошо знавшей их обоих видного украинского историка Н. Д. Полонской-Василенко, архивные штудии киевского исследователя в Крыму не принесли бы нужных результатов. Тогда же у А. Е. Крымского

зародилась идея подготовить в Киеве академическое издание, посвященное крымской тематике. Несмотря на обвинения в национализме, периодические увольнения и даже аресты ему удалось в 1930 году организовать выпуск тематического номера «Збірника Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук», который известен в историографии крымоведения под названием «Студії з Криму». В сборнике в крайне некачественном переводе на украинский язык были помещены присланные А. Е. Крымскому статьи А. И. Маркевича из цикла «Из культурного прошлого Крыма XIX столетия» [30].

*Н. П. Василенко и Н. Д. Полонская.
Преображение (дом отдыха Всеукраинской академии наук). 1933 г.*

Выпуск «Студій з Криму» получился довольно интересным и вызвал положительные отклики в среде научной общественности. И это с учетом плохого перевода и того, что на украинский язык не были транслитерированы практически все инициалы в статьях. А в материале по истории культуры Крыма их, понятно, было весьма много [31]. У А. Е. Крымского и А. И. Маркевича возникло желание подготовить второй том, пригласив к сотрудничеству, как и в первом выпуске, различных историков-востоковедов. К сожалению, эта идея не была реализована [32, с. 310–314].

Крайне болезненная тема закрытия Таврического общества истории, археологии и этнографии и библиотеки этой организации вновь была затронута А. И. Маркевичем в следующем письме к В. И. Вернадскому в мае 1931 года.

*«Симферополь, Архивная, 28.
8. V. 1931.*

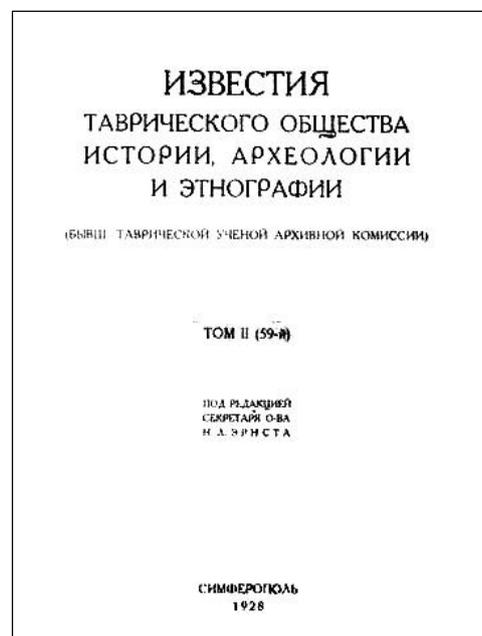
Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Вы, вероятно, знаете, что наше Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии прикрито, и надежды на скорое восстановление его в каком-либо виде не предвидется. Досаднее и печальнее всего то, что оно закрыто не от собственного обращения, а от действия каких-то других обращений, не имеющих с наукой ничего общего. Закрыт и музей наш, закрыта и библиотека, будущее которой, говорят, висит на волоске. Меня, между прочим, пугает и будущее стевеновских и кёппеновских бумаг, находящихся в этой библиотеке. Но все мои обращения об отправлении их в Академию Наук были тщетными. Вы это знаете.

С закрытием нашего Общества прекращается и моя личная научная работа, если не совсем, то в очень значительной мере. Тянулась она почти полвека, и довольно. Теперь она не нужна.

Теперь наши академики проповедуют, что «автономия науки – вредительство, что формула «наука для науки» – миф, ложь, обман...».

Но я хорошо помню Вашу записку 1920 года, составленную и высказанную Вами в Крымском университете перед Вашим отъездом отсюда. И сейчас передо мною Ваш образ, как идейного поборника науки, как великого представителя ее в нашем несчастном Отечестве. Мне незабвенно и дорого Ваше внимательное отношение и к моей личной скромной научной работе, которой наступает конец.

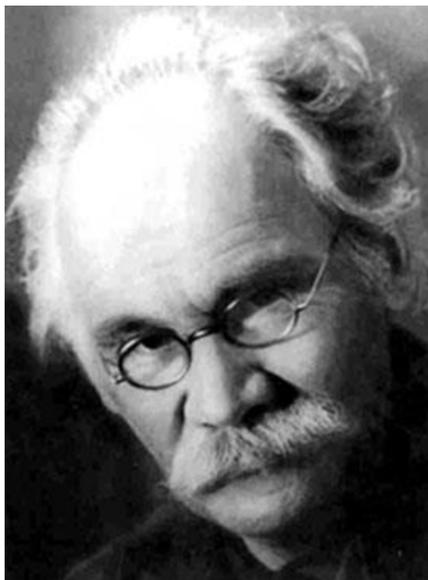
Позвольте мне, высокочтимый Владимир Иванович, принести Вам почтительную и горячую благодарность за Ваше внимание, ставшее для меня очень большой поддержкой в эпоху тяжелых переживаний.

Желаю Вам здоровья и бодрости душевной для новых свершений, всякого укрепления Вашего служения науке.

Вашей глубокочтимой супруге, дорогим Георгию Владимировичу и Нине Владимировне прошу передать мои поклоны и исполнения всех благ.

Душевно преданный А. Маркевич

Р. С. Извиняюсь за беспокойство, прошу передать прилагаемое письмецо С. Н. Чернову» [33, л. 10–10 об.].

С. Н. Чернов.

Историку Сергею Николаевичу Чернову (1887–1941), уволенному из Археографической комиссии и находящемуся в это время под следствием в связи с «Академическим делом», Маркевич, наверняка сообщал о своей публикации в киевском журнале о декабристах в Крыму. С. Н. Чернов глубоко занимался историей движения декабристов. С ним Маркевич советовался по биографическим аспектам декабристов, приезжавших на полуостров.

О продолжении и личных контактов ученых свидетельствуют послания, направленные А. И. Маркевичем В. И. Вернадскому 4 февраля (из Ленинграда, где он гостил у дочери, заболел и вынужден был остаться надолго) и 12 декабря 1932 и 2 января 1933 годов (открытка и два письма).

*«Ленинград, пр. К. Либкнехта, д. 98, кв. 16.
4.11. 1932.*

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Я очень тронут Вашим намерением навестить меня и буду крайне рад, если Вы удостоите меня своим посещением. Весь февраль я должен провести в комнате, хотя, по-видимому, уже выздоровел. Таким образом, я всегда дома, и время посещения меня вполне зависит от Вас. На трамвае Вы доедете почти до нашей квартиры. Надо пройти ворота, во дворе повернуть сейчас же направо, дойти до дверей в углу и подняться на 4-ый этаж. Лестница довольно хорошая. Спросить меня. Я и Анна Николаевна всегда дома. Дочь в Детском Селе в доме отдыха. Зять Н. С. Кошляков, конечно, там присутствует.

Глубокий наш привет Вашей супруге.

А. Маркевич» [34, л. 11].

«Симферополь, ул. Ленина, 18. 12. XII. 1932.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Прочитал в «Известиях» Академии наук, что Вы делали доклад в заседании последней сессии. Спешу поздравить Вас с благополучным возвращением домой в полной здравии и неослабленной энергией²⁰. Раньше никто из знакомых не сообщил мне о Вашем приезде. Думаю, что Вы были за границей в частном общении, может быть, и личностном, с Георгием Владимировичем и Ниной Владимировной. Очень был бы благодарен, если бы Вы черкнули мне несколько слов, как они поживают, приезжали ли в Прагу и т. д. Продолжает ли Георгий Владимирович занятия по истории Византии? Что написал в последнее время по истории он?

Я, как видите, уцелел после легочных болезней последних лет, хотя сильно подался, одряхлел. И жена очень постарела. Кое-как боремся с тяжелыми условиями жизни, но очень боимся наступающей и у нас зимы, которая, говорят, будет короткая, но суровая. Дочь и зять зовут нас упорно к себе, но вопрос этот очень сложен, и решимся, если доживем, летом, когда исполнится ровно 50 лет моей жизни и работы в Крыму.

У нас здесь еще осень, но начинаем топить печь понемногу. Из писем своих знаем, что в Ленинграде уже зима, и свирепствует тиф. И здесь он силен, было несколько случаев и сытняка.

Жена и я просим Вас и супругу Вашу принять наше приветствие и сердечное пожелание всего доброго.

Глубоко уважающий Вас и душевно преданный А. Маркевич» [34, л. 12–12 об.].

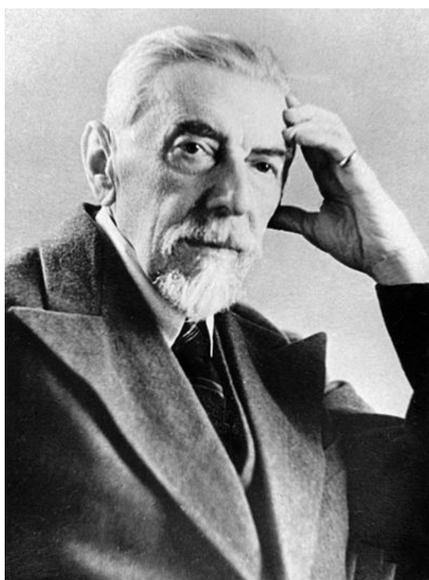

А. М. Лукьяненко.

А. И. Маркевич не посвящал отдельных посланий ситуации в Крымском университете (пединституте) им. М. В. Фрунзе. Однако довольно часто, но емко, характеризовал плачевную ситуацию в вузе. Он знал – Вернадскому, как бывшему ректору Таврического университета – это интересно. Понимая внимание академика к событиям в симферопольском институте, судьбам знакомых историков и филологов старшего поколения А. И. Маркевич 12 января 1933 года сообщал ему: «Сейчас оставляют службу в здешнем Пед[агогическом] Инст[итуте] почетные профессора бывшего Таврич[еского] ун[иверсите]та Лукьяненко, С. П. Попов, А. Н. Деревницкий» [35, л. 15 об.].

На самом деле от старых кадров полностью избавились в Крымском пединституте несколько позже – через год, но атмосфера гонений ощущалась уже тогда. В мае 1934 года Крымский обком партии принял специальное постановление,

где ставилась задача «провести систематические разоблачения извращений и враждебных выступлений преподавателей Крымского пединститута, протаскивающих до самых последних дней чуждую идеологию». Первой в списке была фамилия профессора А. Н. Деревницкого. Не забыли и других представителей досоветской школы [36, л. 2–3]. Алексея Николаевича Деревницкого (1859–1943) Вернадский хорошо знал по работе. Он был при его ректорстве деканом историко-филологического факультета – самого большого подразделения университета. Именно с ним Владимир Иванович провели «акцию» по спасению молодых солдат врангелевской армии, выдав им «лекционные книжки» (аналоги студенческих билетов) студентов университета. Так как знаний у бывших солдат по специальностям медицинским, аграрным или физико-математическим явно не было, то договорились зачислять на факультет к А. Н. Деревницкому и юридический.

С. П. Попов.

Александр Митрофанович Лукьяненко (1879(80)–1974) – специалист в области языкознания, хоть был значительно моложе «старой» профессуры, также своими взглядами не устраивал руководство вуза. О ситуации с крупным минералогом и биохимиком Сергеем Платоновичем Поповым (1872–1964) Вернадский знал из личной переписки с ним.

Будучи на пенсии, в тридцатые годы Арсений Иванович продолжал заниматься восстановлением истории первого крымского вуза. Свидетельством тому является его письмо В. И. Вернадскому от 17 марта 1936 года. Оно написано в Ленинграде, когда Арсений Иванович гостил у дочери. Именно это послание объясняет историю происхождения в личном архивном фонде В. И. Вернадского группы документов, связанных с Таврическим университетом. Как известно,

В. И. Вернадского фактически под арестом препроводили 23 февраля 1921 году в Москву, разрешив взять с собой только самые необходимые вещи. А. И. Маркевич сообщал:

*«Ленинград, пр. К. Либкнехта, д. 98, кв. 16.
17. III. 1936.*

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Радуясь, что Вы с неустанной энергией продолжаете служение науке, я в то же время скорблю, не имея возможности видеться с Вами. Поэтому простите, что беспокою Вас своими письмами.

Дело в том, что лет 12–13 назад я задумал написать исторический очерк кратковременной жизни Таврического ун[иверсите]та и нашел в архиве (уже

Н. С. Кошляков.

Кр[ымского] педаг[огического инст[итута]) копию (правленный подлинник) превосходной Вашей докладной записки о важности, необходимости сохранения его в полном составе²¹. Я имел счастье слышать эту записку из Ваших уст и поспешил переписать ее для моего труда. Но моей работе не суждено было быть изданной, и она, конечно, не увидит света. Пока я жив, берегу ее, а после моей смерти она погибнет. Желая, чтоб не погиб Ваш доклад, я решил послать <его> с зятем (Н. С. Кошляковым) Вам, как ценнейший памятник Вашего участия в жизни Таврического университета. Пусть он сохранится в Ваших личных бумагах. Может быть, конечно, что у Вас имеется своя копия, и в таком случае моя будет излишней, и в таком случае я просил бы Вас мою копию вернуть. В точности ее

ручаюсь. Но если Вы решите сохранить ее, то прошу Вас прислать мне свою копию, на память, и как научный важный материал для моей работы. Сделать сейчас копию с нее я не в силах.

Среди бумаг архива Кр[ымского] ун[иверсите]та я нашел и письмо Ваше В. А. Маклакову в Париж по делам университета, очень ценное, и свою копию с него также посылаю Вам.

Есть у меня и копия резолюции Совета Таврического ун[иверсите]та по поводу Вашего доклада, вполне согласной с Вашими мыслями. Я ее не посылаю, но если бы Вы захотели ее иметь, она будет выслана Вам немедленно.

Что касается меня, то я еще тяну свою тяжелую жизненную лямку, но уже быстро дряхлею. Ровно через месяц мне исполнится 81 год, и наступающий год будет, по всей вероятности, последним годом моего життя-бытия. Сейчас пятую зиму провожу с женой здесь, а в апреле вернусь в Симферополь на дожитие. Будущего у меня уже нет, настоящее уныло, тоскливо, убого, и весь я в думах, и в сновидениях в прошлом. Но об этом не стоит говорить.

Прошу Вас, глубокоуважаемый Владимир Иванович, принять, а равно передать Вашей супруге и «приснопамятным» Георгию Владимировичу и Нине Владимировне мои и Анны Николаевны поклоны и самые сердечные пожелания здоровья и всего, всего доброго. Георгия Владимировича я и сегодня видел во сне, вероятно, вследствие вчерашних бесед о судьбах науки истории у нас.

С глубоким почтением и преданностью А. Маркевич» [37, л. 16–17].

Крымцентрархив с 1923 г. (бывшая семинарская церковь)

Судьба рукописи очерка по истории Таврического университета, о котором сообщает письмо, неизвестна. Выявить именно этот вариант (отосланный В. И. Вернадскому) не удалось. Мы имеем первый опубликованный вариант подготовленной Маркевичем истории Таврического университета [38]. Поиски позволили найти еще одну редакцию данной работы. Оказалось, что в 1930 году А. И. Маркевич отправил такой очерк в Киев А. Е. Крымскому. Он сообщал Агафангелу Ефимовичу 24 декабря 1930 года:

«Глубокоуважаемый Агафангел Ефимович!

Узнав из письма Н[аталии] Дм[итриевны] Василенко, что Вы согласны на передачу в Академию [Всеукраинскую академию наук. – А. Н.] моих работ для помещения их в ее изданиях, решаюсь побеспокоить Вас отсылкой статей на Ваше имя, так как больных Ник[олая] Прок[опьевича] и Нат[алию] Дм[итриевну] затрудняюсь утруждать. У меня готовы три статейки из серии: «Из культурного прошлого Крыма XIX ст.». Первая посвящена пок[ойному] А. Л. Бертье-Делагарду, работа которого для Крыма, его родины, представляет замечательный эпизод в прошлом ее, а вторая передает историю вопроса об учреждении в Крыму в[ысшего] уч[ебного] заведения. Оба вопроса связаны с Украиной: Бертье-Делагард много поработал в Николаеве и особенно в Одессе, да и мать его была уроженка Украины (Черниг[овской] г[убернии]), а университет в Крыму был открыт при большом участии Киевского ун[иверсите]та и вначале был его филиалом.

Убедительно прошу Вас, Агафангел Ефимович, просмотреть их, и если Вы найдете их несостоящими помещения в «Студиях з Криму», то просто отослать, а

если они, с Вашей точки зрения, достойны напечатания, передать в издательство или секретариат Академии на их уважение. Не посылаю туда прямо, боясь, в случае отказа, лишиться своих рукописей, чего не желал бы. Третья статья «Хр. Стевен и П. И. Кёппен, как крымские деятели» переписывается, и я вышлю ее, если позволите, Вам в начале будущего месяца. Этим и закончится серия моих статей о прошлом Крыма в XIX ст., т.к. продолжить их не смогу уже. Да и все равно они не скоро были бы изданы.

Очень рад, что Вы здравствуете и бодры. Позвольте пожелать Вам всего доброго в наступающем году.

Искренне и глубоко уважающий Вас А. Маркевич.

Р. С. Посылаю эти статьи в Киев с тою целью, чтобы они, если достойны будут, помещены были в одних изданиях с вышедшими уже. Из всех их культурное прошлое Крыма выясняется полнее и яснее» [39, л. 1–1 об.].

Статья «Открытие в Крыму университета», автограф которой сохранился в «Архиве А. Е. Крымского» в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского НАН Украины [40], во многом дублирует положения, опубликованные А. И. Маркевичем в 1919 году в «Известиях Таврического университета». Выпустить второй том «Студий з Криму» Агафангелу Ефимовичу, к сожалению, не удалось. Ученый попал под кампанию борьбы с буржуазным украинским националистом и был вытеснен из административно-научной жизни.

Таким образом, можно предположить, что Арсений Иванович, не дождавшись публикации своей статьи в Киеве, отослал копию (доработанный вариант) В. И. Вернадскому. По содержанию это, скорее всего, аналогичные тексты. Названные А. И. Маркевичем в письме документы сохранились в личном архивном фонде академика и были недавно опубликованы [41, с. 195–201].

Упомянутый политический деятель, юрист Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) – один из лучших адвокатов досоветской России, член ЦК партии кадетов, депутат II – IV Государственной думы. После Февральской революции он служил посол России во Франции и с осени 1917 года остался там в эмиграции. В сентябре 1920 года В. А. Маклаков приезжал в белый Крым, где встречался с П. Н. Врангелем и профессорами Таврического университета, в том числе – с В. И. Вернадским. Возглавив Таврический университет, В. И. Вернадский пытался использовать на его благо все возможные средства, в том числе и личные связи. В письме к В. А. Маклакову от 20 октября 1920 года он просил его посодействовать получить для Академической библиотеки Таврического университета «официальные французские издания по всем министерствам», а также «какие бы то ни было книги, журналы, газеты для нашей библиотеки. Может быть, Вы можете переслать нам, что не нужно Вам. За всякую помощь в этом отношении мы будем страшно благодарны» [42, с. 166]. В. А. Маклаков отозвался на эту просьбу и весомые посылки для нового университета были подготовлены во Франции. Сохранилась переписка по их доставке поездами на территорию Крыма [43].

Еще одно из сохранившихся писем Маркевича Вернадскому, датированное 4 октября 1937 года, было отправлено из Симферополя. Оно подтверждает факт того, что шла переписка и между А. И. Маркевичем и сыном В. И. Вернадского – Георгием Владимировичем, переехавшим к тому времени в Соединенные Штаты Америки. Г. В. Вернадский постоянно присылал в Симферополь свои опубликованные статьи для библиотеки местного педагогического института.

*«Симферополь, ул. Ленина, 18.
4. X. 1937.*

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

На днях я виделся с А. Г. Жировой, сообщившей мне, что Вы интересуетесь моим нынешним адресом. Сказавши ей, где я обитаю, спешу послать его и Вам, чтобы скорее быть Вам полезным. Вместе с тем, благодарю Вас за память обо мне и внимание. Александра Григорьевна сказала мне, что Вы были больны, а теперь здоровы. Радуюсь Вашему возвращению и от всего сердца желаю Вам здоровья, присущей Вам энергии, бодрости, неумолимости в служении науке на многие, многие годы.

Летом я слышал, что Вы отправляетесь за границу, во Францию, и о болезни Вашей не знал. Вероятно, это было случайное заболевание.

В Ленинграде зимой еще я получил четыре статьи дорогого Георгия Владимировича и послал ему письмо с благодарностью за них. Но от него письма не было, и моего он, по-видимому, не получил. Собираюсь писать ему, но думаю, что это удобнее будет сделать в Ленинграде, куда мы собираемся и на предстоящую зиму. А Вас очень прошу написать ему, что я его неизменно люблю и уважаю, и радуюсь его прекрасной научной работе. И благодарю за его добрую, дружескую память обо мне. А если он пришлет свою фотокарточку, а равно и Нины Владимировны, какой это был бы праздник для меня!

Еще благодарю Вас, глубокоуважаемый Владимир Иванович, за память обо мне. С радостью готов быть Вам полезным, чем смогу.

Вместе со мной шлет Вам свой сердечный привет и Анна Николаевна. Просим передать наши поклоны и самые горячие пожелания всего доброго Вашей супруге, Георгию Владимировичу и Нине Владимировне.

Здесь мы становимся все более и более одинокими. Старость переносим благополучно. Я усиленно продолжаю научную работу, но не могу надеяться на ее появление в печати.

С глубоким уважением и преданностью А. Маркевич» [44, л. 18–19].

Письмо начинается с упоминания Александры Григорьевны Жировой – супруги известного геолога, биохимика Константина Константиновича Жирова (1913–1977), которого Вернадский хорошо знал по совместным исследованиям.

Интересно и последнее из писем А. И. Маркевича В. И. Вернадскому. По сути, это вообще последнее из сохранившихся посланий выдающегося крымского историка своим коллегам.

«15. VII. 1941.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Иванович!

Злополучная судьба связала закат моей жизни с Ленинградом. Здесь, в дачном месте «Шапка», я переживаю свое жизненное прошлое, связанное, гл[авным] обр[азом], с Родиной моей Белоруссией (Брест) и Крымом (Симферополь). Но сил для работы у меня нет.

Вам и Вашей семье я обязан многими светлыми, радостными моментами в своей скромной научной работе, и прошу Вас на закате своих дней, принять мою глубокую, самую сердечную благодарность за внимание ко мне, существенную помощь в моей работе. Вам лично, всей Вашей семье сердечные пожелания многих лет и благополучия во славу Науки и Отечества. Позвольте горячо обнять Вас.

Душевно преданный А. Маркевич» [45, л. 20].

Таким образом, благодаря письмам Арсения Ивановича Маркевича на протяжении 20–30-х годов В. И. Вернадский постоянно получал достаточно полную информацию о научной жизни в Крыму, деятельности Таврического общества истории, археологии и этнографии, почетным членом которого он состоял, жизни Крымского университета (пединститута) им. М. В. Фрунзе, в судьбе которого он оставил значительный след. Эпистолярные источники позволили увидеть состояние интеллектуальной напряженности крымского научного социума «изнутри», определить повседневные проблемы ученых и очертить их коммуникативные круги, раскрыть неизвестные моменты биографии отдельных деятелей.

Список использованных источников и литературы

1. В. И. Вернадский и Крым: люди, места, события... / Н. В. Багров, В. Г. Ена, В. В. Лавров и др.– 2-е изд.: перераб.– Киев: Либидь, 2012.– 248 с.
V. I. Vernadskij i Krym: lyudi, mesta, sobytiya... / N. V. Bagrov, V. G. Ena, V. V. Lavrov i dr.– 2-e izd.: pererab.– Kiev: Libid', 2012.– 248 s.
2. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук.– Белгород: Константа, 2018.– 352 с.
Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentah i fotografijah / Avt.-sost. A. A. Nepomnyashchij, A. S. Kravchuk.– Belgorod: Konstanta, 2018.– 352 s.
3. Вернадский В. О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг. // Наука и ее работники.– Петроград, 1921.– № 4.– С. 3–12.
Vernadskij V. O nauchnoj rabote v Krymu v 1917–1921 gg. // Nauka i ee rabotniki.– Petrograd, 1921.– № 4.– S. 3–12.
4. Гальцов П. Русская наука и ученые в Крыму (1917–1920 гг.) // Новая русская книга.– Берлин, 1922.– № 1.– С. 27–31.
Gal'cov P. Russkaya nauka i uchenye v Krymu (1917–1920 gg.) // Novaya russkaya kniga.– Berlin, 1922.– № 1.– S. 27–31.
5. Непомнящий А. А. «Что можем, делаем...»: охрана культурного наследия в Крыму в 1917–1920 годах // Очерки истории отечественной археологии / Ин-т археологии РАН; Отв. ред. П. Г. Гайдуков, И. В. Тункина.– М., 2019.– Вып. 5.– С. 219–236.

Непомнящій А. А. «Что можем, делаем...»: ohrana kul'turnogo naslediya v Krymu v 1917–1920 godah // Ocherki istorii otechestvennoj arheologii / In-t arheologii RAN; Otv. red. P. G. Gajdukov, I. V. Tunkina.– М., 2019.– Вып. 5.– С. 219–236.

6. Вернадский В. И. Дневники, 1917–1921. Январь 1920 – март 1921 / Сост. С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская и др.– Київ: Наукова думка, 1997.– 324 с.

Vernadskij V. I. Dnevniky, 1917–1921. Yanvar' 1920 – mart 1921 / Sost. S. N. Kirzhaev, A. V. Memelov, V. S. Neapolitanskaya i dr.– Київ: Naukova dumka, 1997.– 324 s.

7. Непомнящий А. А. Крымские корреспонденты академика В. И. Вернадского (1920–1930-е гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: «Гуманитарные науки».– 2021.– Т. 23, № 3.– С. 70–86.

Непомнящій А. А. Krymskie korrespondenty akademika V. I. Vernadskogo (1920–1930-e gg.) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: «Gumanitarnye nauki».– 2021.– Т. 23, № 3.– С. 70–86.

8. Избранные научные труды академика В. И. Вернадского: в 10-ти т.– Киев, 2012.– Т. 2: Владимир Иванович Вернадский: переписка с украинскими учеными: в 2-х кн. Кн. 1, ч. 1.– 742 с.

Izbrannye nauchnye trudy akademika V. I. Vernadskogo: v 10-ti t.– Kiev, 2012.– Т. 2: Vladimir Ivanovich Vernadskij: perepiska s ukrainskimi uchenymi: v 2-h kn. Кн. 1, ch. 1.– 742 s.

9. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2005.– 432 с., ил.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 3).

Непомнящій А. А. Arsenij Markevich: stranicy istorii krymskogo kraevedeniya.– Simferopol': Biznes-Infom, 2005.– 432 s., il.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 3).

10. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040.

ARAN, f. 518, op. 3, d. 1040.

11. Непомнящий А. А. Семинариум имени Н. П. Кондакова – европейский крымоведческий центр (20-е годы XX столетия) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского.– Симферополь, 2021.– Вып. 26.– С. 609–628.

Непомнящій А. А. Seminarium imeni N. P. Kondakova – evropejskij krymovedcheskij centr (20-e gody XX stoletiya) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskij federal'nyj un-t im. V. I. Vernadskogo.– Simferopol', 2021.– Вып. 26.– С. 609–628.

12. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040.

ARAN, f. 518, op. 3, d. 1040.

13. ГАРК, ф. Р-415, оп. 1, д. 418, л. 13–14; ф. Р-652, оп. 1, д. 116, л. 33, 36.

GARK, f. R-415, op. 1, d. 418, l. 13–14; f. R-652, op. 1, d. 116, l. 33, 36.

14. ГАРК, ф. Р-415, оп. 1, д. 418.

GARK, f. R-415, op. 1, d. 418.

15. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 309.

ARAN, f. 518, op. 3, d. 309.

16. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук.– Белгород: Константа, 2018.– 352 с.

Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentah i fotografijah / Avt.-sost. A. A. Nepomnyashchij, A. S. Kravchuk.– Belgorod: Konstanta, 2018.– 352 s.

17. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040.

ARAN, f. 518, op. 3, d. 1040.

18. ГАРК, ф. Р-415, оп. 1, д. 418.

GARK, f. R-415, op. 1, d. 418.

19. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 309.

ARAN, f. 518, op. 3, d. 309.

20. Непомнящий А. А. «Мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов»: Керченская археологическая конференция [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время.– 2017.– Т. 14.– Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма.– URL : http://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/PDF/2227-9490e-aprovr_e-ast14-1.2017.31.pdf

Nepomnyashchij A. A. «My stremimsya k tomu, chtoby eto bylo prodolzhenie prezhnih arheologicheskikh s'ezdov»: Kerchenskaya arheologicheskaya konferenciya [Elektronnyj resurs] // Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremya.– 2017.– Т. 14.– Вып. 1: Krymovedenie: prostranstvo i vremya Kryma.– URL : http://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/PDF/2227-9490e-aprovr_e-ast14-1.2017.31.pdf

21. ГИМ ОПИ, ф. 442, оп. 1, д. 51.

GIM OPI, f. 442, op. 1, d. 51.

22. Непомнящий А. А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение.– Белгород: Константа, 2018.– 216 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 27).

Nepomnyashchij A. A. Akademik S. F. Platonov i krymovedenie.– Belgorod: Konstanta, 2018.– 216 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 27).

23. СПбФ АРАН, ф. 827, оп. 4, д. 343.

SPbF ARAN, f. 827, op. 4, d. 343.

24. Комиссия по истории знаний, 1921–1932 гг.: из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: сб. док. / Сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина.– СПб.: Наука, 2003.– 766 с.

Komissiya po istorii znanij, 1921–1932 gg.: iz istorii organizacii istoriko-nauchnyh issledovanij v Akademii nauk: sb. dok. / Sost. V. M. Orel, G. I. Smagina.– SPb.: Nauka, 2003.– 766 s.

25. ГИМ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 997.

GIM OPI, f. 54, op. 1, d. 997.

26. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040.

ARAN, f. 518, op. 3, d. 1040.

27. Там же.

Tam zhe.

28. Там же.

Tam zhe.

29. Непомнящий А. А. Крымоведение в межличностных коммуникациях Н. Д. Полонской-Василенко: по материалам эпистолярного наследия // Пространство и Время.– Москва, 2018.– № 1–2.– С. 169–180.

Nepomnyashchij A. A. Krymovedenie v mezhlchnostnyh kommunikacijah N. D. Polonskoj-Vasilenko: po materialam epistolyarnogo naslediya // Prostranstvo i Vremya.– Moskva, 2018.– № 1–2.– S. 169–180.

30. Маркевич А. З культурної минувшини Криму ХІХ в.: короткі нариси: I. Діячі Криму на початку ХІХ віку; II. Пушкін у Криму; III. Декабристи і Крим; IV. Містики в Криму; V. О. С. Таранов-Білозеров; VI. Андрій Якович Фабр // Збірник Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук.– Київ, 1930.– № 89: Філологічна катедра під керуванням А. Ю. Кримського, Тюркологічна комісія, № 2: Студії з Криму.– С. 107–158.

Markevich A. Z kul'turnoi minuvshini Krimu XIX v.: korotki narisi: I. Diyachi Krimu na pochatku XIX viku; II. Pushkin u Krimu; III. Dekabristi i Krim; IV. Mistiki v Krimu; V. O. S. Taranov-Bilozarov; VI. Andrij Yakovich Fabr // Zbirnik Istorichno-filologichnogo viddilu Vseukraïns'koï akademii nauk.– Kiïv, 1930.– № 89: Filologichna katedra pid keruvannyam A. YU. Krims'kogo, Tyurkologichna komisiya, № 2: Studii z Krimu.– S. 107–158.

31. Дубровський В. [Рецензія] // Східний світ.– Харків, 1930.– № 4/5(13/14).– С. 298–301; Szapszał S. [Recenziya] // Myśl karaïmska.– Wilno, 1934.– Zesz. 10 (1932–1934).– S. 103–105; Курц Б. Г. Огляд літератури про Схід, що вийшла на Україні 1924–1932 рр.: [рукопись].– ІРНБУВ, ф. 10, оп. 1, д. 22986, л. 1–141. [1932 год].

Dubrovsk'ij V. [Recenziya] // Skhidnij svit.– Harkiv, 1930.– № 4/5(13/14).– S. 298–301; Szapszał S. [Recenziya] // Myśl karaïmska.– Wilno, 1934.– Zesz. 10 (1932–1934).– S. 103–105; Kurc B. G. Oglyad literaturi pro Skhid, shcho vjishla na Ukraïni 1924–1932 rr.: [rukopis'].– IRNBUV, f. 10, op. 1, d. 22986, l. 1–141. [1932 god].

32. Непомнящий А. А. Восточный факультет: неизвестные страницы истории крымоведения.– Саратов: Амирит, 2021.– 416 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 31).

Nepomnyashchij A. A. Vostochnyj fakul'tet: neizvestnye stranicy istorii krymovedeniya.– Saratov: Amirit, 2021.– 416 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 31).

33. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 1040.
34. Там же.
Tam zhe.
35. Там же.
Tam zhe.
36. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 1363.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 1363.
37. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 1040.
38. Маркевич А. И. Краткий исторический очерк возникновения Таврического университета // Известия Таврического университета.– Симферополь, 1919.– Кн. 1.– С. 11–42.
Markevich A. I. Kratkij istoricheskij ocherk vozniknoveniya Tavricheskogo universiteta // Izvestiya Tavricheskogo universiteta.– Simferopol', 1919.– Кн. 1.– С. 11–42.
39. ИРНБУВ, ф. 1, № 22440.
IRNBUV, f. 1, № 22440.
40. ИРНБУВ, ф. 1, № 22442.
IRNBUV, f. 1, № 22442.
41. В. И. Вернадский и Крым: люди, места, события... / Н. В. Багров, В. Г. Ена, В. В. Лавров и др.– 2-е изд.: перераб.– Киев: Либідь, 2012.– 248 с.
V. I. Vernadskij i Krym: lyudi, mesta, sobytiya... / N. V. Bagrov, V. G. Ena, V. V. Lavrov i dr.– 2-e izd.: pererab.– Kiev: Libid', 2012.– 248 s.
42. Там же.
Tam zhe.
43. Непомнящий А. А. И. А. Линниченко: от прославленного в Новороссии профессора до нищеты Таврического университета // Пространство и время.– Москва, 2014.– № 2.– С. 216–224.
Nepomnyashchij A. A. I. A. Linnichenko: ot proslavlennogo v Novorossii professora do nishchety Tavricheskogo universiteta // Prostranstvo i vremya.– Moskva, 2014.– № 2.– S. 216–224.
44. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 1040.
45. Там же.
Tam zhe.

Nepomnyashchij A. A. Correspondence of A. I. Markevich and V.I. Vernadsky (20–30s) – a meaningful source on the history of crimean studies

The research is based on the corpus of epistolary sources deposited in the personal archival fund of academician V. I. Vernadsky. The study of the correspondence made possible to determine the range of interests of V. I. Vernadsky related to his affairs in Crimea. Vernadsky's attention to people and events on the peninsula rises to the dramatic period of his biography because of the unexpected rectorship at the Tauride University (October 1920 – January 1921). V. I. Vernadsky, who strongly cared about the fate of the Tauride (in the years described – Crimean) University (Pedagogical Institute) named after M. V. Frunze, was also interested in the living aspects of eminent professors with whom he worked at the university in 1920.

Thanks to the notes of the leader of the local regional studies movement A. I. Markevich, there were discovered some details of individual manuscripts of V. I. and G. V. Vernadsky. Also it became possible to clarify the process of transferring funds of P. I. Köppen and H. H. Steven, significant researchers in the versatile studies of the Crimean peninsula to the Archive of the USSR Academy of Sciences.

Keywords: V. I. Vernadsky, epistolary heritage, A. I. Markevich, Crimean State University of M. V. Frunze.

УДК 904/908

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПОХОДА ФЕЛЬДМАРШАЛА

Х. А. МИНИХА В КРЫМ В 1736 Г.

Рувев В. Л.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: vl.ruev@gmail.com*

Автором локализован маршрут российской армии Х. А. Миниха в Крыму в 1736 г. Рассмотрена историческая география степной и предгорной части Крымского ханства во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Сделан вывод, что транспортные артерии ханского времени в неизменном виде продолжали функционировать вплоть до начала эксплуатации железной дороги Лозовая – Севастополь (1874–1875 гг.), а ряд участков ханских дорог используется до настоящего времени. Опубликованные в 2017 г. «Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.» являются одним из важных источников, дающих детальное представление об исторической географии Крыма в первой половине XVIII в.

Ключевые слова: Крым, Крымское ханство, Х. А. Миних, XVIII в., русско-турецкая война, транспортная инфраструктура, историческая география.

Введение

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и Крымский театр военных действий российской армии под командованием Х. А. Миниха¹ и П. П. Ласси получили широкое освещение в отечественной историографии. Это освещение коснулось, прежде всего, военно-исторического политического контекста этих событий [1; 2; 9; 10 и др.]. Однако работы, посвященные рассмотрению походов Х. А. Миниха и П. П. Ласси в рамках изучения исторической географии Крымского ханства первой половины XVIII в. и его транспортной инфраструктуры, до настоящего времени отсутствуют.

До недавнего времени одним из основных источников по изучению военных действий в Крыму в 1736–1737 гг. было сочинение офицера российской армии – непосредственного участника этих событий Христофора (Кристофа) Германа фон Манштейна. Однако вопросов исторической географии Крыма Манштейн в своих мемуарах коснулся крайне поверхностно [4]. В 2017 г. в Ростове-на-Дону были изданы «Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.» [3]. Качественное издание этого источника позволяет детально понять историческую географию Крымских походов Х. А. Миниха и П. П. Ласси. Комментарии П. А. Авакова к «Журналам Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.» подготовлены на высоком научном уровне, однако в отношении детализации и локализации крымских топонимов допущен ряд ошибок и неточностей.

---

¹ В статье персональные данные фельдмаршала Миниха используются в русскоязычном варианте как Христофор Антонович Миних (в оригинале – Burkhard Christoph von Münnich).

Накопление разведывательных данных о Крымском ханстве в конце XVII – первой трети XVIII вв. привели к появлению первой детальной картографической основы Крымского полуострова. Ей стала карта «Подлинная Таврика Херсонесская или Крым» (Verus Chersonesi Taurica seu Crimea) авторства Карла Фридриха фон Фрауендорфа. Будучи специалистом в картографии и фортификации, фон Фрауендорф служил в Санкт-Петербургской академии наук. По заказу академии к апрелю 1736 г. он изготовил подробную карту Крыма), которая в ноябре 1737 г. была отпечатана в типографии Яна Коуэне и Корнеля Мортье в Амстердаме [8, с. 99–101]. В последующих репринтах указанной карты отмечены не только населенные пункты Крымского ханства и транспортные коммуникации, но маршруты продвижения армий Миниха и Ласси. Для детализации местности и транспортных коммуникаций целесообразно карту Карла Фридриха фон Фрауендорфа сопоставлять с иными картографическими источниками по исторической географии Крыма конца XVIII – первой половины XX вв.

Историческая география похода Х. А. Миниха в Крым в 1736 г.

В течение 20–21 мая 1736 г. русскими войсками была захвачена Перекопская крепость. Х.Г. фон Манштейн оставил следующую заметку о топографии этой крепости: *«В городе Перекоп до 800 домов, большую часть деревянных [что очень сомнительно – В.Р.]; улицы, как во всех турецких городах, очень узки, а городские стены фланкированы баинями старинной формы укрепления, из дурного песчаника, который рассыпается при первом пушечном выстреле. Одним словом, Перекоп не может выдержать осады»* [4, с. 79]. Буквально сразу после взятия крепости перед Х. А. Минихом открылось поле для реализации собственных полководческих амбиций. Несмотря на усталость подразделений, задержку обозов с боеприпасами и продовольствием, а также уговоры генералов на военном совете о принятии тактики по частым наскокам летучих отрядов на населенные пункты Крымского ханства с базированием в Перекопе, фельдмаршал принимает решение о немедленном проведении карательной экспедиции в Крым. Продовольствие для своих подразделений Х. А. Миних планировал изымать у местного населения.

Историческую географию Крымского похода Миниха можно разделить на три крупных этапа.

1 этап: Перекопская крепость – Гезлев (24. 05. – 09. 06. 1736 г.).

Буквально через несколько дней после захвата Перекопа российская армия выступает вглубь Крымского полуострова. Передвижение армии осуществлялось по одной из трех главных магистральных дорог северной части Крымского ханства, которая связывала между собой важные торговые узлы Гезлев и Перекоп (Ор-Капу) (рис. 1, 3, 4). Эта дорога широко использовалась вплоть до конца I половины XX вв. Впоследствии северная часть этого тракта была уничтожена распашкой в рамках освоения целинных земель. В результате в 50–60-е гг. XX. она приобретает новую конфигурацию по маршруту: г. Евпатория – с. Кормовое Первомайского района (бывш. Тогайлы) – с. Войково Первомайского района (бывш. Айбар), которая на

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПОХОДА ФЕЛЬДМАРШАЛА
Х. А. МИНИХА В КРЫМ В 1736 Г.**

сегодняшний день является кратчайшим путем между Евпаторией и Перекопским перешейком. Нет никаких сомнений, что этот один из важнейших торговых путей возникает одновременно с Перекопом и Гезлевым в первой половине XVI в. и в неизменном виде просуществовал около четырех веков.

В день подразделения российской армии преодолевали в среднем 10–15 верст. В качестве препятствий для передвижения выступали естественные преграды реки болотистые места, а также непрекращающиеся набеги небольших отрядов крымской конницы. Динамику движения армии от крепости Перекоп отразим в виде таблицы:

Дата (1736 г.)	Пройденная дневная дистанция	Географические объекты на пути	Современная атрибуция географических объектов
24.05.	(отчет от Перекопа) 14 верст	<i>с. Джабы</i>	В картах конца XVIII в. называется также Джаботе, Саби, Джаби. На карте Перекопского уезда 1838 г. населенный пункт отсутствует. По данным автора, село Джабы находилось в районе поворота с трассы Армянск-Красноперекопск на село Пятихатка Красноперекопского района.
25.05.	12 верст	« <i>Стоячее озеро</i> » « <i>Некоторая деревня</i> »	Без сомнений, что « <i>стоячее озеро, на котором... соль садится</i> » – озеро Старое. Армия прошла вдоль его западного побережья и вышла на территорию современного Красноперекопска. « <i>Некоторой деревней</i> » по нашим расчетам является с. Ишунь.
26.05	5 верст	« <i>Деревня, стоящая вправо</i> »; <i>Каменный мост через морской залив Большой Балчик</i>	« <i>Деревня, стоящая вправо</i> » - речь в дневниках, по всей вероятности, вновь идет о селе Ишунь. По нашему предположению, в результате атаки крымской конницы в течение 25 мая подразделения российской армии растянулись, что приводит к повторному

			упоминанию «безымянной деревни». <i>Большой Балчик</i> – река Чатырлык.
27.05.	Отдых на переправе через <i>Большой Балчик</i> .		
28.05.	6 верст	<i>Средний Балчик с. Каймак по берег Малого Балчика</i>	<i>Средний Балчик</i> – река Воронцовка (переправа – в районе с. Ильинка Красноперекоского района); <i>Малый Балчик</i> – река Самарчик. Село <i>Каймак</i> на берегу Малого Балчика атрибутировать сложно. По нашему предположению, войска в этот день растянулись между селами Онгар-Найман [искаженное «Каймак» (?) – В. Р.] (несущ., в 2,5 км к СЗ от с. Тракторное Красноперекоского района) и Кенегез (несущ., в 2,0 км к ЮВ от с. Огородное Раздольненского района). Последнее находилось у реки Самарчик.
29.05.	Отдых		
30.05.	17 верст	<i>Хочамбах</i>	<i>Хочамбах</i> (Коджамбак, Коджанбак и др.) – исчезнувшее село к 2,4 км к ЮЗ от с. Привольное Первомайского района.
31.05.	Отдых		
01.06.	16 верст	<i>Ишли</i>	Район современного села Тихоновка (Яйшилы, Боз Чияшсты) Первомайского района
02.06.	16 верст	<i>Боташе Ашугла</i>	Наиболее сложный для интерпретации день маршрута. <i>Боташе</i> – ныне с. Чапаево

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПОХОДА ФЕЛЬДМАРШАЛА
Х. А. МИНИХА В КРЫМ В 1736 Г.

			Первомайского района, однако расположено оно вблизи упоминавшегося выше с. Кормовое (при этом от Ишли они отошли до Боташа 10 верст!). <i>Ашугла</i> – интерпретация затруднительна (возможно – с. Тогайлы – с. Кормовое Первомайского района).
03.06.	15 верст	<i>Бекбалак Большой Шераир Таи-Мечеть Корлу</i>	На указанном отрезке маршрута идентифицировать возможно только населенный пункт Корлу (Корулу, Курывлы) – с. Столбовое Сакского района.
04.06.	12 верст	<i>Чшефлин протока Кепура</i>	Ханская деревня <i>Чшефлин (Чифтлик)</i> – это, по всей вероятности, деревня Шибан (Шабань) (с. Победное Сакского района). <i>Протока Кепура</i> – залив озера Сысык-Сиваш в районе с. Лиманное Сакского района.
05.06.		<i>Занятие Козлова (Гезлева)</i>	Гезлев к моменту появления у городских стен российской армией был оставлен турецко-татарскими подразделениями.

Занимаясь изучением первой части похода Х. А. Миниха, отметим трудности, возникшие в интерпретации и локализации тех или иных населенных пунктов на конкретных участках маршрута. В качестве причин могут выступать неточности при фиксации маршрута и расположение отдельных сел за пределами тракта.

В качестве подобного примера выступает описание этого же пути из Перекопа в Гезлев турецким путешественником Эвлия Челеби, совершенным им во время пребывания в Крыму в 1665-1667 гг. На этом маршруте он последовательно отметил следующие населенные пункты:

Кышкара – с. Курганное Раздольненского района

Кенекес – в 2,0 км к ЮВ от с. Огородное Раздольненского района

Джеляирли – в районе с. Крыловка Первомайского района

Коджамак – к 2,4 км к ЮЗ от с. Привольное Первомайского района

Элкесен – локализация неизвестна

Коджалак – с. Красноармейское Раздольненского района
Бутаиш – ныне с. Чапаево Первомайского района
Соганлы – с. Кормовое Первомайского района
Яйшилы – в 0,5 км от с. Тихоновка Первомайского района
Шанике – с. Куликово (несущ.), в 0,5 км к З от с. Кормовое Первомайского района.
Бузьяйиши – локализация неизвестна
Чифтлик Ибрахима-эфенди – локализация неизвестна (возможно, Шибан (Шабань) (с. Победное Сакского района) [11, с. 46–48].

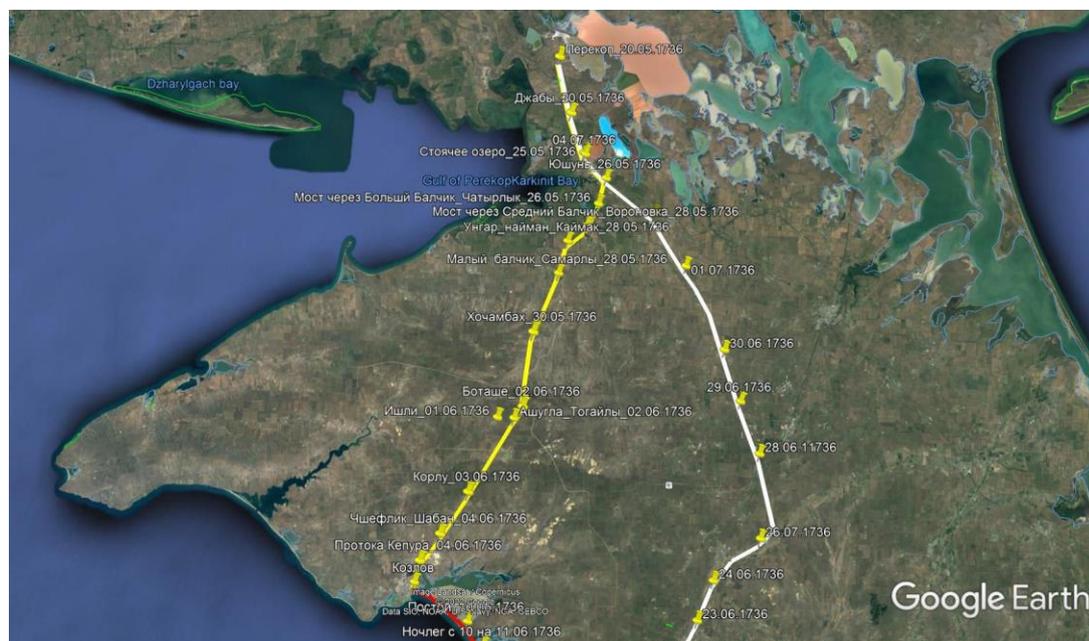
Рис. 1. Схема маршрута фельдмаршала Миниха в Крыму в 1736 г. (желтым цветом отмечена дорога Перекоп–Гезлев; красным – Гезлев–Бахчисарай; белым – обратный путь из Бахчисарая в Перекоп);

В описании Эвлии Челеби ряд сел находится в стороне от основного тракта (Кышкара, Коджалак). Кроме того, ряд описаний отрезков пути не соответствует действительности: «*Стоянка Бутаиш... Далее, в 5 часах езды в сторону кыблы – селение Соганлы, затем – селение Яйшилы*» [11, с. 47]. Все перечисленные села находятся в непосредственной близости на тракте, и расстояния между ними в 5 часов пути быть не могло.

Подводя итог, отметим опорные пункты тракта Гезлев–Перекоп, которые соответствуют исторической топографии и имеются в данных Эвлии Челеби в 1667 г., дневниках русской армии фельдмаршала Х. А. Миниха 1736 г. и картографическом материале XVIII – первой половине XX вв.: Кенегез, Коджамак, Бугаш (Боташе), Яйшилы, Тогайлы (Соганлы), Корлу (Курулу). Подъезд к Гезлеву завершался переправой через каменный мост залив озера Сысык-Сиваш в районе с. Лиманное Сакского района. Э. Челеби так отметил это место: «...*проехав в сторону*

кыблы, на углу озера, которое образовалось из Черного моря, мы пересекли каменный мост в четыре пролета» [11, с. 48], а военных дневниках российской армии отмечалось: «и чрез оной залив имеется длинный каменный мост» [3, с. 67].

Таким образом, сопоставление нескольких источников подтверждает ранее выдвинутый тезис о статичности транспортных артерий в Крыму в период Крымского ханства и нового времени (XVI – первая половина XX вв.).

Рис. 2. Дорога Перекоп–Гезлев;

2 этап: Гезлев – Бахчисарай (10.06. – 17.06.1736 г.).

Следующий этап похода Х. А. Миниха связан с использованием еще одного важного магистрального тракта, который связывал столицу Крымского ханства – Бахчисарай и Гезлев (рис. 1, 3, 4). Отдохнув несколько дней в захваченном Гезлеве и запасшись продовольствием, 10 июня российские подразделения выступают на Бахчисарайскую дорогу.

Дата (1736 г.)	Пройденная дневная дистанция	Географические объекты на пути	Современная атрибуция географических объектов
10.06.	(отчет от Гезлева) 17 верст	... следуя по берегу Черного моря до одного стоячего озера...	В этот день российская армия прошла по песчаной косе между Черным морем и озером Сасык-Сиваш, «в

			<p><i>котором в лето соль происходит...». На постой подразделения остановились в районе античной крепости Кара-Тобе. Далее путь пролегал по косе между Черным морем и Сакским озером (ул. Морская г. Саки). Ночлег был организован на Сакской пересыпи вблизи современного пгт. Новофедоровка Сакского района.</i></p>
11.06.	12 верст	<p><i>...армия маршировала по берегу Черного моря, оставляя по левую руку стоячее соленое озеро до деревни Камюшню...</i></p>	<p>Оставляя по левую руку Сакское озеро, российские порядки направляются в с. Камышлы (с. Ивановка Сакского района), где был организован ночлег.</p>
12.06.	4 версты	<p><i>Вьон Туган</i></p>	<p><i>Кунтуган</i> – с. Тепловка Симферопольского района.</p>
13.06.	12 версты	<p><i>речка Буганах; при деревнях Большой и Меньший Буганах остановились, где была трудная переправа...</i></p>	<p><i>река Западный Булганак;</i> Из Кунтугана дорога подходила к реке Западный Булганак, на котором было расположено с. Джавджурек (с. Равнополье Симферопольского района) – его с высокой долей вероятности упоминают в дневнике под названием «<i>Большой и Меньший Буганах</i>». Здесь войска в долине р. Западный Булганак останавливаются на постой.</p>
14.06.	Отдых		
15.06.	6 верст	<p><i>река Алмасу</i></p>	<p>Российская армия прошла междуречье Западного Булганак – Альмы и вышла в районе Ханышкоя</p>

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПОХОДА ФЕЛЬДМАРШАЛА
Х. А. МИНИХА В КРЫМ В 1736 Г.**

			(с. Отрадное Бахчисарайского района)
16.06.	10 верст	<i>«Армия маршировала все по горам десять верст до той дефиле, которое нижнее бахчисарайские места покрывает...»</i>	От Ханьшюкя армия отправилась по дороге через село Кючюк-Яшлав (с. Викторовка Бахчисарайского района) по участку Внешней гряды в междуречье Альмы и Качи и спустилась по южному крутому склону в северную продольную депрессию и долину р. Чурук-Су в район сел Эски-Юрт и Ак-Чокрак – предместий Бахчисарая.
17.06.		<i>Бахчисарай «Жидовский город»</i>	Взятие и сожжение Бахчисарая и Хан-Сарая (Ханского дворца). Захват крепости Чуфут-Кале.

Рис. 3. Дорога Гезлев–Бахчисарай

Рис. 4. Карта «Подлинная Таврика Херсонесская или Крым» Карла Фридриха фон Фрауендорфа (переиздание в пределах середины XVIII в.) с указанием маршрута Х. А. Миниха в Крыму в 1736 г.

Отметим, что второй этап пути армия Миниха преодолела всего за неделю, несмотря на постои в Джавджуреке и непрерывающиеся нападения крымской конницы. Значительная часть маршрута тракта Гезлев – Бахчисарай продолжает использоваться до настоящего времени, в частности – на участках Евпатория – с. Прибрежное (рис. 5), с. Ивановка – трасса Симферополь–Николаевка, с. Отрадное – г. Бахчисарай. Участок от Сакского озера до Ханышкоя имел альтернативные параллельные пути:

Вдоль берега Черного моря по песчаным косам озер Кизил-Яр и Богайлы;

Через современные села Фрунзе Сакского района и Табачное Бахчисарайского района.

Участок тракта между селами Джавджурек и Ханышкой в настоящее время распахан, однако до середины XX века еще использовался в качестве межсельской дороги.

Дневники российской армии дают своеобразное описание рек Западного Булганака, «где зело трудная переправа» и Альмы, где «переправа чрез оную реку есть зело самая трудная» [3, с. 73] (рис. 6, 7). Подобное описание, на первый взгляд, следовало бы связать с многоводностью этих крымских рек, но это будет большой ошибкой. Сложность переправы была обусловлена неудобствами рельефа речных долин для перехода обоза, а главное – именно речные долины становились наиболее уязвимыми местами для российской армии по ходу движения для нападения со стороны летучих крымских отрядов.

От Ханышкой путь через речную долину следовал через земли Яшлавских беев – участок Внешней гряды междуречья Альмы и Качи. Русский обоз с высокой долей вероятности был размещен в районе с. Кучук-Яшлав (с. Викторовка Бахчисарайского района) – «оставя все полковые багажи в нашем лагере на горе» [3, с. 73] (рис. 8). Спустившись по крутому склону Внешней гряды, российские военные порядки с артиллерией оказались в предместьях Бахчисарая (в районе Ак-Чокрака, Эски-Юрта и карьера Бахчисарайского цементного завода в северной продольной депрессии), где 17 июня состоялось сражение (рис. 9). Одержав победу, русские войска предали огню Ханский дворец и близлежащую городскую застройку¹. В этот же день конные разъезды достигли крепости Чуфут-Кале, жители которой не пострадали, но вынуждены были снабжать продовольствием российские подразделения [3, с. 74].

3 этап: Бахчисарай – Перекопская крепость (18.06. – 06.07.1736 г.).

Обратный путь армии Миниха был связан с использованием участков двух трактов: Бахчисарай–Перекоп и Карасубазар–Перекоп (рис. 1, 4). К сожалению, эти дороги в степном Крыму уничтожены распашкой. Обратный путь российской армии по расчетам автора выглядел следующим образом:

Дата (1736 г.)	Пройденная дневная дистанция	Географические объекты на пути	Современная атрибуция географических объектов
18.06.	(отчет от Бахчисарая)	<i>река Алмасу</i> <i>с. Алмакерум</i>	Расположение лагерем у деревни Алма-Кермен на реке Альма (с. Заветное Бахчисарайского района)

¹ Сильный пожар 1736 г. впоследствии привел к масштабной перестройке дворца ханов в Бахчисарае [7, с. 155]. Следы пожара 1736 г. были зафиксированы в ходе археологических исследований Ханского дворца в 2018–2019 гг. [5, с. 60; 6, с. 115].

19.06.	Отдых		
20.06.	6 верст	<i>с. Сегман Ларгесек</i> <i>речка Булганак</i>	Сейманлар-Кой (?) (бывш. с. Юрьевка Симферопольского района) р. Западный Булганак
21.06.	12 верст	<i>речка Салгир</i> <i>деревня Салгир</i> <i>деревня Сарабуис</i>	р. Салгир идентификация затруднительна с. Сарабуз (с. Укромное Симферопольского района)
22.06.	Отдых	<i>Ак-Мечеть или Султан-Сарай</i>	г. Акмечеть (вошел в черту г. Симферополя)
23.06.	12 верст	<i>деревня Юкипак</i>	идентификация затруднительна (постоя армии – в окрестностях с. Красное Симферопольского района)
24.06.	8 верст	<i>деревня Салгир Агасы</i>	идентификация затруднительна (постоя армии – в окрестностях с. Новоандреевка Симферопольского района)
25.06.	Отдых		
26.06.	11 верст	<i>деревня Ешашичевы</i>	идентификация затруднительна (постоя армии – в окрестностях сел Курганное и Пятихатка Красногвардейского района)
27.06.	Отдых	<i>река Сальян</i>	р. Бурульча
28.06.	16 верст	<i>с. Дзаби</i>	идентификация затруднительна (постоя армии – в окрестностях с. Янтарное Красногвардейского района)
29.06.	12 верст	<i>Бученс или Балишк</i> <i>д. Шетерлык</i>	Балшик (Балчик) – истоки р. Чатырлык идентификация затруднительна (постоя армии – в окрестностях с. Клепинино Красногвардейского района)
30.06.	14 верст	<i>д. Шунгар</i>	идентификация затруднительна (постоя армии – в окрестностях с. Зерновое Красногвардейского района)

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПОХОДА ФЕЛЬДМАРШАЛА
Х. А. МИНИХА В КРЫМ В 1736 Г.**

01.07.	14 верст	<i>д. Бараучи</i>	идентификация затруднительна (постой армии – в окрестностях с. Мельничное Первомайского района)
02.07.	13 верст	<i>Балчик</i>	движение у р. Чатырлык Постой армии – в окрестностях с. Долинка Красноперекопского района
03.07.	Отдых		
04.07.	13 верст	<i>морской залив</i> <i>«даже до соленого озера по правую руку, которое озеро 25 числа армия наша, как к Козлову маршировала, в левой руке имела»</i>	движение у р. Чатырлык озеро Старое. Армия вышла на развилку дорог, связывающих крепость Перекоп с Кефе, Карасубазаром, Бахчисараем и Гезлевым. Постой армии – в северной части современного Красноперекопска.
05.07.	9 верст		Постой армии – в районе бывшего села Джабы, которое находилось в районе поворота с трассы Армянск–Красноперекопск на село Пятихатка Красноперекопского района.
06.07.	11 верст	<i>Перекопская крепость</i>	

После захвата Бахчисарая, подразделения российской армии отправились на новое место дислокации – в село Алма-Кермен через нынешнее село Самохвалово Бахчисарайского района. Место постоя в Алма-Кермене было выбрано не случайно – это первый населенный пункт на тракте Бахчисарай – Перекоп, конечная точка которого выполняла функцию российской базы, а также место с прекрасным источником воды (река Альма). Обоз подошел к Алма-Кермену с места своей дислокации по дороге: Кучук-Яшлав – Биюк-Яшлав (с. Репино Бахчисарайского района) – Алма-Кермен. После отдыха и ряда стычек с подразделениями ханской армии, российские войска выдвигаются на Перекопский тракт. Отметим, что именно по этому участку дороги проезжал кортеж императрицы Екатерины II 20 (31) мая 1787 г. из Перекопа в Бахчисарай.

Рис. 5. Вид на северную часть Сакской пересыти, которую российская армия преодолела 10 июня 1736 г.

Далее из Алма-Кермена, расположенного в долине реки Альмы, армия Миниха выступает в долину реки Западный Булганак. Трасса Перекопского тракта пересекла долину этой реки в районе современных сел Пожарское и Демьяновка Симферопольского района. Вполне возможно, что на постой войска расположились поблизости тракта – в районе села Сеймонларкой. В настоящее время в этом месте в долине р. Западный Булганак находится искусственная запруда.

21 июня войска выступают далее по тракту Бахчисарай – Перекоп. В районе современных сел Кубанское и Аркадьевка Симферопольского района армия фельдмаршала Миниха сходит с тракта и направляется в район с. Сарабуз (с. Укромное Симферопольского района). Заявленная дневная дистанция в 12 верст несколько приуменьшена – пройденный отрезок пути составляет не менее 20 км. На следующий день войску был дан отдых. В течение дня конные подразделения были направлены в Ак-Мечеть, которая была разорена и предана огню. Как же объяснить сход с основного Перекопского тракта в долину Салгира?

1. Постоянный водопой для лошадей.

2. Нагнетание обстановки и сеяние слухов о выдвигении российской армии на Карасубазар и Кефе.

Рис. 6. Предполагаемое место постоя российской армии 13–14 июня 1736 г. в долине реки Западный Булганак в районе с. Равнополье Симферопольского района.

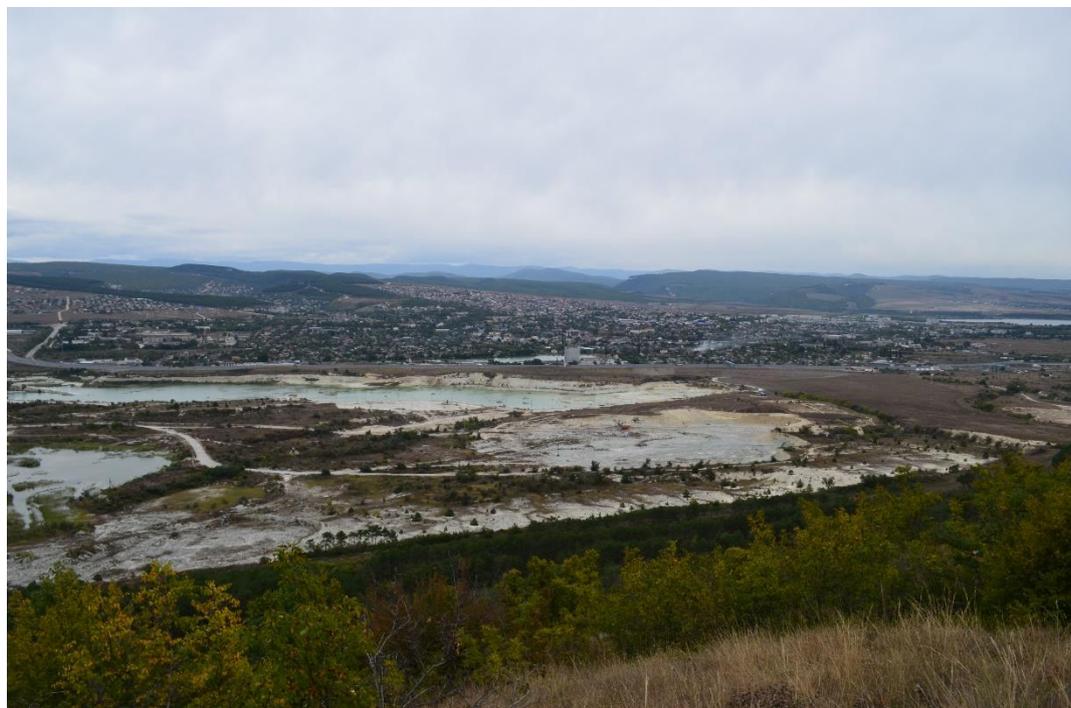
Рис. 7. Предполагаемое место переправы армии фельдмаршала Миниха через реку Альма 15 июня 1736 г. в районе с. Отрадное Бахчисарайского района.

Рис. 8. Предполагаемое место расположения обоза российской армии в районе с. Викторовка Бахчисарайского района.

Отметим, что сил для взятия мощных укреплений Кефе у Х. А. Миниха было недостаточно, однако ложная угроза достигла своего эффекта. *«И понеже армия марши свой от 18 числа от Бахчисарая продолжила держа к Кафе, оставляя Перекопскую дорогу налево [отойдя к Салгиру, тракт Бахчисарай – Перекоп действительно оказался на левом фланге армии Миниха – В. Р.], то неприятель мыслил, якобы мы х Кафе маршируем, чего для все лежащие по тому тракту деревни разорял, и все что в них было, выбрал, а лежащие на левой стороне оставлял все в целости, в которых мы зело немалое число для пропитания регулярного и нерегулярного войска получили провианта и фуража»* [3, с. 77]. Ложные слухи привели к максимальному разрушительному эффекту – часть своих деревень противник уничтожил самостоятельно, реализовывая тактику выжженной земли на предполагаемом маршруте российской армии. При этом по пути вдоль Салгира и в дальнейшем по тракту Карасубазар–Перекоп подразделения фельдмаршала Миниха забирали продовольствие и сжигали все окрестные деревни. Вполне возможно, что уничтоженные деревни впоследствии не возродились либо возродились с другими именами – по крайней мере, пока только так в настоящее время мы можем объяснить невозможность интерпретации крымских хоронимов по возвращению армии Миниха на Перекоп. При этом данные по ежедневным

пройденным расстояниям российской армией позволили локализовать места ночлегов. Однако изучение даже микротопонимики в этих места пока не дает возможность проведение ассоциаций с данными дневников.

Рис. 9. Вид с севера на карьер Бахчисарайского цементного завода и предместья Бахчисарая – Эски-Юрт и Ак-Чокрак.

Движение по реке Салгир дало возможность беспрепятственно иметь на правом фланге естественную защиту и источник воды, а близлежащие деревни стали продовольственной базой. Подобный маневр ханская администрация просчитать не смогла, поэтому запасы продовольствия и скот стали добычей российских подразделений. При этом легкая крымская конница продолжала тревожить армию Х. А. Миниха практически в течение всего пути до Перекопа.

Расчет ежедневных дистанций, пройденных российской армией, позволил сделать вывод, что река Сальян – это Бурульча. По нашим расчетам, в нижнем течении Бурульчи и в районе ее впадения в Салгир 27 июня 1736 г. трехтысячный отряд генерал-майора Лесли устроил продовольственный рейд по местным селам.

28 июня 1736 г. российская армия выходит на тракт Карасубазар–Перекоп, о чем прямо сказано в «Журналах...»: «армия...следовала прямою дорогою на Перекоп» [3, с. 79]. Именно по этому тракту впоследствии проследовал обратной

дорогой из Крыма кортеж Екатерины II 30–31 мая (10–11 июня) 1787 г. Стычки с татарами и непогода растянули этот маршрут от Салгира до Перекопа до 9 дней.

Выводы:

1. «Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.» являются одним из важных источников, дающих детальное представление об исторической географии Крыма в первой половине XVIII в.

2. Крымский поход Х. А. Миниха в 1736 г. в полной мере иллюстрирует развитую транспортную инфраструктуру степной части Крымского полуострова. Транспортный каркас Крымского ханства, начиная с XVI в., представляли собой следующие магистральные тракты Гезлев – Перекоп, Гезлев – Бахчисарай, Гезлев – Инкерман – Балаклава, Бахчисарай – Перекоп, Карасубазар – Перекоп, Кефе – Перекоп, Бахчисарай – Ак-Мечеть – Карасубазар – Солхат – Кефе, Кефе – Керчь и дороги второстепенного значения, связывающие тракты между собой, а также горную и южнобережную части Крыма. Армия фельдмаршала Миниха во время похода 1736 г. использовала магистральные тракты.

3. Историческая география Крымского ханства XVI–XVIII вв. демонстрирует свою консервативность и статичность. Фактически транспортные артерии ханского времени в неизменном виде продолжали использоваться вплоть до 1874–1875 гг. – то есть до начала эксплуатации железной дороги Лозовая – Севастополь. Дальнейшее сравнение нарративных и картографических источников различных периодов позволит детализировать историческую географию транспортной инфраструктуры и населенных пунктов Крыма периода позднего средневековья – нового времени.

4. Ряд участков транспортной инфраструктуры Крымского ханства (в том числе, использовавшейся войсками Х. А. Миниха) используется до настоящего времени. Однако в степной части полуострова после создания железной дороги Лозовая – Севастополя значительная ее часть была уничтожена в результате активной распашки середины – второй половины XX в.

5. Локализация дорог, населенных пунктов и мест различных исторических событий позволяет не только ликвидировать малоизученные аспекты истории Крыма, но и существенно позволит повысить экскурсионную наполняющую его туристического потенциала.

Список использованных источников и литературы

1. Аваков П. А. Войско Донское в Крымском походе графа Б. К. Миниха 1736 г. // Материалы Всероссийской научной конференции «Крым в войнах России», Ростов-на-Дону, 19–21 октября 2015 г. – Ростов-на-Дону, 2015. – С. 67–72.

Avakov P. A. Voysko Donskoye v Krymskom pokhode grafa B. K. Minikha 1736 g. // Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Krym v voynakh Rossii», Rostov-na-Donu, 19–21 oktyabrya 2015 g. – Rostov-na-Donu, 2015. – S. 67–72.

2. Аваков П. А., Беспятных Ю. Н. Крымское ханство в 1736 г. по известию французского консула Адама Яворки // Золотоордынское обозрение. – Казань, 2020. – Т.8. – №1. – С. 127–146.

Avakov P. A., Bespyatnykh Yu. N. Krymskoye khanstvo v 1736 g. po izvestiyu frantsuzskogo konsula Adama Yavorki // Zolotoordynskoye obozreniye. – Kazan, 2020. – T.8. – №1. – S. 127–146.

3. Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.: сборник документов / сост., вступ. ст., археогр. введение, передача текста, коммент. и указатели П. А. Авакова, отв. ред. И. О. Тюменцев. – Ростов на Дону, 2017. – 484 с.

Zhurnaly Krymskikh pokhodov rossiyskoy armii 1735–1738 gg.: sbornik dokumentov / sost., vstup. st., arkeogr. vvedeniye, peredacha teksta, komment. i ukazateli P. A. Avakova, отв. red. I. O. Tyumentsev. – Rostov-na-Donu, 2017. – 484 s.

4. Записки Манштейна о России. 1727–1744. – СПб., 1875. – 391 с.

Zapiski Manshteyna o Rossii. 1727–1744. – SPb., 1875. – 391 s.

5. Науменко В. Е. Стратиграфия Бахчисарайского Ханского дворца (по материалам раскопок 2018–2019 гг.) // Этнография Крыма XIX – XXI вв. и современные этнокультурные процессы: V Международная научно-практическая конференция, посвященная 30-летию ГБУРК «Крымский этнографический музей» (Симферополь, 21–23 сентября 2022 г.): сборник тезисов докладов. – Симферополь, 2022. – С. 59–61.

Naumenko V. E. Stratigrafiya Bakhchisarayskogo Khanskogo dvortsa (po materialam raskopok 2018–2019 gg.) // Etnografiya Kryma XIX – XXI vv. i sovremennyye etnokulturnyye protsessy: V Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 30-letiyu GBURK «Krymskiy etnograficheskiy muzeu» (Simferopol, 21–23 sentyabrya 2022 g.): sbornik tezisov dokladov. – Simferopol, 2022. – S. 59–61.

6. Науменко В. Е., Герцен А. Г., Ганцев В. К. Бахчисарайский ханский дворец как объект культурного (археологического) наследия (по материалам раскопок 2018–2019 гг.) // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма», Симферополь, 21–22 октября 2020 г. – Симферополь, 2020. – С. 104–117.

Naumenko V. E., Gertsen A. G., Gantsev V. K. Bakhchisarayskiy khanskiy dvorets kak obyekt kulturnogo (arkheologicheskogo) naslediya (po materialam raskopok 2018–2019 gg.) // Materialy VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktualnyye voprosy okhrany i ispolzovaniya kulturnogo naslediya Kryma», Simferopol, 21–22 oktyabrya 2020 g. – Simferopol, 2020. – S. 104–117.

7. Османов Э. Э. Ханский дворец в Бахчисарае: основные строительные периоды // Крымское историческое обозрение. – Казань, 2015. – № 3. – С. 149–164.

Osmanov E. E. Khanskiy dvorets v Bakhchisaraye: osnovnyye stroitelnyye periody // Krymskoye istoricheskoye obozreniye. – Kazan. 2015. – № 3. – S. 149–164.

8. Панухин П. В. Пространство и время на картах Крыма. – М., 2020. – 456 с.

Panukhin P. V. Prostranstvo i vremya na kartakh Kryma. – M., 2020. – 456 s.

9. Разумный В. В. Значение военной кампании 1736 г. в геополитической ситуации Черноморском регионе // Материалы Международной научно-практической конференции «Причерноморье в контексте национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне», Туапсе, 01–03 октября 2020 г. – Краснодар, 2020. – С. 72–76.

Razumnyy V. V. Znacheniyе voynennoy kampanii 1736 g. v geopoliticheskoy situatsii Chernomorskom regione // Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Prichernomor'ye v kontekste natsionalnoy bezopasnosti Rossii: k 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne». Tuapse. 01–03 oktyabrya 2020 g. – Krasnodar, 2020. – S. 72–76.

10. Тепкеев В. Т. Калмыцкая конница в русско-турецкой войне 1735–1739 гг.: кампания 1736 г. // Былые годы. – Вашингтон, 2020. – №57(3). – С. 1003–1010.

Terkeyev V. T. Kalmytskaya konnitsa v russko-turetskoy voyne 1735–1739 gg.: kampaniya 1736 g. // Bylyye gody. – Vashington, 2020. – №57(3). – S. 1003–1010.

11. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). – Симферополь, 2008. – 272 с.

Chelebi E. Kniga puteshhestviya. Krym i sopredelnyye oblasti (Izvlacheniya iz sochineniya turetskogo puteshhestvennika XVII veka). – Simferopol, 2008. – 272 s.

Ruev V. L. Historical geography of Field Marshal C. Minikh 's campaign to the Crimea in 1736.

The article localizes in detail the route of the Russian army of C. Minikh in the Crimea in 1736. The historical geography of the steppe and foothill part of the Crimean Khanate in the second half of the XVII – first half of the XVIII centuries is considered. It is concluded that the transport arteries of the Khan's time continued to function unchanged until the beginning of the operation of the Lozovaya–Sevastopol railway (1874–1875), and a number of sections of the Khan's roads are still in use. Published in 2017 «The Journals of the Crimean Campaigns of the Russian Army of 1735–1738» is one of the important sources that give a detailed idea of the historical geography of the Crimea in the first half of the XVIII century.

Keywords: Crimea, Crimean Khanate, C. Minikh, XVIII century, Russian-Turkish war, transport infrastructure, historical geography.

УДК 94(470)«16/18»

НАДЕЛЕНИЕ ЗЕМЛЕЙ ПЕРВЫХ 17 КОЛОНИЙ МАРИУПОЛЬСКОГО НЕМЕЦКОГО КОЛОНИСТСКОГО ОКРУГА

Тарасенко Е. Н.

*Независимый исследователь,
Российская Федерация, г. Ступино, Московская область,
E-mail: tarasenko53evgeny@yandex.ru*

Рассматривается выделение земельного участка для первых немецких колоний Мариупольского колониетского округа и связанные с этим проблемы и обстоятельства.

Ключевые слова: Немецкие колонии, Мариупольский колониетский округ, Грунау, Розовка.

До настоящего времени нет достаточно подробных работ, посвященных выделению земли и основанию в 1823 г. первых 17-ти немецких колоний (Planer Kolonien, Grunau Kolonien) Мариупольского колониетского округа. К сожалению, в двух изданиях (1970 и 1981 гг.) официальной «Истории городов и сел УССР» (в томах, посвященных Запорожской области) указывалась ошибочная дата основания этих колоний (1788 г.), а также неверно излагались некоторые обстоятельства их основания (название колоний по фамилиям первых поселенцев и т.п.) [1, с. 385; 9, с. 388]. Основываясь на неверной дате, в Розовском районе Запорожской области в сентябре 2008 г. даже праздновался 220-летний (!) юбилей основания первых немецких колоний Мариупольского округа, и юбилейные мероприятия широко освещались в местной печати [4, с. 1]. Поэтому сейчас, в приближении настоящего 200-летия основания этих колоний, считаем необходимым изложить предисторию наделения их землей и известные к настоящему времени обстоятельства их основания, основываясь исключительно на документах и надежно установленных фактах.

Юг Екатеринославской губернии и материковая часть Таврической губернии к началу 20-х гг. XIX в. были заселены еще сравнительно слабо, однако выделение земельного участка для основания первых 17-ти немецких колоний Мариупольского колониетского округа проходило очень непросто.

Накопленный к началу XIX в. опыт поволжских колоний заставил российскую власть более строго и прагматично определять те категории иностранных поселенцев, которые были необходимы в новых колониях. Критерии приема новых поселенцев были сформулированы в докладе министра внутренних дел князя В. П. Кочубея «О правилах для принятия и водворения иностранных колониетов» (утвержден Александром I 20 февраля 1804 г.). Теперь целесообразным считалось поселение в Новороссии тех иностранцев, которые «... для тамошнего края могут быть полезны, как-то: хорошие земледельцы и люди, приобретшие довольный навык в возделывании винограда, в разведении шелковичных деревьев, также искусные в скотоводстве, а наипаче в содержании и размножении лучших пород

овец ...». Необходимы были и «мастеровые сельские: портные, сапожники, плотники, кузнецы, горшечники, медники, ткачи и каменщики» [12, с. 137–140]. Более прагматичный подход к переселению иностранцев в Новороссию проявился и в указе императора Александра I министру внутренних дел (25 февраля 1810 г.), по которому, в целях государственной экономии, были снижены или отменены некоторые денежные выплаты поселенцам (ссуды и компенсации) [13, с. 68–69]. Конец массовому переселению иностранцев был положен известным документом Комитета министров «О пресечении дальнейшего переселения в Россию иностранных выходцев» от 5 августа 1819 г. [14, с. 325], но небольшие частные переселения имели место и позднее.

В 1818–1819 гг. из окрестностей г. Данциг (Пруссия) прибыли в Россию группами по 5–6 семей (многие даже пешком) около 500 семей лютеран и католиков, решившихся на переселение по экономическим причинам, в основном из-за разрухи, вызванной в Пруссии наполеоновскими войнами. Первоначально их расквартировали (без земли) в Молочанских колониях, где они использовались, в ожидании земельных наделов, как наемные работники и ремесленники [5, с. 21–22; 22, с. 94].

По утвержденному императором 26 апреля 1821 г. Положению Комитета министров для их поселения были выделены земли в Мелитопольском уезде Таврической губернии (на участках под №№ 15 и 16 – 24000 десятин и в других местах того же уезда – 9000 десятин) [10, л. 21–25 об]. В конце 1821 г. младший член Попечительного комитета И. Ф. Бабиевский с депутатами от поселенцев Х. Классеном и Н. Доденгефтом осмотрели предложенные наделы и признали их непригодными из-за малого числа сенокосов и безводья. 14 марта 1822 г. Попечительному комитету было объявлено, что император поручил экстраординарному члену комитета действительному статскому советнику С. Х. Контениусу «чтобы он, отправясь лично к помянутым колонистам, склонил их поселиться на тех участках под № 15 и 16» [10, л. 23]. Убедить поселенцев С. Х. Контениусу не удалось: 11 июня 1822 г. представители безземельных семей все под роспись отказались от переселения на участки № 15 и 16 в Мелитопольском уезде [17, лл. б/н]. Почти все эти представители, если им не будут выделены более удобные земли, были готовы с семьями возвратиться в Пруссию.

С. Х. Контениус, «... находя, во-первых, что люди те ожидают четыре года назначения им удобных земель и, не имея оных, находятся в горестном положении; а во-вторых, что они по большей части трудолюбивы и хорошего поведения, но, оставаясь без оседлости, достаточные издержались, а бедные распродали даже и платье, ходатайствовал по самой необходимости, чтобы отведено им было земли из округа мариупольских греков до тридцати тысяч десятин, подобно тому, как отведено из оногo 26000 десятин для предполагаемого населения израильских христиан» [10, л. 23 об.–24].

Земли, о которых ходатайствовал С. Х. Контениус, действительно были выделены для поселения греков в соответствии с «Жалованной грамотой

**НАДЕЛЕНИЕ ЗЕМЛЕЙ ПЕРВЫХ 17 КОЛОНИЙ МАРИУПОЛЬСКОГО
НЕМЕЦКОГО КОЛОНИСТСКОГО ОКРУГА**

христианам греческого закона, вышедшим из Крыма в Азовскую губернию на поселение» от 21 мая 1779 г. [6, с. 349–352] (рис. 1).

За тридцать лет, прошедших после поселения греков, они не смогли заселить все столь щедро дарованные им Екатериной II земли, часть их сдавалась в аренду или использовалась греками, оставаясь пустошью, под пастбища для овец. На это обратил внимание таганрогский градоначальник барон Б. Б. Кампенгаузен, предложив 7 марта 1808 г. министру внутренних дел империи изъять незаселенные и пустующие земли мариупольских греков. Министр счел предложение разумным, и только указ Александра I (9 июня 1808 г.) отсрочил решение вопроса об изъятии на три года, дав грекам возможность заселить и освоить их остававшиеся пустующими земли [7, с. 106–108]. Понятно, что за это ограниченное время количество греческих селений существенно увеличиться никак не могло, но весной 1811 г. греки, например, основали с. Новый Керменчик (сейчас – с. Новомлиновка Розовского района Запорожской области) [18, с. 44].

*Рис. 1. Жалованная грамота императрицы Екатерины II
приазовским грекам (фрагмент первой страницы)*

Греки всячески сопротивлялись изъятию у них пустошей, но 18 мая 1817 г. последовало «Высочайшее повеление» Александра I: изъять у них пустующие земли для основания новых колоний, оставив селениям мариупольских греков «по 30 десятин земли на душу и городской выгон Мариуполя в 12000 десятин, 6000 десятин по берегу моря – для рыболовства» [7, с. 174–181].

По замыслу Александра I на изъятых землях следовало разместить колонии израильских христиан (евреев, принявших христианскую веру), на это «богоугодное дело» в 1819 г. выделили 26000 десятин земли за счет бывших греческих пустошей. По ряду причин основание колоний израильских христиан не состоялось [3, с. 56–58], но занимавшийся отводом земли надворный советник Г. Т. Мизко все-же получил за их отмежевание «чин, орден и место» с годовым жалованием 8000 руб. [10, л. 69–71 об.]

Вопрос выделения земельного участка для безземельных прусских колонистов, «квартировавших» с 1818 г. в Молочанских колониях, окончательно решился только в августе 1822 г., когда повелением Александра I им определили 30000 десятин в Мариупольском греческом округе за счет изъятых ранее у греков пустошей [7, с. 189–196].

Отмежевание выделенных земель в Мариупольском греческом округе проводилось октябре и ноябре 1822 г. уездными землемерами Екатеринославской губернии под непосредственным руководством вице-губернатора П. Языкова, прибывшего в Мариуполь. Работа на местности велась в ненастную и дождливую, а затем и морозную погоду, а камеральная обработка была завершена уже в Екатеринославе. Всего для прусских колонистов отмежевали 29913 десятин 405 сажень земли (удобной – 29680 десятин 1905 сажень, неудобной – 232 десятины 900 сажень). В деле подробно описаны границы этого участка с земельными «дачами» уже существовавших тогда рядом греческих сел Новый Керменчик, Новая Каракуба и Малая Янисоль, а также русских и малороссийских селений Темрюк, Благовещенка, Цареконстантиновка [10, л. 46–61 об.]. Участок земли был одобрен для поселения младшим членом Попечительного комитета И. Ф. Бабиевским, а также депутатами от поселенцев Х. Классеном и И. Маевским [23, с. 175]. Описывая в марте 1823 г. свои «многострадальные занятия» при обмежевании участка осенью прошлого года, вице-губернатор П. Языков обратился к своему руководству с просьбой о вознаграждении за труды: «... приемлю смелость покорнейше просить о доставлении должного возмездия как мне, так и действовавшему под распоряжением моим землемерам ...» [10, л. 69–71 об.]. Получил ли вице-губернатор ожидаемое вознаграждение (как упомянутый выше надворный советник Г. Т. Мизко за подобную работу), из архивных материалов выяснить не удалось.

Прусские поселенцы прибыли из Молочанских колоний на выделенную землю весной 1823 г. [21, с. 7]. Началось основание первых 17-ти селений Мариупольского колонистского округа, почти все новые колонии получили первоначальные названия по именам их родных селений в Пруссии (в скобках указаны номер колонии и современное название) [18, с. 43–44; 21, с. V]:

Киршвальд (№ 1, сейчас – с. Вишневатое);

*НАДЕЛЕНИЕ ЗЕМЛЕЙ ПЕРВЫХ 17 КОЛОНИЙ МАРИУПОЛЬСКОГО
НЕМЕЦКОГО КОЛОНИСТСКОГО ОКРУГА*

Тигенгоф (№ 2, сейчас – с. Азов);
Розенгарт (№ 3, с 1894 г. – с. Райгород, затем вошло в состав с. Листвянка);
Шенбаум (№ 4, сейчас – с. Листвянка);
Кронсдорф (№ 5, с 1894 г. – с. Казенносельское, затем вошло в состав пос. Розовка);
Грунау (№ 6, с 1894 г. – с. Александроневское, затем вошло в состав пос. Розовка);
Розенберг (№ 7, с 1894 г. – с. Розовка, затем вошло в состав пос. Розовка);
Виккерау (№ 8, сейчас – с. Кузнецовка);
Рейхенберг (№ 9, сейчас – с. Богатовка);
Кампенау (№ 10, позднее – с. Каменское, сейчас входит в состав с. Марьяновка);
Мирау (№ 11, сейчас – с. Мирское);
Кайзердорф (№ 12, с 1894 г. – с. Царское, сейчас – с. Пробуждение);
Гетланд (Готтланд, № 13, сейчас – с. Марьяновка);
Нейгоф (№ 14, сейчас – с. Новодворовка);
Эйхвальд (№ 15, с 1894 г. – с. Святотроицкое, сейчас – с. Урицкое);
Тигенорт (№ 16, сейчас – с. Антоновка);
Тиргарт (№ 17, позднее – с. Адамовка, сейчас – не существует).

Карта Мариупольского колониетского округа из «Атласа евангелистско-лютеранских общин в России» (1855 г.) представлена на рис. 2. Подробный план колонии Грунау (№ 6) и его «привязка» к современной карте окрестностей пос. Розовка уже опубликованы нами в работе [18, с. 57, 59]. На рис. 3 представлен не публиковавшийся ранее план колонии Кронсдорф (№ 5) [11], по состоянию строений и зданий этот план соответствует началу – первой половине XX в. (до сентября 1943 г.). Составлен он был, скорее всего, в 1942–1943 гг. в рамках деятельности «зондеркоманды д-ра Штумппа», собиравшей во время оккупации сведения о немецких селениях (включая и планы сел, где жили тогда «фольксдойче» – этнические немцы) [18, с. 55].

Важную роль в распределении выделенной земли между основанными колониями и в дальнейшем их развитии сыграл Франц Карлович Киршнер (1780–1850), который был в 1822–1833 гг. комиссаром Попечительного комитета для принятия и отвода колониетских земель. В 1815–1820 гг. Ф. К. Киршнер служил смотрителем немецких колоний в ряде округов, затем – бухгалтером в Попечительном комитете (1820–1822 гг.). С ноября 1833 г. по 1842 г. он был смотрителем немецких колоний 3-го колониетского округа, включавшего мариупольские и бердянские колонии. Ф. К. Киршнер правил округом строго, «железной рукой», зачастую прибегая к штрафам и телесным наказаниям [15, с. 284–285; 21, с. 8], однако и в то время возникали земельные споры между колониями и попытки передела земли.

Следы таких земельных споров отложились в Одесском архиве в фондах Попечительного комитета, занимавшегося делами иностранных колоний в Новороссии. В августе 1836 г. община немецкой колонии Розенберг обратилась в

комитет с просьбой об увеличении их земельного надела на 70 десятин за счет соседней колонии Грунау. При этом розенбергские колонисты ссылались на «поверку» их земли, проведенную в 1836 г. землемером коллежским секретарем Матвеем Белокрысовым по их частной просьбе и составленный им план (рис. 4). Понимая, какой «сундук Пандоры» открывают колонисты Розенберга своим земельным переделом, Попечительный комитет отверг их «прошение», сославшись на то, что «поверка» земли проводилась неофициально, а на плане не было подписи М. Белокрысова [16, л. 1–14].

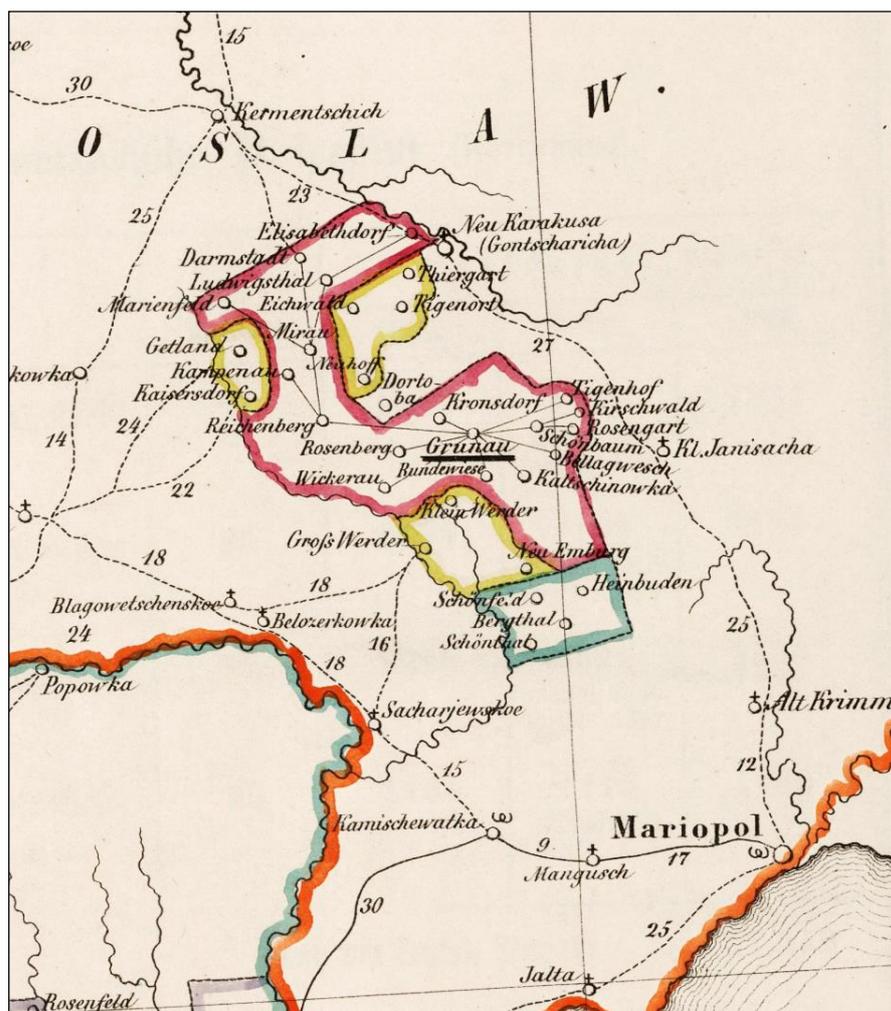

Рис. 2. Карта немецких колоний Мариупольского колонистского округа. 1855 г. (фрагмент с округом Грунау) [19, л. 6]

НАДЕЛЕНИЕ ЗЕМЛЕЙ ПЕРВЫХ 17 КОЛОНИЙ МАРИУПОЛЬСКОГО
 НЕМЕЦКОГО КОЛОНИСТСКОГО ОКРУГА

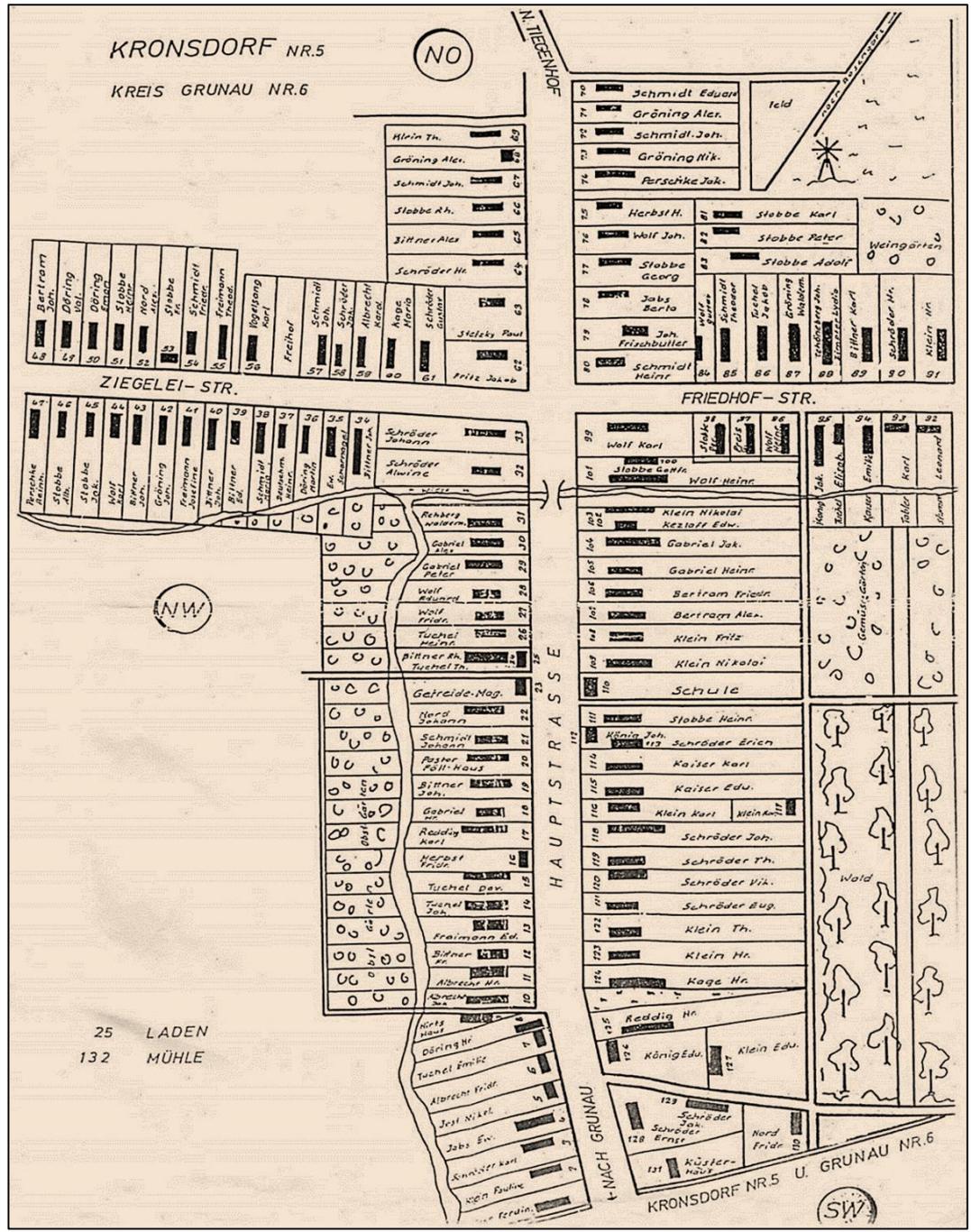

Рис. 3. План немецкой колонии Кронсдорф (№ 5). [11].

Таким образом, хотя затеянная колонистами Розенберга попытка «неосновательного» передела земли и не удалась, но в нашем распоряжении оказался самый ранний план земельного участка и самой этой колонии, составленный всего через 13 лет после ее основания.

Каждая семья, поселившаяся в основанных колониях, если она способна была обрабатывать землю, получала 60 десятин для земледелия (при основании колонии Грунау, например, оказалось 27 таких семей), а их главы получали в общине статус «сельского хозяина» (Landwirt). Под дом и сад каждой семье выделялся участок земли шириной 64 м и длиной от 170 до 250 м, давали также долю в «толоке» (общественном пастбище для скота).

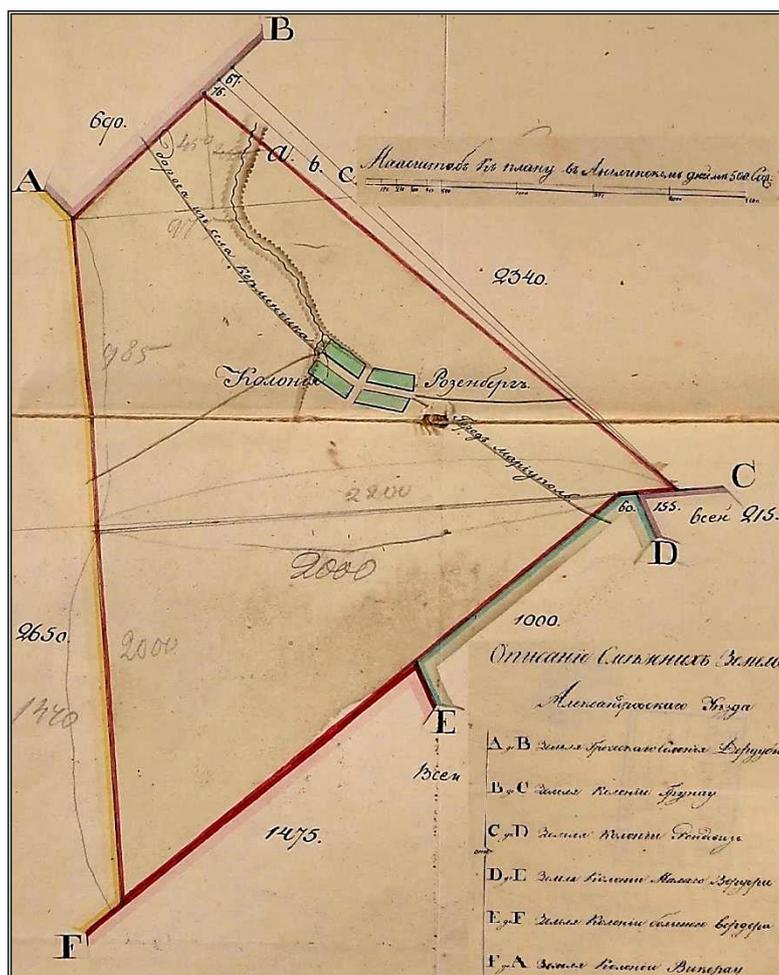

Рис. 4. План колонии Розенберг и ее земельного надела, выполненный землемером М. Белокрысовым в 1836 г. [16, л. 5]

Если семья не имела возможности обрабатывать землю (из-за возраста или состояния здоровья ее членов), то 60 десятин под земледелие ей не наделяли, а ее глава получал в общине лишь статус «соседа» (Anwohner), при основании колонии Грунау было 2 таких семьи. Правила наследования у колонистов юга России исключали раздел земли между взрослыми детьми хозяина, весь надел в 60 десятин мог получить только один взрослый сын, остальным выплачивалась денежная компенсация и они переходили в статус «соседей». Поэтому число полноправных «сельских хозяев» в Грунау и через 35 лет осталось неизменным (те же 27 зажиточных хозяйств в 1857 г.), а вот число «соседей», перебивавшихся ремеслом и работой по найму, возросло с 2 до 15 [8, приложение II, с. 32; 20, с. 36]. Проблема недостатка земли для наделения потомков первопоселенцев у колоний юга России была хронической, и со временем она только обострялась.

Другой проблемой, проявившейся в первые годы существования колоний Мариупольского округа, был недостаток воды. Участок земли, изъятый у греческих селений и наделенный немецким колониям, представлял собой высокие сухие водоразделы, где не было ни одной более или менее крупной реки с постоянным водотоком (небольшие речки по балкам, как правило, пересыхали уже к середине лета). Чтобы обеспечить себя питьевой водой, колонисты копали глубокие колодцы, но для сельского хозяйства надо было гораздо больше воды, чем они могли дать. На полив огородов, для разведения водоплавающей птицы и под водопой скота были созданы искусственные водоемы (ставки, пруды), для чего колонии строили в верховьях былок плотины (загаты, гребли), чтобы накапливать воду от половодья и дождей. Сооружение искусственных водоемов началось в 1835 г. в Молочанском округе [2, с. 179], где проблема с водой также была острой, а вскоре такие пруды появились и у мариупольских колонистов.

Отсутствие леса на юге Екатеринославской губернии также создавало большие проблемы для основанных колоний, вся древесная растительность в этих местах ограничивалась кустарниками по балкам (терновник, боярышник, клен татарский). Это означало отсутствие строительной древесины и дров, как основного тогда вида топлива. В сообщениях общин Мариупольских немецких колоний об их основании и развитии, составленных весной 1848 г. по требованию Попечительного комитета, подчеркивается, что в первые годы колонисты смогли построить только землянки или небольшие дома из необожженного кирпича [23, с. 174, 175]. Из-за недостатка топлива и плохого жилья, колонии очень трудно пережили морозную и многоснежную зиму 1825 г. [23, с. 173, 174]. В качестве топлива использовали сухой камыш, солому, высушенный навоз, хворост. Среди «напастей» в первые, самые трудные годы существования колоний упоминаются нашествия саранчи, уничтожавшей посевы и пастбища (1823–1825 гг.), неоднократный падеж скота, неурожайный и голодный 1833 г. Даже небольшое землетрясение (вечером 11 января 1838 г.) выпало на долю мариупольских колонистов, и оно напугало многих, но существенного вреда не нанесло [23, с. 173–178]

В настоящее время земля, выделенная в 1822 г. первым 17-ти немецким колониям Мариупольского колониетского округа, входит в состав территорий

Розовского и Куйбышевского (сейчас – Бельмакского) районов Запорожской области (Украина).

Современный поселок Розовка, районный центр Розовского района Запорожской области, исторически сложился в результате слияния трех бывших немецких колоний Грунау, Розенберг и Кронсдорф (основаны в мае 1823 г.) и небольшого стихийного поселения малороссов, русских, греков и евреев у станции Розовка второй очереди 2-й Екатерининской казенной железной дороги, возникшего возле этой станции в 1900–1904 гг. [18, с. 4].

Автор признателен С. А. Калоерову (Донецк, ДНР) и П. Айфельду (Вюрцбург, ФРГ) за любезно предоставленные архивные материалы.

Список использованных источников и литературы

1. Бабич, И. Ф. Розовка / И. Ф. Бабич, И. М. Лукаш, А. П. Миелис, А. С. Ставничий / История городов и сел Украинской ССР: Запорожская область. – К.: Глав. ред. Украинской Сов. Энциклопедии АН УССР, 1970. – С. 385–396.
Babich, I. F. Rozovka / I. F. Babich, I. M. Lukash, A. P. Mielis, A. S. Stavnichii / Istoriya gorodov i sel Ukrainskoi SSR: Zaporozhskaya oblast'. – K.: Glav. red. Ukrainskoi Sov. Ehntsiklopedii AN USSR, 1970. – S. 385–396.
2. Беликова (Романюк), М. В. Скотоводство в менонитских колониях юга Украины / М. В. Беликова (Романюк) // Научные труды исторического факультета Запорожского национального университета. – 2009. – Вып. 25. – С. 178–182.
Belikova (Romanyuk), M. V. Skotovodstvo v menonitskikh koloniyakh yuga Ukrainy / M. V. Belikova (Romanyuk) // Nauchnye trudy istoricheskogo fakul'teta Zaporozhskogo natsional'nogo universiteta. – 2009. – Vyp. 25. – S. 178–182.
3. Еврейская энциклопедия / Под общей редакцией Л. Кацнельсона, Д. Г. Гинцбурга. Т. 8. В 16 томах. – СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1911. – 968 с.
Evreiskaya ehntsiklopediya / Pod obshchei redaktsiei L. Katsnel'sona, D. G. Gintsburga. T. 8. V 16 tomakh. – SPb.: Tip. Akts. Obshch. Brokgauz-Efron, 1911. – 968 s.
4. Жизнь и помнит' (редакционная статья). – Роз-информ.– 2008.– № 38(686) от 20 сентября.
Zhit' i pomnit' (redaktsionnaya stat'ya). – Roz-inform.– 2008.– № 38(686) ot 20 sentyabrya.
5. История и статистика колоний иностранных поселенцев в России. II. Учреждение новых колоний в царствование императора Александра I. – Журнал Министерства государственных имуществ. – Ч. LIII. – 1854. – С. 1–34.
Istoriya i statistika kolonii inostrannykh poselentsev v Rossii. II. Uchrezhdenie novykh kolonii v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I. – Zhurnal Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv. – Chast' LIII. – 1854. – S. 1–34.
6. Калоеров, С. А. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652–1783) / С. А. Калоеров. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2008. – 640 с. (Документы по истории греков Приазовья: В 4 т. Т. 1).
Kaloerov, S. A. Ot Kryma do Mariupol'skogo grecheskogo okruga (1652–1783) / S. A. Kaloerov. – Donetsk: ООО «Yugo-Vostok, Ltd», 2008. – 640 s. (Dokumenty po istorii grekov Priazov'ya: V 4 t. T. 1).
7. Калоеров, С. А. В Мариупольском греческом округе дореформенной России (1784–1861) / С. А. Калоеров. – Харьков: НТМТ, 2016. – 326 с. (Документы по истории греков Приазовья: В 4 т. Т. 2)
Kaloerov, S. A. V Mariupol'skom grecheskom okruge doreformennoi Rossii (1784–1861) / S. A. Kaloerov. – Khar'kov: NTMT, 2016. – 326 s. (Dokumenty po istorii grekov Priazov'ya: V 4 t. T. 2)
8. Клаус, А. А. Наши колонии : Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России / А. А. Клаус. – СПб. : Тип. В. В. Нусвальта, 1869. – 455 с.
Klaus, A. A. Nashi kolonii : Opyty i materialy po istorii i statistike inostrannoï kolonizatsii v Rossii / A. A. Klaus. – SPb. : Tip. V. V. Nusval'ta, 1869. – 455 s.

**НАДЕЛЕНИЕ ЗЕМЛЕЙ ПЕРВЫХ 17 КОЛОНИЙ МАРИУПОЛЬСКОГО
НЕМЕЦКОГО КОЛОНИСТСКОГО ОКРУГА**

---

9. Лукаш, И. М. Розовка / И. М. Лукаш, В. И. Марюха, Ж. А. Нода, А. А. Ставничий //История городов и сёл Украинской ССР: Запорожская область. – К.: Глав. ред. Украинской Сов. Энциклопедии, 1981. – С. 388–395.

Lukash, I. M. Rozovka / I. M. Lukash, V. I. Maryukha, Zh. A. Noda, A. A. Stavnichii //Istoriya gorodov i sel Ukrainskoi SSR: Zaporozhskaya oblast'. – K.: Glav. red. Ukrainskoi Sov. Ehntsiklopedii, 1981. – S. 388–395.

10. Об отводе земель иностранным колонистам в Екатеринославской и Таврической губерниях. 26 мая 1821 г. – 8 апреля 1827 г. Российский государственный исторический архив, ф. 379, оп. 1, д. 392.

Ob otvode zemel' inostrannym kolonistam v Ekaterinoslavskoi i Tavricheskoi guberniyakh. 26 maya 1821 g. – 8 aprelya 1827 g. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv, f. 379, op. 1, d. 392.

11. План колонии Кронсдорф. [Электронный ресурс]. URL: https://m.facebook.com/photo.php?fbid=7531465736878451&id=100000452982531&set=gm.3148247832118609&source=48__ (дата обращения: 20.01.2022).

Plan kolonii Kronsdorf. [Ehlektronnyi resurs]. URL: <https://m.facebook.com/photo.php?fbid=7531465736878451&id=100000452982531&set=gm.3148247832118609&source=48> (data obrashcheniya: 20.01.2022).

12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. XXVIII. 1804–1805. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1328 с.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. T. XXVIII. 1804–1805. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. – 1328 s.

13. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. XXXI. 1810–1811. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 944 с.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. T. XXXI. 1810–1811. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. – 944 s.

14. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. XXXVI. 1819. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 734 с.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. T. XXXVI. 1819. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. – 734 s.

15. Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России, 1799–1876 / Под ред. О. В. Коноваловой (Айфельд). – Одесса: Астропринт, 2005. – Т. 6: Аннотированная опись дел, 1840–1841. – 360 с.

Popechitel'nyi Komitet ob inostrannykh poselentsakh Yuzhnogo kraya Rossii, 1799–1876 / Pod red. O. V. Konovalovoi (Aifel'd). – Odessa: Astroprint, 2005. – T. 6: Annotirovannaya opis' del, 1840–1841. – 360 s.

16. По просьбе общества колонии Розенберг о добавлении к их участку недостающей, по их частному измерению, земли. 6.08.1836–8.06.1837. – Государственный архив Одесской области, ф. 6, оп. 1, д. 4194.

Po pros'be obshchestva kolonii Rozenberg o dobavlenii k ikh uchastku nedostayushchei, po ikh chastnomu izmereniyu, zemli. 6.08.1836–8.06.1837. – Gosudarstvennyi arkhiv Odesskoi oblasti, f. 6, op. 1, d. 4194.

17. Сведения о колонистах, желающих переселиться на новые земельные участки № 15 и № 16. 11 июня 1822 г. Государственный архив Днепропетровский области, ф. 134, оп. 1, д. 197.

Svedeniya o kolonistakh, zhelayushchikh pereselit'sya na novye zemel'nye uchastki № 15 i № 16. 11 iyunya 1822 g. Gosudarstvennyi arkhiv Dnepropetrovskii oblasti, f 134, op. 1, d. 197.

18. Тарасенко, Е. Н. Рукопись Э. Х. Ставраки о Грунау / Е. Н. Тарасенко. – М.: Порт приписки, 2020. – 106 с.

Tarasenko, E. N. Rukopis' EH. KH. Stavradi o Grunau / E. N. Tarasenko. – M.: Port pripiski, 2020. – 106 s.

19. Atlas der Evangelisch-Lutherischen Gemeinen in Russland. – St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1855. – 10 s.

20. Prinz, A. Die Planer Kolonien / A. Prinz // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. Herausgegeben von der Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland. – 1957. – S. 33–38.

21. Stach, J. Grunau und die Mariupoler Kolonien. Materialien zur Geschichte der deutschen Siedlungen im Schwarzmeergebiet / J. Stach. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1942. – 81 s.

22. Stumpp, K. Die Auswanderung aus Deutschland nach Rußland in den Jahren 1763-1862 / K. Stumpp. – Stuttgart: Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland, 1991. – 1021 s.

23. Woltner, M. Die Gemeindeberichte von 1848 der deutschen Siedlungen am Schwarzen Meer/ M. Woltner – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1941. – 230 s.

Tarasenko E. N. Allotment of land to the first 17 colonies of the Mariupol German colonist District

The article deals with the allocation of land for the first German colonies of the Mariupol colonist District and the related problems and circumstances.

Keywords: German colonies, Mariupol Colonist District, Grunau, Rozovka

УДК 908: 929.7

**МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА ВОРОНЦОВА:
СВЕТСКАЯ ЛЬВИЦА И ВЛАДЕЛИЦА АЛУПКИНСКОГО ИМЕНИЯ**

Твердохлебов Н. И.

*г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: nick-aquarius@mail.ru*

Рассмотрена биография Марии Васильевны Воронцовой (1819–1895), дочери Василия Сергеевича Трубецкого (1776–1841) – генерала эпохи наполеоновских войн. Она известна как один из персонажей повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» и автор нескольких романсов, в царствование Николая I и Александра II – светская львица близкая к царской семье. Первым ее мужем стал родственник М. Ю. Лермонтова Алексей Григорьевичем Столыпиным (1805–1847), в браке с которым родился сын Николай Алексеевич Столыпин (1843–1898). После смерти мужа она вышла замуж за Семёна Михайловича Воронцова (1823–1882) и в 1856–1882 гг. была хозяйкой алупкинскому майората, вносила существенные изменения в убранство знаменитого дворца. После смерти мужа уехала за границу, вывезла и распродала художественные ценности. Десять лет судилась с наследниками майората по поводу входящих в него земель, распродала значительные земельные участки, примыкавшие к алупкинскому парку. В статье представлены редкие изображения М. В. Воронцовой и связанных с ней лиц.

Ключевые слова: Мария Васильевна Воронцова, Семен Михайлович Воронцов, алупкинский майорат, алупкинский дворец, светская львица.

В российской истории встречаются личности, которые не прославились какими-либо деяниями или литературными трудами, но представляют интерес как олицетворение определенного общественного типа – «типичные представители», если пользоваться штампом из советских учебников по литературе. Иногда они являются предвестниками смены эпох, органически воплощая в себе противоречивые черты уходящего и недалекого будущего. Вызывая, зачастую, раздражение и осуждение современников они оставляют свой след в общественном сознании.

Мария Васильевна Воронцова известна современному читателю как персонаж повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат»: «В окнах казарм и солдатских домиков давно уже было темно, но в одном из лучших домов крепости светились еще все окна. Дом этот занимал полковой командир Куринского полка, сын главнокомандующего, флигель-адъютант князь Семен Михайлович Воронцов. Воронцов жил с женой, Марьей Васильевной, знаменитой петербургской красавицей, и жил в маленькой кавказской крепости роскошно, как никто никогда не жил здесь» [1, с. 16]. Княгиня, «крупная, большеглазая, чернобровая красавица» [1, с. 17] на глазах мужа непринужденно кокетничает с офицерами во время карточной игры, «улыбаясь своей сияющей улыбкой счастливой женщины» [1, с. 18]

С тем же неизменным очарованием Марья Васильевна принимает Хаджи-Мурата, прибывшего в крепость и, когда знаменитый мюрид дарит шестилетнему сыну княгини свой дорогой кинжал, не стесняясь заявляет, «что, если он будет отдавать всякому кунаку ту свою вещь, которую кунак этот похвалит, то ему скоро придется ходить, как Адаму...» [1, с. 31]. Из-за приезда Хаджи-Мурата происходит конфликт С. М. Воронцова с его непосредственным начальником генералом Меллером-Закомельским, но стоило вмешаться княгине «и сердитый генерал покорился обворожительной улыбке красавицы» [1, с. 34].

Так описывает Л. Н. Толстой княгиню М. В. Воронцову, которую он часто видел на Кавказе в 1851–53 гг. и, возможно, встречал и впоследствии. В нескольких коротких сценах великий писатель «изобразил очаровательную княгиню во всем блеске ее гордой красоты, покоряющей женственности, светской непринужденности, во всем обаянии ее чувственного темперамента» [2, с. 9]. Даже спустя пятьдесят лет после описываемых событий Толстой не смог не отдать должное Воронцовой. В черновом варианте повести говорится, что Мария Васильевна не понравилась Хаджи-Мурату [1, с. 480], но затем эта фраза была убрана.

Мария Васильевна Трубецкая (1819–1895) родилась 23 марта 1819 г. в Париже. Ее отец князь Василий Сергеевич Трубецкой (1776–1841) – командир эпохи наполеоновских войн, генерал от кавалерии, генерал-адъютант Александра I и Николая I, что говорит об особой близости носителя этого звания к императору. В николаевскую эпоху сенатор и член Государственного совета Российской империи [3]. В юности Василий Сергеевич получил «французское», как в то время называли гуманитарное образование: «Он был знатоком и любителем живописи, почетным членом Академии художеств, собрал большую коллекцию картин» [4, с. 254].

В. С. Трубецкой был женат вторым браком на Софии Андреевне Вейс (1796–1848), дочери виленского полицеймейстера, «одной из первых красавиц своего времени» [3, с. 55]. В начале Отечественной войны 1812 г. Василий Сергеевич сопровождал императора в Вильно. «В Вильне князь В. С. Трубецкой жил вместе с П. В. Кутузовым. Виленский полицеймейстер Вейс служил прежде под командою Кутузова, когда сей последний был обер-полицеймейстером в Петербурге. Вейс приглашает однажды к себе на чай П. В. и князя Трубецкого, который увидел прекрасную дочь хозяина, влюбился в нее, а потом с ней обвенчался» [5, с. 188].

Этот мезальянс была встречен в обществе с удивлением, поскольку окружающие «никак не ожидали подобного союза» [6, с. 38]. По словам современницы, княгиня Трубецкая была «приятная особа, умна, красива, с прелестным характером, с оживленною беседою» [7, с. 128]. Она была принята при дворе, пользовалась благосклонностью императрицы Александры Фёдоровны, которая сделала ее своей фрейлиной и поддерживала близкие отношения [8, с. 146, 179, 191, 196.]

В браке родилось пять сыновей и шесть дочерей, из которых одна – Елена Васильевна (1817–1831) – умерла подростком [3, с. 55]. А. Д. Блудова, которая часто

встречалась с юными Трубецкими в начале 1830-х годов, писала в своих воспоминаниях, что «это было семейство красавцев и даровитых детей» [9, с. 1235].

Мария Васильевна выросла при императорском дворе, «была любимицею всего царского семейства и была в нем как дома» [10, с. 87]. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма и записки Николая I на французском языке, адресованные Марии Васильевне, одно из которых датировано 1833 г. [11]. Особенно она была дружна со своей ровесницей великой княгиней Марией Николаевной, старшей дочерью Николая I. В 16 лет в июне 1835 г. М. В. Трубецкая стала фрейлиной императрицы Александры Федоровны [12].

Во второй половине 1830-х годов она уже была заметной фигурой в высшем обществе, «по своей дружбе с великой княгиней Марией Николаевной, она играла видную роль в петербургском большом свете и была олицетворением того, что в те времена называлось львицей. Ее несколько мужественная красота была, тем не менее, очень эффектна» [13, с. 233–234] (рис. 1).

*Рис. 1. М. В. Столыпина.
Акварель Э. Л. Гау. 1840 г.*

Мария Васильевна была влюблена в красавца князя Александра Ивановича Барятинского (1815–1879) (рис. 3), что не мешало ей отвечать взаимностью на

ухаживания наследника цесаревича Александра Николаевича. Петр Долгоруков так описывает эту ситуацию: «Одна женщина, замечательная красотой, ума бойкого и ловкого, искусная пройдоха, и притом весьма распутная, находилась в связи в одно и то же время и с цесаревичем, и с Барятинским; они пользовались ею с ведома один другого, не нарушая через то своей взаимной приязни» [14, с. 212].

В мае 1838 г. цесаревич отправляется в путешествие по Европе, длившееся более года и имевшее целью выбор невесты. В сентябре того же года Мария Васильевна обручается со штаб-ротмистром лейб-гвардии Гусарского полка Алексеем Григорьевичем Столыпным (1805–1847) (рис. 2). «Самая свежая и поразительная наша новость, – писала императрица Александра Федоровна сыну-наследнику за границу в конце сентября 1838 года, – Маша Трубецкая выходит замуж за гусарского офицера Столыпина, зятя Философова. Ему 32 года, он красив, благовоспитан, хорошо держится, добр и очень богат, чем тоже не следует пренебрегать» [15, с. 55]. Императрица не скрывает своего удовлетворения по этому поводу: «И вот Маша сговорена, – пишет она С. А. Бобринской. – Вы поймете, как я обрадована этой новостью, совершенно неожиданной» [15, с. 56].

*Рис. 2. А. Г. Столыпин.
Акварель А. И. Клондера.
1830-е гг.*

*Рис.3. А. И. Барятинский.
Акварель М. М. Даффингера.
1838 г.*

В январе 1839 г. состоялась свадьба, которую почтила своим присутствием вся императорская семья во главе с Николаем I. 24 января императрица пишет сыну за границу: «Кстати, позавчера состоялась свадьба Марии Трубецкой и Столыпина: это была прямо прелестная свадьба» [15, с. 56]. Если скоропалительная женитьба Марии Васильевны была устроена и без участия императрицы Александры Федоровны, то она случилась очень вовремя поскольку в Петербурге ожидали невесту цесаревича.

На свадьбе присутствовал Михаил Юрьевич Лермонтов как родственник со стороны жениха. А. Г. Столыпин, хотя формально приходился Лермонтову лишь двоюродным дядей, фактически заменял ему старшего брата. По его совету Лермонтов поступил в юнкерскую школу, а во время службы в лейб-гусарском полку жил на его квартире в Царском Селе.

Мария Васильевна могла быть также лично знакома с Лермонтовым благодаря её брату Сергею Васильевичу Трубецкому, который принадлежал к числу друзей М. Ю. Лермонтова, был секундантом на дуэли поэта с Мартыновым, состоял членом «Кружка шестнадцати» [15, с. 55]. В передаче Марии Васильевны известны две фразы Николая I, будто бы сказанные при получении известия о гибели Лермонтова: «Собаке собачья смерть» – в кругу родных, и «Тот, кто мог заменить нам Пушкина, убит» – перед толпой придворных [16, с. 160]. Мария Васильевна написала романс на слова стихотворения Лермонтова «Стансы. К Д***» («Я не могу ни произнести...»). Писала она музыку и на стихи других поэтов. Сборники ее романсов неоднократно издавались в 1860-80-е годы [17; 18; 19].

Она является автором текста популярной до революции песни «У мужчин у всех такая скверная сноровка». Князь Сергей Михайлович Волконский писал в «Моих воспоминаниях»: «Княгиня Мария Васильевна сочиняла куплеты, которые ее сын клал на музыку. Одна из этих песенок когда-то очень много пелась:

Мне твердили, напевая:
«Полюби, плутовка».
У мужчин у всех такая
Скверная сноровка.
На него гляжу я строго,
А в душе робею –
Так и хочется, ей-богу,
Броситься на шею» [20, с. 221].

Брак оказался взаимовыгодным. Благодаря близости супруги к царской семье А. Г. Столыпин значительно поднялся по светской лестнице и сделался адъютантом герцога Максимилиана Лейхтенбергского, который в июле 1839 г. женился на великой княгине Марии Николаевне. Мария Васильевна, в свою очередь, получила возможность распоряжаться огромным состоянием мужа.

Таким образом, «замужество не отдалило Марию Столыпину от дворца. Напротив, она постоянно обедает за царским столом, дружит с великой княгиней Марией Николаевной, занимает собой наследника» [15, с. 57]. Свидетельством того, что Мария Васильевна и в дальнейшем поддерживала определенные отношения с

Александром Николаевичем являются его письма к ней, датированные 1846–1848 гг. [21].

8 октября 1843 г. у Марии Васильевны родился сын – Николай Алексеевич Столыпин (1843–1898), получивший прозвище Булька (рис. 4, 5), которое он носил до конца жизни [2, с. 10]. Эраст Степанович Андреевский (1809–1872), бывший на протяжении более 20 лет личным врачом М. С. Воронцова, а в 1860-е годы близко общавшийся с С. М. Воронцовым и его семьей в Одессе, пишет в дневнике 11 июня 1865 г.: «Лет 20 тому назад, вся петербургская знать толковала о связи прелестной Столыпной с красавцем Бярятинским. Кн. Мария Васильевна не очень отвергает возможность, что Булька плод этой связи. Николай Алексеевич Столыпин лицом похож, но en laid (некрасиво – Н.Т.) на кн. Александра Ивановича (Бярятинского), в нравственном отношении он богато одарен всеми недостатками кн. Александра Ивановича, крайне надменен и пропитан от головы до ног аристократическими предрассудками. Лицом Николай Алексеевич похож на Бярятинского» [22, с. 29].

*Рис. 4. Соколов П. П.
Портрет М. В. Столыпной с сыном Николаем [25].*

В сентябре 1847 года, будучи в Саратове, Алексей Григорьевич Столыпин умер от холеры [24, с. 85–86]. «После кончины Столыпина явилась сверху мысль сочетать его прелестную вдову браком с князем (Барятинским). ...Несомненно то, что в этих планах было принято живое участие самим государем, а еще более императрицею Александрою Федоровною...» [24, с. 87]. А. И. Барятинский, командир Кабардинского егерского полка, участвовал в военных действиях на Кавказе. Он узнал о цели его вызова в Петербург и под предлогом болезни не приехал, а затем отказался в пользу брата от унаследованных имений, «чтобы изобразить из себя бедняка..., неспособного создать для своей супруги такую жизнь, которая была бы достойна такой блестящей дамы, от пеленок привыкшей к роскоши» [24, с. 91].

*Рис. 5. Столыпин Николай Алексеевич.
1870-е гг. [23].*

26 августа 1851 года вторым мужем Марии Васильевны стал полковник князь Семён Михайлович Воронцов (1823–1882), единственный сын князя Михаила Семеновича и княгини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовых (рис. 10). В метрической книге Архангело-Михайловской церкви в Алупке содержится соответствующая запись [26]. В ней указано, что жениху 28 лет, а невесте 30.

Однако на самом деле Семену Михайловичу было 27 полных лет (он родился 23 октября 1823 г.), а Марии Васильевне 32 года (она родилась 23 марта 1819 г.). Таким образом, невеста была старше жениха на четыре с половиной года, что обе стороны постарались скрыть, чтобы не добавлять скандальности браку, и так вызвавшему кривотолки. [14, с.119, 387]. К свадьбе был заказан портрет Марии Васильевны художнику Сергею Константиновичу Зарянко (рис. 6). Он считается одной из лучших из ста работ знаменитого портретиста и находится в постоянной экспозиции Третьяковской галереи.

*Рис. 6. С. К. Зарянко.
Портрет М. В. Воронцовой. 1851.*

Известный писатель Владимир Александрович Соллогуб, служивший в начале 1850-х годов в Тифлисе под началом М. С. Воронцова и присутствовавший на свадьбе, писал в своих воспоминаниях: «Женитьба Семена Воронцова на вдове Алексея Столыпина, разумеется, не могла соответствовать желаниям стариков Воронцовых. Тем не менее, раз эта свадьба была решена, князь и княгиня Воронцовы со свойственным им обоим тактом «ont fait bonne mine au mauvais jeu» (сделали хорошую мину при плохой игре – Н.Т.) и приняли в Алушке, где состоялась эта свадьба, свою будущую невестку ласково и родственно. Нельзя сказать, чтобы Марья Васильевна отвечала им тем же. В отношении родителей

своего мужа она держалась грубо, подсмеивалась над будто бы провинциальностью (!) и всячески давала им чувствовать, что она русского древнего рода, княжна Трубецкая, чуть ли не сделала по французскому выражению «*mésalliance*», выйдя замуж за новопожалованного князя, – при этом совершенно забывая, впрочем, что матушка ее была скромно рожденная Вейс» [13, с. 234].

«На Кавказе, куда мы все возвратились после свадьбы, Марья Васильевна устроила свою жизнь совершенно особняком от Воронцовых, что очень огорчало стариков. Вместо их патриархального простого обихода, несмотря на роскошь, их окружающую, в ее доме водворилось вседневное чаепитие, усиленное курение папиросок и тот фамильярный и несколько насмешливый тон, каким щеголяют некоторые петербургские женщины» [13, с. 234–235].

В 1850-е годы два портрета Воронцовой написал известный немецкий художник Ф.–К. Винтерхальтер. Овальный портрет 1853 г., где княгиня изображена в белом пеньюаре, находится в частной коллекции во Франции [27] (рис. 7).

*Рис. 7. Ф.-К. Винтерхальтер.
Портрет М. В. Столыпной.
1853.*

*Рис. 8. Литографии Леона Ноэля
по портрету
Ф.–К. Винтерхальтера.*

Второй, большой парадный портрет (190.5x127.0 см), выполненный в 1858 г. известен по литографии Леона Ноэля, открытки с которой были выпущены в начале XX века [28] (рис. 8). После смерти Воронцовой оба портрета попали в коллекцию

князя В. С. Кочубея и экспонировались на историко-художественной выставке русских портретов в Таврическом дворце в 1905 г. [2, с. 11.]. Затем они были вывезены за границу и большой портрет оказался в собрании арт-дилера британского барона сэра Роберта Эбди (Sir Robert Henry Edward Abdy (1896–1976). Коллекция Эбди погибла при пожаре в поместье Newton Ferrers в Корнуолле в 1940 г. [29].

Среди изображений С. М. Воронцова интерес представляет акварель, выполненная Марией Васильевной во время пребывания супругов на Кавказе [30] (рис. 9).

*Рис. 9. М. В. Воронцова.
Портрет С. М. Воронцова. 1851.*

В 1852 году, благодаря заслугам отца мужа, Марья Васильевна стала носить титул светлейшей княгини. Однако брак с Воронцовым оказался бездетным и тут снова Марья Васильевна осталась верна себе – она затеяла очередную авантюру. «Молодой княгине очень хотелось иметь наследника. Она прибегала ко всякого рода медикаментам, обращалась за помощью к ворожеям и к разным шарлатанам, но из этого ничего не вышло. Тогда княгиня задумала выдать за своего чужого ребенка. ...Но затея молодой княгини потерпела крушение...» [31, с. 356].

*Рис. 10. Флигель-адъютант князь С. М. Воронцов.
Литография по рисунку В. Тимма.*

Во время Крымской войны Воронцов находился в рядах действующей армии и принимал участие в боях под Севастополем, где был ранен. В декабре 1856 года Семен Михайлович был назначен генерал-адъютантом новым императором Александром II. Однако супруги в столице не задержались: «...изнывали, живя на южном берегу Крыма, то развозили свою скуку по чужим краям. Ни кн. Семен Михайлович, ни кн. Мария Васильевна не были в случае при дворе. Какая тут перебежала черная кошка, покамест тайна», – писал в дневнике доктор Э. С. Андреевский в феврале 1865 г. [32, с. 241]. Возможно причиной удаления Воронцовых из Петербурга явились несдержанные высказывания светлейшего князя, которого много лет знавший его Андреевский характеризует как «пустое взбалмошное существо»: «Жена его не понапрасну называла его в Петербурге Сидором Великим и пророчила ему, что болтовня его, праздная, бесплодная и бесцельная, доведет его до очень неловкого положения в свете...» [33, с. 140].

Впрочем, сама светлейшая княгиня была на язык весьма не воздержана. Эту особенность точно изобразил Л. Н. Толстой в манере общения Марии Васильевны с Хаджи-Муратом, правоверным мусульманином, явно не готовым к общению в таком тоне с женщиной. С прелестных губок княгини то и дело слетали выражения вроде «се n'est qu'une tempête dans un pot de chambre» (это просто буря в ночном горшке – *Н. Т.*) [33, с.168] и скабрезные истории, как, например, о дипломате бароне Зебахе: «известная лоретка, обиженная его грошовыми подарками, заставила его

голового плясать с павлиньим пером, воткнутом в ..., пригласив на это зрелище несколько приверженных ей львов, которые смотрели на него сквозь дырочку в стене» [22, с. 342].

При этом Мария Васильевна, «женщина замечательно красивая и неглупая» [31, с. 346], не терялась в общении даже с императором. С. М. Волконский приводит «милый случай, рисующий блеск и находчивость ее ума»: «Александр II узнал, что она неодобрительно отзывалась о его намерении жениться на княжне Долгорукой так скоро после кончины императрицы. Он едет к ней с визитом и в разговоре замечает:

– Говорят, княгиня, что с вами надо быть осторожным, что у вас язык хорошо подвешен.

– Да, государь, но он слишком короток, он никогда не касается неба. (По-французски «*palais*» одинаково значит и «небо» и «дворец»).

Она бывала иногда до невероятности смела в своей речи, но все это было открылено такой фантазией, разукрашено такой яркостью эпитетов, что ей все сходило. В ней была какая-то чрезмерность, чрезмерность ощущений и чрезмерность выражений; это была сплошная превосходная степень» [20, с. 219–220.]. Зачастую такое поведение возмущало поборников светских приличий: «Во всей ее особе проглядывалось что-то топорное и резкое, до того резкое, что невольно, слушая ее, приходилось удивляться, как женщина, прожившая весь свой век в большом свете и принадлежавшая к нему и по рождению, и по воспитанию так бесцеремонно относится ко всем обычаям и приемам этого большого света» [13, с. 233].

После смерти в 1856 г. М. С. Воронцова Семен Михайлович унаследовал алупкинский майорат. Мария Васильевна стала полновластной хозяйкой дворца и, согласно моде второй половины XIX в., вносила изменения в отделку интерьеров, которые часто по ее капризу меняли свое первоначальное назначение. В письме из Парижа в 1862 году упоминается сумма 42145 франков для отделки столовой и мебели [34, с. 60–61].

Посетивший Алупку в июне 1863 г. доктор Э. С. Андреевский отметил в дневнике, что «молодые Воронцовы делают очень хорошо, что не слишком расточают свое гостеприимство в Алупке» в отличие от старых Воронцовых, «которые вокруг себя собирали целый двор чиновного люда, разных путешественников, да и вообще всякого народа...» [32, с. 251]. Это, по мнению автора дневника, пошло имению на пользу: «теперь без приглашения и носа не суй в Алупку, но и теперяшняя Алупка нечета прежней. Все помещения содержатся в отлично хорошем порядке» [32, с. 251].

23 декабря 1863 год, по введению в Одессе нового общественного управления, светлейший князь Семен Михайлович Воронцов был избран городским головой (рис. 12). В 1864 году Семен Михайлович сообщил управляющему крымскими имениями, что будет постоянно жить в Крыму и давал указания о правильном ведении дел [34, с. 60–61]. С этого времени Воронцовы проводили в Алупке большую часть года, устраивая во дворце постоянные приемы и праздники, на

которых неизменно блистала хозяйка дворца. Самые имениты гости Южного берега оставались в восторге от радушного приема. В 1867 г. Воронцовых посетил турецкий великий визирь: «...Воронцов принимал Фуад-пашу и в Алупке, и в Массандре. По-видимому, княгиня Мария Васильевна расходилась в любезности до высшей степени своего знания и произвела на Фуад-пашу самое приятное впечатление» [33, с. 63.]. В сентябре 1876 г. княгиня принимала в Алупке бразильского императора Педро II, который «был в восторге от ее ума, прелестного обращения и отличного завтрака, которым они его угостили» [35, с. 280]. Во время пребывания в Ливадии император Александр II и Мария Александровна могли «пожаловать невзначай» в Массандру или Алупку и «удостоить принять у хозяев угощение» [33, с. 64].

Можно согласиться с мнением Ю. Н. Бибикова, что «совместная жизнь Марии Васильевны и Семена Михайловича не сопровождалась никакими противоречиями» [4, с. 255]. Этот тридцатилетний брак не был конфликтным потому, что «князь Семен Михайлович сразу попал под башмак Марьи Васильевны» [2, с. 11]. Самого князя современники характеризовали весьма нелестно. Дочь известного южнобережного архитектора К. И. Эшлимана Каролина Карловна так писала о нем в своих воспоминаниях: «...Семен Михайлович не походил на отца ни наружностью, ни талантами, ни душевными качествами; это был белобрысый увалень, над которым, знающие его, подтрунивали, называя «белугою» [31, с. 355]. Доктор Э. С. Андреевский, который знал Семена еще подростком, а в 60-е годы близко с ним общался как гласный городской думы Одессы, писал в дневнике: «Князь Семен Михайлович в своих частных делах удивительно безалаберен, но чрезвычайно самонадеян» [33, с.125]. «В домашнем быту он также несносен, но, вместе с тем, очень слаб и вечно у ног жены, которую иногда очень ругает» [32, с. 133].

К. А. Скальковский придерживался того же мнения: «Городским головою Одесса избрала светл. князя Воронцова, из признательности к отцу его, знаменитому фельдмаршалу. Известно, что у всех крупных деятелей Николаевского царствования дети были весьма ограничены! Семен Воронцов не делал исключения; в придачу он был в руках своей жены» [36, с. 161].

В одесском обществе 1860-х годов Мария Васильевна Воронцова пользовалась большим влиянием. С избранием Семена Михайловича городским головой «в доме Воронцовых на петербургский манер завелись вечера»: «Покамест около Марии Васильевны группировались львы, в кабинете князя занимались серьезными делами» [22, с. 8]. Вращаясь в кругу «львов», княгиня не пренебрегала и «серьезными делами». По мнению Э. С. Андреевского, она могла оказать решающее воздействие при повторных выборах мужа на пост городского головы в 1867 г.: «...княгиня Мария Васильевна, которая как бы ни была взбалмошна, а все-таки сумеет многих к себе приворожить. Потому что и до сих пор еще чудная баба» [33, с. 24]. В это время ей уже было под пятьдесят лет, но она не утратила женской привлекательности. «Ведь лет ей уже 46, а она просто кровь с молоком», – писал в декабре 1866 г. Э. С. Андреевский [22, с. 162] (рис. 11, 13). Дело было не просто во

внешнем обаянии – «нельзя не пленяться её душевною цельностью, её жизнелюбивой уверенности в себе, ее спокойным самоутверждением» [2, с. 10].

*Рис. 11 Княгиня М. В. Воронцова
Фотограф Денъер А. И.
начало 1860-х гг. [37].*

*Рис. 12. Городской голова Одессы.
С. М. Воронцов,
середина 1860-х гг.*

Будучи избранным, С. М. Воронцов отказался от второго срока управления Одессой, и семья стала проводить больше времени в Алупке, переезжая в самый жаркий летний период в Верхнюю Массандру [38]. Управляющим всеми южнобережными имениями стал младший брат Марии Васильевны Владимир Васильевич Трубецкой (1825–1904), который поселился в Ялте в 1867 г. [4, с. 256]. В конце 1880-х в городском имении Трубецкого по проекту Н. П. Краснова строится небольшой особняк, хозяйственные службы и «античная беседка», которая до сих пор является украшением Пушкинского бульвара [39, с. 29].

«...Все крымские и южнобережные хозяйства были в руках опытного просвещенного устроителя, князя Владимира Васильевича Трубецкого, родного брата княгини Марии Васильевны. Он не без основания пользовался безграничным доверием...» [40]. С помощью брата Мария Васильевна по собственному разумению обустроивала Алупку и другие имения. Так в 1875 г. «по приказанию ее светлости» были закуплены ткани для обойной работы в алупкинском дворце и для новых костюмов служащих татар [42]. В 1878 г. княгиня сделала новую террасу в Верхней Массандре «сюрпризом для князя» [43].

Рис. 13. М. В. Воронцова 1874 г. [41].

В сезон в Алупку приезжали многочисленные гости, торжественными обедами отмечались именины княгини и князя. Последний большой праздник состоялся 22 июля 1878 г. Помимо именин Марии Васильевны отмечалось заключение мира с Турцией после войны 1877–78 гг., во время которой Семен Михайлович командовал 10 армейским корпусом, находившемся в резерве действующей армии в Крыму. Поэтому в числе приглашенных были офицеры корпусного штаба и командиры полков. После обеда на южных террасах были устроены танцы под звуки оркестра Веймарских гусар [44].

В конце 1870-х годов состояние здоровья С. М. Воронцова ухудшилось, он скончался 6 мая 1882 года в Санкт-Петербурге и был похоронен в Александро-Невской Лавре. Перед смертью Семен Михайлович совершил духовное завещание на имя своей супруги, которая получала благоприобретенное и движимое имущество. Родовые имения Массандра и Ай-Даниль переходили пожизненно к М. В. Воронцовой, а после ее смерти к племяннице С. М. Воронцова Балашевой Екатерине Андреевне. Майорат передавался старшему в роду сыну сестры князя Софьи, отставному штабс-ротмистру Павлу Андреевичу Шувалову [45]. По

высочайшему указу он стал именоваться «светлейший князь Воронцов, граф Шувалов», однако «как психически больной состоял под опекой с самого начала вступления своего в наследственные права» [46, с. 101].

По свидетельству В. А. Рыбицкого Мария Васильевна «желала пожизненно пользоваться Алупкой для своего пребывания, но граф Шувалов объявил, что сам желает в ней жить, и потому не согласился исполнить желание княгини. Тогда княгиня приказала забрать из дворца всю обстановку и перевезла часть за границу, а часть продала за бесценок» [47]. «...По распоряжению княгини из Алупкинского дворца была увезена за границу на двух пароходах вся богатая роскошная мебель, и обстановка, картины, вазы, гобелены статуи и другие редкие художественные и ценные вещи. Алупкинский дворец опустел и около 20 лет представлял печальный вид, пока не перешел во владение графини Елизаветы Андреевны Воронцовой-Дашковой» [46, с. 106.]

Спор вызвало разграничение земель майората и благоприобретенных, поскольку часть земли, купленной еще М. С. Воронцовым у алупкинских татар, не была должным образом оформлена. Это породило десятилетний судебный процесс между наследниками: М. В. Воронцовой и братьями Павлом и Михаилом Шуваловыми. Последний унаследовал майорат после смерти брата в 1885 г. и также состоял под опекой. Дело неоднократно слушалось в высших судебных инстанциях в Петербурге и Мария Васильевна, пребывая все это время за границей, использовала свои связи в придворных кругах для решения тяжбы в свою пользу. Так сохранилась переписка княгини с великим князем Владимиром Александровичем и его супругой великой княгиней Марией Павловной с 1880 по 1887 г. [48]. В письме от 14 июня 1887 г. из Флоренции княгиня сообщает Владимиру Александровичу, что процесс, длившийся пять лет, выигран и благодарит его за то, что он «ответил на ее крик о помощи и защитил от многих могущественных врагов» [49]. Сразу после судебного решения Мария Васильевна начала активно продавать участки, в том числе и непосредственно примыкавшие к алупкинскому парку. Газета «Московские ведомости» писала 17 августа 1888 г.: «...Парк глохнет, везде грязь, сор, кое-что валится, кое-что разрушается... Княгиня сочла за лучшее земли прилежащие к парку распродать по частям и не пощадила даже таких участков, которые лежат около дворцового сада, вблизи самого дворца» [50].

Окончательно земельный спор был решен только в 1892 г., когда была подписана так называемая «полюбовная сказка» по размежеванию земель между светлейшей княгиней М. С. Воронцовой и опекой над светлейшим князем М. А. Воронцовым [46, С. 35–38]. Виновником этих длительных разбирательств следует считать Семена Михайловича Воронцова, который, владея майоратом в течение двадцати пяти лет, не удосужился навести порядок в земельных делах.

Последние тринадцать лет жизни Мария Васильевна провела за границей, где у нее была значительная недвижимость: вилла «Маргерита» во Флоренции, дом в Париже, дом на Женевском озере в Швейцарии, виллы в Ницце, в Сорренто [20, с. 219]. Первые годы мать и сын часто путешествовали по европейским странам, с

середины 1880-х годов Мария Васильевна проводила большую часть времени на своей вилле во Флоренции.

Вот как описывает жизнь Марии Васильевны с Булькой, который так и остался холостяком, посетивший их в 1883 г. во Флоренции известный театральный деятель Сергей Михайлович Волконский: «Это был постоянный театр, сон наяву. Мать и сын всегда ссорились и вместе с тем не могли обойтись друг без друга и друг друга взвничивали. Раз вечером я читал у них «Феодора Иоанновича»; они вдвоем по шумливости своей отзывчивости, по размаху с каким она выражалась, равнялись публице в двести человек» [20, с. 220].

В некоторых популярных публикациях встречаются упоминания, что Мария Васильевна за границей вышла замуж за итальянца [51, с. 212]. Непонятно откуда появились такие сведения. Можно предположить, что это связано с титулом сына. Николай Алексеевич Столыпин в 1884 г. получил от короля Италии Умберто I титул герцога ди Монтельфи [52]. В молодом итальянском королевстве это была распространенная практика. Такой же титул имела Мария Павловны Столыпина (1872–1953) дочь надворного советника Павла Валериановича Столыпина (1843–1899), который являлся племянником отца Н. А. Столыпина [53].

В 1894 г. Мария Васильевна продала пустовавший более десяти лет дворец на Мойке в Петербурге – последнюю свою собственность в России. За один миллион он был куплен императором Александром III и «пожалован в дар и вечное потомственное владение» своей дочери – Ксении Александровне, которая вступала в брак с великим князем Александром Михайловичем [54, с. 25].

Скончалась М. В. Воронцова в Ницце 28 февраля 1895 г. на 75 году жизни. Похоронена была рядом с мужем в Исидоровской церкви Александро-Невской лавры в Петербурге [55, с. 493]. Надгробия Воронцовых были уничтожены в советское время, когда храм использовался в хозяйственных целях.

Булька умер во Флоренции через три года после матери 4 ноября 1898 в возрасте пятидесяти пяти лет. После вступления в наследство он активно продавал земли в Алупке: «...Н. А. Столыпин нанес алупкинскому парку жестокий и непоправимый вред, т.к. многие из проданных участков врезались в самый парк...», что сделало невозможным выведение дороги, проходившей мимо дворца, вокруг парка [46, с. 108].

Княгиня Мария Васильевна Воронцова по праву считается олицетворением «светской львицы» в его классическом значении законодательницы норм и правил поведения. Само это понятие пришло в русский язык из французского в середине 30-х годов XIX в., когда юная Мария Трубецкая появилась в высшем обществе. В 1860-е годы его сменяет тип женщины-эмансипе, который у Воронцовой органично сочетался с образом львицы. «Княгиня М. В. Воронцова, – писал в 1917 г. Николай Лернер, – была одной из первых русских светских «львиц», первых и по времени, и по значению в обществе, и по совершенству, с которым она играла эту роль, – она была, можно сказать, рождена для неё. Наши «lionnettes» сороковых-пятидесятых годов выработали этот тип светской женщины, в котором парижская легкость, европейское изящество

сочеталось с чисто русской барственностью. Львица жила как хотела и света не боялась, она сама им правила...» [2, с. 9].

Доктор Э. С. Андреевский, сравнивая жен отца и сыны Воронцовых писал в 1867 г.: «Княгиня Мария Васильевна женщина в полном смысле: она жила женщиною, живет женщиною и умрет женщиною. Небезгрешная, как и теща, она, однако никогда не пыталась покрывать свои грехи лицемерием...» [33, с.140].

Благодаря сильному харизматичному характеру и яркой художественной одаренности Воронцова явно выделялась среди светских модниц и кокеток. Она была не просто светской львицей середины XIX века, но воплощала в себе и черты женщин конца столетия, претендовавших на равные права с мужчинами в социальной и семейной жизни.

Список использованных источников и литературы

1. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 35. Произведения 1902–1904 гг. – М.: Худож. лит., 1950. – 709 с.
Tolstoy L. N. Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 35. Proizvedeniya 1902–1904 gg. – М.: Xudozh. lit., 1950. – 709 с.
1. Лернер Н. Одна из львиц былого света: Светл. княгиня М. В. Воронцова // Столица и усадьба. – 1917. – № 83-88. – С. 9–11.
Lerner N. Odnа iz l'vicz by'logo sveta: Svetl. knyaginya M. V. Vorontsova // Stolicza i usad'ba. – 1917. – № 83-88. – S. 9–11.
2. Князь В. С. Трубецкой: Генерал-адъютант 15 февраля 1807 г. // Великий князь Николай Михайлович. Генерал-адъютанты императора Александра I. – С. Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1913. – XX, 188 с.; 48 л. ил. – С.53–55.
Knyaz' V. S. Trubeckzkoj: General-ad'yutant 15 fevralya 1807 g. // Velikij knyaz' Nikolaj Mixajlovich. General-ad'yutanty imperatora Aleksandra I. – S. Peterburg: E'kspediciya zagotovleniya gosudarstvenny'h bumag, 1913. – XX, 188 s.; 48 l. il. – С.53–55.
3. Бибииков Ю. Н. Князя Трубецкие в Крыму // Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком: Сб. научных статей и докладов / редактор-составитель Г. Г. Филатова. – Симферополь: Н. Орианда, 2012. – С. 254–258.
Bibikov Yu. N. Knyaz'ya Trubeckkie v Kry'mu // Vorontsovy' i russkoe dvoryanstvo: mezhdz Zapadom i Vostokom: Sb. nauchny'h statej i dokladov / redaktor-sostavitel' G. G. Filatova. – Simferopol': N. Orianda, 2012. – S. 254–258.
4. Комаровский Е. Ф. Записки графа Е. Ф. Комаровского / Ред. П. Е. Щеголева; Вступ. заметка Е. А. Ляцкого. – СПб.: Огни, 1914. – XII, 279 с.
Komarovskij E. F. Zapiski grafa E. F. Komarovskogo / Red. P. E. Shchegoleva; Vstup. zametka E. A. Lyaczko. – SPb.: Ogni, 1914. – XII, 279 s.
5. Дурново Н. Д. Дневник 1812 // 1812 год... Военные дневники / Сост., вступ. ст. А. Г. Тартаковского. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 29–52.
Durnovo N. D. Dnevnik 1812 // 1812 god... Voenny'e dnevniki / Sost., vstup. st. A. G. Tartakovskogo. – М.: Sov. Rossiya, 1990. – S. 29–52.
6. Голицына Н. И. Воспоминания о польском восстании 1830-31 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах: Вып. XIII – М.: Российский архив. 2004. – С.61–164.
Golicyna N. I. Vospominaniya o pol'skom vosstanii 1830-31 gg. // Rossijskij arhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv. Al'manax: Vy'p. XIII – М.: Rossijskij arhiv. 2004. – S. 61–164.
7. Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. – М.: Наука, 1989. – 789 с.
Smirnova-Rosset A. O. Dnevnik. Vospominaniya. – М.: Nauka, 1989. – 789 s.

**МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА ВОРОНЦОВА:
СВЕТСКАЯ ЛЬВИЦА И ВЛАДЕЛИЦА АЛУПКИНСКОГО ИМЕНИЯ**

---

8. Записки графини Антонины Дмитриевны Блудовой // Русский архив. – 1872. – № 7–8. – С. 1217–1310.
Zapiski grafini Antoniny` Dmitrievny` Bludovoj // Russkij arxiv. – 1872. – № 7–8. – S. 1217–1310.
10. Записки Василия Антоновича Инсарского // Русская старина. – 1895. – Февраль. – С. 53–91.
Zapiski Vasiliya Antonovicha Insarskago // Russkaya starina. – 1895. – Fevral`. – S. 53–91.
11. ГАРК, ф. 534, оп. 1, д. 5, л. 3–7.
GARK, f. 534, op. 1, d. 5, l. 3–7.
12. Список фрейлин российского императорского двора [Электронный ресурс] URL: https://wiki2.org/ru/Список_фрейлин_российского_императорского_двора#Фрейлины_Александры_Федоровны (дата обращения 20.10.2021).
Spisok frejlin rossijskogo imperatorskogo dvora [E`lektronny`j resurs] URL: [https://wiki2.org/ru/Spisok_frejlin_rossijskogo_imperatorskogo_dvora#Frejliny`\\_Aleksandry`_Fedorovny`](https://wiki2.org/ru/Spisok_frejlin_rossijskogo_imperatorskogo_dvora#Frejliny`_Aleksandry`_Fedorovny`) (data obrashheniya 20.10.2021).
13. Соллогуб В. А. Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. – С.-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1887. – VIII, 288 с.
Sollogub V. A. Vospominaniya grafa Vladimira Aleksandrovicha Solloguba. – S.-Peterburg: Izdanie A. S. Suvorina, 1887. – VIII, 288 s.
14. Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта 1860–1867 / Собрал и подготовил к печати П. Е. Щеголев; Дополнил и снабдил введ. и прим. С. В. Бахрушин. – М.: Север, 1934. – 474 с.
Dolgorukov P. V. Peterburgskie ocherki: Pamflety` e`migranta 1860–1867 / Sobral i prigotovil k pechati P. E. Shchegolev; Dopolnil i snabdil vved. i prim. S. V. Bahrushin. – M.: Sever, 1934. – 474 s.
15. Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Худож. лит., 1986. – 351 с.
Gershstejn E`. G. Sud`ba Lermontova. – 2-e izd. ispr. i dop. – M.: Xudozh. lit., 1986. – 351 s.
16. Б<артенев> П. Николай Павлович о Лермонтове // Русский Архив. – 1911. – № 9. – С. 159–160.
B<artenev> P. Nikolaj Pavlovich o Lermontove // Russkij Arxiv. – 1911. – № 9. – S. 159–160.
17. Воронцова М. В. Я не могу ни произнести: Романс для голоса с сопровожд. ф.-п. – СПб.: Бернад, 1867. – 3 с.
Vorontsova M. V. Ya ne mogu ni proiznest`: Romans dlya golosa s soprovozhd. f.-p. – SPb.: Bernard, 1867. – 3 s.
18. Воронцова М. В. То были времена чудес...: романсы. – СПб.: Бернад, 1872 [Электронный ресурс] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9060913> (дата обращения 26.10.2021).
Vorontsova M. V. To by`li vremeny` chudes...: romansy`. – Spb.: Bernard, 1872 [E`lektronny`j resurs] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9060913> (data obrashheniya 26.10.2021).
19. Воронцова М. В. Ты всегда хороша несравненно...: романсы. – М.: Юргенсон, 1886 [Электронный ресурс] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9060915> (дата обращения 26.10.2021).
Vorontsova M. V. Ty` vsegda horosha nesravnennno...: romansy`. – M.: Yurgenson, 1886 [E`lektronny`j resurs] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9060915> (data obrashheniya 26.10.2021).
20. Волконский С. Мои воспоминания: в 2 т. Т. 1: Лавры; Странствия – М.: Искусство, 1992. – 397 с.
Volkonskij S. Moi vospominaniya: v 2 t. T. 1: Lavry`; Stranstviya – M.: Iskusstvo, 1992. – 397 s.
21. ГАРК, ф. 534, оп. 1, д. 8, л. 4-14/
GARK, f. 534, op. 1, d. 8, l. 4-14.
22. Андреевский Э. С. Записки Э. С. Андреевского: в 3 т. / под ред., с пред. и прим. С. Л. Авалиани. Т. 2. Из архива К. Э. Андреевского. – Одесса: тип. Акционерного Южно-Русского о-ва Печатного Дела, 1914. – 362 с.
Andreevskij E`. S. Zapiski E`. S. Andreevskogo: v 3 t. / pod red., s pred. i prim. S. L. Avaliani. T. 2. Iz arhiva K. E`. Andreevskogo. – Odessa: tip. Akcionernogo Yuzhno-Russkogo o-va Pечатnogo Dela, 1914. – 362 s.

23. Столыпин Н. А. Сепия с бланком 15,1x10,7 см. Конец 1860-х – нач.1870-х гг. Номер в Госкаталоге: 18734293. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей Л. Н. Толстого» [Электронный ресурс] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=18872911> (дата обращения 30.10.2021).

Stoly`pin N. A. Sepiya s blankom 15,1x10,7 sm. Konecz 1860-x – nach.1870-x gg. Nomer v Goskataloge: 18734293. Federal`noe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie kul`tury` «Gosudarstvenny`j muzej L. N. Tolstogo» [E`lektronny`j resurs] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=18872911> (data obrashheniya 30.10.2021).

24. Записки Василия Антоновича Инсарскаго. Часть вторая. // Русская старина. –1895. – Февраль. – С. 53–91.

Zapiski Vasiliya Antonovicha Insarskago. Chast` vtoraya. // Russkaya starina. –1895. –Fevral`. – S. 53–91.

25. Соколов П. П. Портрет М. В. Столыпиной с сыном Николаем. Бумага; акварель. Размер: 35 x 28 см. Номер в Госкаталоге: 28247371. Государственное бюджетное учреждение культуры Архангельской области «Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера» [Электронный ресурс] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=28383173> (дата обращения 30.10.2021).

Sokolov P. P. Portret M. V. Stoly`pinoj s sy`nom Nikolaem. Bumaga; akvarel`. Razmer: 35 x 28 sm. Nomer v Goskataloge: 28247371. Gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie kul`tury` Arxangel`skoj oblasti «Gosudarstvennoe muzejnoe ob`edinenie «Xudozhestvennaya kul`tura Russkogo Severa» [E`lektronny`j resurs] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=28383173> (data obrashheniya 30.10.2021).

26. ГАРК, ф. 142, оп. 5, д. 102, л. 114.

27. ГАРК, ф. 142, оп. 5, д. 1. 114/

28. 631. Princess Maria Vasilievna Worontzova (1819–95, née Princess Troubetzkaia, fmr. Stolykina), c. 1853 Oil on canvas, 64.8 x 54.0 cm. Paris Private Collection / The Winterhalter Catalogue: Franz Xaver Winterhalter: Works 1851-1855 [Электронный ресурс] URL: <https://franzxaverwinterhalter.wordpress.com/franz-xaver-winterhalter-works-1851-1855> (дата обращения 05.11.2021).

29. ГАРФ, ф. 1463, оп. 1, д. 794.

ГАРФ, ф. 1463, оп. 1, д. 794.

30. Sir Robert Henry Edward Abdy (1896–1976), 5th baronet // Landed families of Britain and Ireland [Электронный ресурс] URL: <https://landedfamilies.blogspot.com/2013/02/abdy-of-albyns-baronets-part-2.html> (дата обращения 06.11.2021); 665. Princess Maria Vasilievna Worontzova (1819–95, née Princess Troubetzkaia, fmr. Stolykina), 1859 Oil on canvas, 190.5 x 127.0 cm Destroyed by Fire (fmr the Abdy Collection) / The Winterhalter Catalogue: Franz Xaver Winterhalter: Works 1856-1860 [Электронный ресурс] URL: <https://franzxaverwinterhalter.wordpress.com/franz-xaver-winterhalter-works-1856-1860> (дата обращения 05.11.2021).

31. М. В. Воронцова. Портрет С. М. Воронцова. 1851. Картон, акварель, белила, по наброску карандашом, 31 x 23 см. Государственный Эрмитаж [Электронный ресурс] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=27381528> (дата обращения 07.11.2021).

M. V. Vorontsova. Portret S. M. Vorontsova. 1851. Karton, akvarel`, belila, po nabrosku karandashom, 31 x 23 sm. Gosudarstvenny`j E`rmitazh [E`lektronny`j resurs] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=27381528> (data obrashheniya 07.11.2021).

31. Воспоминания Каролины Карловны Эшлиман. – Русский Архив. – 1913. – № 1. – С. 327–359.

Vospominaniya Karoliny` Karlovny` E`shliman. – Russkij Arhiv. – 1913. – № 1. – S. 327–359.

32. Андреевский Э. С. Записки Э. С. Андреевского: в 3 т. / под ред., с пред. и прим. С. Л. Авалиани. Т.1. Из архива К. Э. Андреевского. – Одесса: тип. Акционерного Южно-Русского о-ва Печатного Дела, 1913. – 373 с. Andreevskij E`. S. Zapiski E`. S. Andreevskogo: v 3 t. / pod red., s pred. i prim. S. L. Avaliani. T.1. Iz arhiva K. E`. Andreevskogo. – Odessa: tip. Akcionernogo Yuzhno-Russkogo o-va Pechatnogo Dela, 1913. – 373 s.

33. Андреевский Э. С. Записки Э. С. Андреевского: в 3 т. / под ред., с пред. и прим. С. Л. Авалиани. Т.3. Из архива К. Э. Андреевского. – Одесса: тип. Акционерного Южно-Русского о-ва Печатного Дела, 1914. – 375 с.

**МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА ВОРОНЦОВА:
СВЕТСКАЯ ЛЬВИЦА И ВЛАДЕЛИЦА АЛУПКИНСКОГО ИМЕНИЯ**

Andreevskij E'. S. Zapiski E'. S. Andreevskogo: v 3 t. / pod red., s pred. i prim. S. L. Avaliani. T.3. Iz arhiva K. E'. Andreevskogo. – Odessa: tip. Akcionernogo Yuzhno-Russkogo o-va Pechatnogo Dela, 1914. – 375 s.

34. Филатова Г. Г. О семье графа М. С. Воронцова // Дворянство в истории Российского государства: Материалы III Крымских Воронцовских чтений. – Симферополь: Крымский Архив, 2001. – С. 57–65.

Filatova G. G. O sem'e grafa M. S. Vorontsova // Dvoryanstvo v istorii Rossijskogo gosudarstva: Materialy' III Kry'mskih Voroncovskih chtenij. – Simferopol': Kry'mskij Arhiv, 2001. – S. 57–65.

35. Из записок адмирала Д. С. Арсеньева // Русский архив. – 1910. – №10. – С. 257–312.

Iz zapisok admirala D. S. Arsen'eva // Russkij arhiv. – 1910. – №10. – S. 257–312.

Den'er Andrej Ivanovich. Knyaginya Voroncova (rozhd. knyazhna Trubeczskaya). Foto sepiya 8,9x5.4. Nachalo 1860-x gg. S.-Peterburg. Nomer v goskataloge: 17637500. Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie kul'tury' «Gosudarstvenny'j muzej L. N. Tolstogo» [E'lektronny'j resurs] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17770217> (data obrashheniya 14.11.2021).

36. Скальковский К. А. Воспоминания молодости. – Санкт-Петербург: тип. А. С. Суворина, 1906. – VIII, 410 с.

Skal'kovskij K. A. Vospominaniya molodosti. – Sankt-Peterburg: tip. A. S. Suvorina, 1906. – VIII, 410 s.

37. Деньер Андрей Иванович. Княгиня Воронцова (рожд. княжна Трубецкая). Фото сепия 8,9x5.4. Начало 1860-х гг. С.-Петербург. Номер в госкаталоге: 17637500. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей Л. Н. Толстого» [Электронный ресурс] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17770217> (дата обращения 14.11.2021).

Den'er Andrej Ivanovich. Knyaginya Vorontsova (rozhd. knyazhna Trubeczskaya). Foto sepiya 8,9x5.4. Nachalo 1860-x gg. S.-Peterburg. Nomer v goskataloge: 17637500. Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie kul'tury' «Gosudarstvenny'j muzej L. N. Tolstogo» [E'lektronny'j resurs] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17770217> (data obrashheniya 14.11.2021).

38. Записки Ялтинского городского головы В. А. Рыбицкого // ГАПК, ф.532, оп.4, д.3, л.114-114 об.

Zapiski Yaltinskogo gorodskogo golovy' V. A. Ry'biczko // GARK, f.532, op.4, d.3, l.114-114 ob.

39. Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор Высочайшего Двора: «Архитектор Краснов – удивительный молодец...» / под ред. М. А. Земляниченко]. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – 198, [2] с.: ил.

Kalinin N., Kadievich A., Zemlyanichenko M. Arhitektor Vy'sochajshogo Dvora: «Arhitektor Krasnov – udivitel'ny'j molodec...» / pod red. M. A. Zemlyanichenko]. – Simferopol': Biznes-Inform, 2011. – 198, [2] s.: il.

40. Записки Ялтинского городского головы В. А. Рыбицкого // ГАПК, ф.532, оп.4, д.3, л.116 об.

Zapiski Yaltinskogo gorodskogo golovy' V. A. Ry'biczko // GARK, f.532, op.4, d.3, l.116 ob.

41. Alexander Bassano. Кн. Воронцова (р. княж. Трубецкая) Мария Васильевна. Фото 13,8x9,8. 1874 г. Лондон. Номер в Госкаталоге: 23433006. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей Л. Н. Толстого» [Электронный ресурс] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=23575091> (дата обращения 14.11.2021).

Aleksander Bassano. Kn. Vorontsova (r. knzh. Trubeczskaya) Mariya Vasil'evna. Foto 13,8x9,8. 1874 g. London. Nomer v Goskataloge: 23433006. Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie kul'tury' «Gosudarstvenny'j muzej L. N. Tolstogo» [E'lektronny'j resurs] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=23575091> (data obrashheniya 14.11.2021).

42. ГАПК, ф.534, оп.1, д.22, л. 4-5.

GARK, f.534, op.1, d.22, l. 4-5.

43. ГАПК, ф.534, оп.1, д.24, л. 4.

GARK, f.534, op.1, d.24, l. 4.

44. Записки Ялтинского городского головы В. А. Рыбицкого // ГАПК, ф.532, оп.4, д.3, л.115 об.

Zapiski Yaltinskogo gorodskogo golovy' V. A. Ry'biczko // GARK, f.532, op.4, d.3, l.115 ob.

45. Записки Ялтинского городского головы В. А. Рыбицкого // ГАПК, ф.532, оп.4, д.3, л.119.

Zapiski Yaltinskogo gorodskogo golovy` V. A. Ry`biczko // GARK, f.532, op.4, d.3, l.119.

46. Боборыкин М.М. Сказание о Воронцовском дворце и бывших владельцах его. Неизвестные страницы истории Воронцовского майората в Алушке: юридический очерк / Под. ред. Г. Г. Филатовой. – Евпатория: ИП Бабенко Е. А., 2018. – 144 с. с илл.

Bobory`kin M.M. Skazanie o Vorontsovskom dvorce i by`vshix vladel`czax ego. Neizvestny`e stranicy istorii Vorontsovskogo majorata v Alupke: yuridicheskij ocherk / Pod. red. G. G. Filatovoj. – Evpatoriya: IP Babenko E. A., 2018. – 144 s. s ill.

47. Записки Ялтинского городского головы В. А. Рыбицкого // ГАРК, ф.532, оп.4, д.3, л.119 об.

Zapiski Yaltinskogo gorodskogo golovy` V. A. Ry`biczko // GARK, f.532, op.4, d.3, l.119 ob.

48. ГАРФ, ф.652, оп.1, д.453; Ф.655, оп.1. д.1206.

GARF, f.652, op.1, d.453; F.655, op.1. d.1206.

49. ГАРФ. ф.652, оп.1, д.453, л.3–3об.

GARF. f.652, op.1, d.453, l.3–3ob.

50. К-ин. С Южного Берега Крыма // Московские ведомости 17.08.1888.

K-in. S Yuzhnogo Berega Kry`ma // Moskovskie vedomosti 17.08.1888.

51. Мальгин А. В. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи: конец XVIII – нач. XX в. – Симферополь: СОНАТ, 2004. – 349 с.

Mal`gin A. V. Russkaya Riv`era: kurorty, turizm i otdy`h v Kry`mu v e`roхu Imperii: konec XVIII – nach. XX v. – Simferopol`: SONAT, 2004. – 349 s.

52. Список герцогских родов Российской империи [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_герцогских_родов_Российской_империи (дата обращения 24.11.2021).

Spisok gerczogskih rodov Rossijskoj imperii [E`lektronny`j resurs] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Spisok_gerczogskih_rodov_Rossijskoj_imperii (data obrashheniya 24.11.2021).

53. Родословная Столыпиных [Электронный ресурс] URL: http://www.petrstolypin.de/?page_id=122 (дата обращения 24.11.2021).

Rodoslovnaaya Stoly`piny`h [E`lektronny`j resurs] URL: http://www.petrstolypin.de/?page_id=122 (data obrashheniya 24.11.2021).

54. Соловьева Т. За фасадами старинных особняков. Экскурсия по самым известным петербургским домам. – Петербург: Страта, 2018. – 136 с.

Solov`eva T. Za fasadami starinny`h osobnyakov. E`kskursiya po samy`m izvestny`m peterburgskim domam. – Peterburg: Strata, 2018. – 136 s.

55. Сайтов В. И. Петербургский некрополь: Т. 1–4 / Изд. вел. кн. Николай Михайлович. – Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1912-1913. Т.1 (А - Г). – 1912. – XX, 715 с.

Saitov V. I. Peterburgskij nekropol`: T. 1–4 / Izd. vel. kn. Nikolaj Mixajlovich. – Sankt-Peterburg: tip. M. M. Stasyulevicha, 1912-1913. T.1 (A - G). – 1912. – XX, 715 s.

Tverdokhlebov N. I. Maria Vasilievna Vorontsova: society lioness and the owner of the Alupka estate

The article examines the biography of Maria Vasilyevna Vorontsova (1819–1895), daughter of Vasily Sergeevich Trubetskoy (1776–1841), a general of the era of the Napoleonic wars. She is known as one of the characters in Leo Tolstoy's story «Khadji-Murad» and the author of several romances, during the reign of Nicholas I and Alexander II – a society lioness close to the royal family. Her first husband was a relative of M. Yu. Lermontov, Alexei Grigorievich Stolypin (1805–1847), in a marriage with whom was born a son, Nikolai Alekseevich Stolypin (1843–1898). After the death of her husband, she married Semyon Mikhailovich Vorontsov (1823–1882) and in 1856-1882 was the mistress of the Alupka majorat, made significant changes to the decoration of the famous palace. After the death of her husband, she went abroad, took out and sold art treasures. For ten years she was in litigation with the heirs of the majorat over the lands included in it, she sold significant land plots adjacent to the Alupka park. The article presents rare images of M. V. Vorontsova and persons associated with her.

Keywords: Maria Vasilievna Vorontsova, Semyon Mikhailovich Vorontsov, Alupka majorat, Alupka palace, society lioness.

УДК 94(497.1)“1945/1966”

СВОДКИ ЮГОСЛАВСКИХ СПЕЦСЛУЖБ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Шахин Ю. В.

*Севастопольский государственный университет
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: y-v-shahin@yandex.ru*

Автор анализирует обходные пути поиска информационных сводок государственной безопасности Югославии, потому что архивы спецслужб недоступны зарубежным исследователям. Способы сбора и обработки информации позволяют сделать выводы, что сводки югославских спецслужб не обладают высоким информативным характером, но для периода 1950-х гг. они почти незаменимы. Автор изучил принципы рассылки этих сводок и особенности хранения документации в спецслужбах Югославии. На этом основании можно определить круг югославских политиков, в фондах которых могли отложиться информационные сводки. Тем самым несербские историки получают ориентир для поиска соответствующих источников в открытых архивах.

Ключевые слова: Югославия, исторические источники, архивы, спецслужбы, информационные сводки.

Деятельность Управления государственной безопасности Югославии давно привлекает внимание историков. Это ведомство было создано после второй мировой войны, с начала 1950-х гг. входило в систему органов внутренних дел, в 1963 г. было переименовано в Службу государственной безопасности, а в 1966 г. подверглось коренной реорганизации. По югославской традиции эту службу сокращенно называют УДБой. Ее документы длительное время были полностью закрыты для исследователей. В начале нынешнего столетия их наконец передали с ведомственного хранения в обычный архив, которым, вопреки логике, стал не Архив Югославии, а Архив Сербии. К 2009 г. сербские историки получили к ним доступ, но иностранцам такая возможность до сих пор не предоставлена. Поэтому все зарубежные специалисты по истории Югославии вынуждены искать обходные пути, чтобы получить информацию из данных источников, особенно это относится к периоду до 1966 г. В этой связи возникает два вопроса, чего можно ожидать от документов госбезопасности в содержательном плане и где их можно искать за пределами соответствующего фонда Архива Сербии. По данным сербских историков УДБа в основном вела досье, готовила справки и сводки, куда входили разнообразные отчеты и обзоры [2, с. 74–75]. Собранные автором сведения источниковедческого характера позволяют ответить на вопросы «что и где» применительно к информационным сводкам.

Эти источники обладают для исследователя особой ценностью. Вплоть до середины 1960-х гг. в Югославии не было социологических служб, которые изучали общественное мнение, и важнейшим источником обобщенных данных по настроениям масс выступали сводки госбезопасности. В этой связи сотрудник

госбезопасности Э.Брайник, проработавший с 1951 по 1965 г. заместителем секретаря внутренних дел Югославии, отмечал в письме, направленном на имя президента Тито: «Государственная безопасность годами выступала как почти единственная служба, которая организовывала сбор в первую очередь политической информации о комментариях и реагировании граждан на различные события, предпринимавшиеся меры, проводившуюся политику... и об этом информировала политическое и государственное руководство» [4, s. 105]. Брайник утверждает, что получив задание изучить реакцию общественности на ход VIII съезда Союза коммунистов Югославии в декабре 1964 г., предложил Центральному комитету провести социологическое анкетирование, однако к его мнению не прислушались и предпочли действовать по старинке [4, s. 487–488]. Таким образом, отчеты и обзоры УДБы при изучении истории Югославии до 1966 г. крайне важны для исследователя. Данные этих источников могут быть отчасти компенсированы только информацией, собранной руководящими партийными органами. При этом нужно учитывать, что с ноября 1951 по сентябрь 1959 г. регулярные информационные обзоры партийные органы не составляли. Материалы готовились от случая к случаю по отдельным вопросам, их обработка не носила системного характера. Поэтому для 1950-х гг. ценность материалов УДБы особенно велика.

Сводки госбезопасности могли затрагивать самые разнообразные вопросы. Например, с 1950-х гг. в УДБ существовало подразделение по отслеживанию так называемых антисоциалистических проявлений среди работников культуры и искусства. В частности, известно об анализе настроений хорватских и словенских писателей. В Сербии УДБа собрала 115-116 досье на сомнительных деятелей культуры. Органы также собирали сведения о состоянии дел в различных общественных сферах и настрое общественного мнения. Например, хорватская УДБа составила отчет об инвестициях в одном из агропромышленных комбинатов. В середине 1960-х гг. спецслужбы издавали бюллетень с оценками различных руководящих кадров, включая республиканских партийных руководителей и т. д. Как отмечал в 1966 г. многолетний куратор спецслужб А.Ранкович, «партийные форумы и государственные органы требовали и всё еще очень часто требуют от государственной безопасности проверки данных об отдельных членах партии, низших государственных функционерах и служащих». Иногда поступала информация о поведении отдельных высокопоставленных партийных деятелей (Д.Маркович, М.Милькович, М.Куфрин, Ё.Капичич, Ё.Видмар и др.) [2, с. 75; 4, s. 67–68, 213, 301, 334, 836; 5, s. 298].

Как госбезопасность составляла свои сводки? Когда в июле 1966 г. прошел Брионский пленум ЦК СКЮ, направленный на отстранение от власти Александра Ранковича и реформирование органов госбезопасности, была создана специальная партийная комиссия для выявления их злоупотреблений и установления политической ответственности Ранковича. Благодаря этим событиям в источниках партийного происхождения отразилось немало данных о способе сбора, обработки информации в УДБе и степени надежности получаемых таким путем результатов. О.Карабегович так охарактеризовал ее метод сбора данных: «...Система работы

УДБы была собирать информацию из каждого села и фабрики и готовить анализ в Секретариате внутренних дел», осуществляя ее отбор [4, s. 451]. Э.Брайник в вышеупомянутом письме заявил, что УДБа многие из своих данных получала из негативных кругов, а также из некомпетентных источников, поэтому они получались односторонними. Затем на основе отдельно подобранных случаев и даже сплетен строились обобщения. Эти обобщения опирались на случайные данные, научные методы анкетирования не применялись. При этом УДБа была корпоративно замкнута и изолирована от общества и плохо понимала, что в нем происходит, поэтому ее оценки получались неадекватными. Партийная комиссия поддержала эти утверждения, добавив к ним только, что факты подбирались в соответствии с изначальной оценкой составителя, тем самым информация искажалась [4, s. 105, 209]. Многие функционеры утверждали, что УДБа работала на уровне сбора слухов.

В распоряжении историков есть более подробные сведения, как проводился анализ накопленных фактических данных. Перед VIII съездом СКЮ С.Стефанович, длительное время возглавлявший спецслужбы официально и сохранивший над ними неофициальный контроль даже после ухода с должности союзного секретаря внутренних дел, разослал письмо всем председателям комитетов внутренней политики в республиканских правительствах, чтобы они прислали отчеты, как партийные и государственные органы воплощали в жизнь установки письма Исполкома ЦК СКЮ, написанного в апреле 1962 г. Аналогичное требование было спущено в армию. Соответствующий документ был опубликован и позволяет сделать определенные выводы. Он содержит четкие инструкции по составлению отчета. Отчет должен был охватить период с 1 января 1963 по 30 августа 1964 г. На основе письма Исполкома ЦК СКЮ было выделено девять групп негативных явлений и недостатков, их предлагалось взять за основу при классификации фактов. Помимо данных, накопленных в секретариатах внутренних дел, куда организационно входили органы госбезопасности, предлагалось привлечь данные прокуратуры и различных инспекций. Кроме систематизации фактов предлагалось также провести определенный анализ. Прежде всего, нужно было выявить персональную ответственность членов СКЮ и беспартийных за наблюдаемые негативные явления. Затем подготовить ответы по следующим пунктам: «1. Факторы, которые преимущественно обуславливают общественно-негативные явления и поведение. 2. Кто носители этих явлений, из какой среды происходят, чем руководствуются, их положение в обществе, являются ли членами СКЮ и т. п. 3. Как на эти явления реагируют политические и государственные органы и организации, какие меры предпринимают против носителей этих явлений, каким образом и как завершаются случаи, чьими носителями являются члены СКЮ, отдельные функционеры и т. п. 4. Каким образом и как реагирует общественность на эти явления, чего требует и предлагает и как комментирует принятие соответствующих мер или же непринятие мер против этих явлений. 5. Происходят ли и в каких случаях носители этих явлений из враждебной среды (остатки свергнутой буржуазии, клер, эмиграция и т. п.), или же каким образом, как и в какой

мере они используют эти явления для своей враждебной деятельности против нашей общественно-политической системы. 6. Твоя [так в тексте, Стефанович обращается к республиканским начальникам на ты – Ю. Ш.] оценка о том, какой размах приняли эти явления, насколько они имели и какие последствия имеют для нашей общественно-политической и экономической жизни. 7. Что, на твой взгляд, было бы нужно и как наиболее целесообразно предпринять и каким образом в плане искоренения причин и уменьшения последствий этих явлений» [4, s. 309]. Как видим, здесь присутствует попытка анализа и систематизации фактического материала по единой схеме, а для придания материалу большей объективности предписано привлечь данные других ведомств.

Оценки информативности отчетов УДБы сходятся у самых различных авторов, которых трудно заподозрить в сговоре. На Брионском пленуме А.Ранкович заявил, что к отчетам УДБы всегда относился с осторожностью, указал на их поверхностность и склонность собирать слухи с базара. «Я думаю, что многие сводки, кроме оперативных, могут служить только для ориентации, а никак не для неких твердых политических выводов», – подвел он итог [4, s. 214]. Можно возразить, что Ранкович защищался от нападков и поэтому занижал качество информационной работы спецслужб, чтобы уйти от дополнительных обвинений. Однако есть независимые свидетельства, которые подтверждают эту оценку. В частности, словенский политик С.Кавчич, который до 1958 г. отвечал в правительстве Словении за внутреннюю политику, получал сводки спецслужб по должности и написал в своих воспоминаниях, какое впечатление они на него производили. По словам Кавчича, они состояли из набора подслушанных критических высказываний [5, s. 297]. Еще до знакомства с материалами Брионского пленума и дневником Кавчича, автор данной статьи смог изучить отчет УДБы о положении дел в Югославии на фоне венгерского восстания 1956 г. [3]. Документ произвел на меня аналогичное впечатление. Обзор состоит в основном из комментариев различных бывших противников режима, за которыми наблюдала УДБа. Как враждебные рассматривались любые их высказывания, которые не соответствовали официальным установкам правительства в текущей ситуации. Материал по своему духу пропитан шпиономанией и едва ли может быть целостным отражением реальной картины. Некоторые из источников такого типа были опубликованы и позволяют читателю составить самостоятельное представление об их достоинствах и недостатках [1]. Вышеизложенные соображения дают основания для вывода: не стоит ожидать от сводок госбезопасности слишком много. Там могут содержаться ценные факты, но помещенные в море второстепенных и даже сомнительных сведений.

Ответив на вопрос что, перейдем к вопросу где. Для этого разберемся, кто получал сводки УДБы за пределами ведомства. Партийная комиссия, которая занималась работой спецслужб в связи с Брионским пленумом, собрала по этому поводу любопытные сведения. Прежде всего, согласно показаниям бывшего секретаря внутренних дел Югославии С.Стефановича УДБа сама определяла, кому из руководителей она рассылает свои материалы и в каком объеме. Об этом же

свидетельствует Э.Брайник и другие лица. Как пояснил Стефанович, спецслужбы исходили из собственной оценки, кому и что может быть полезно [4, s. 156, 321]. При этом оценки разных начальников могли не совпадать. Во время VIII съезда СКЮ УДБа подготовила бюллетень о реакции народа на ход работы высшего партийного форума. Его распространили только среди 120 делегатов, которые были членами Исполкома ЦК СКЮ, республиканскими политическими и организационными секретарями, председателями правительств, председателями Социалистического союза. А.Ранкович и С.Стефанович оказались этим недовольны, полагая, что круг рассылки был определен слишком широко [4, s. 487-488].

Соображения УДБы по кругу получателей сводок не всегда были очевидны. Например, В. Стойнич, возглавлявший кадровую комиссию ЦК СКЮ с 1962 г., не получал данных УДБы, хотя, как выше упоминалось, управление регулярно готовило кадровые справки. М. Тодорович получал справки, касающиеся внешнеторговых вопросов, а С. Крайгера, хотя он был связан с внешней торговлей, данными не снабжали [4, s. 274, 486].

Иногда УДБа исключала из рассылки руководителей, которые допустили утечку секретной информации. Так произошло с союзным секретарем иностранных дел К.Поповичем. Обстоятельства утечки различные работники УДБы поясняли по-разному. Согласно одной версии, у Поповича оказались ненадежные люди в окружении, по другой – он сам что-то разгласил иностранцам по неосторожности [4, s. 303, 684, 694-695].

В Югославии существовал узкий круг лиц, которые получали сводки УДБы на регулярной основе. Им поступал одинаковый набор материалов. Так в середине 1960-х гг. союзный секретарь внутренних дел рассылал особо секретные материалы президенту Югославии и генеральному секретарю ЦК Й. Броз-Тито, председателю парламента Э.Карделю, председателю правительства П. Стамболичу и бывшему руководителю спецслужб С.Стефановичу, который фактически продолжал их курировать. Интересно, что вице-президенту Ранковичу секретные материалы как правило не рассылались напрямую, он получал их через Стефановича [4, s. 301, 302, 321]. Примерно таков же был круг получателей информационных обзоров от службы прослушки, которая тайно записывала чужие разговоры, ориентируясь, в первую очередь, на работу с иностранцами. Ее данные поступали Тито, Карделю, Стамболичу, Стефановичу, М.Тодоровичу (заместителю председателя парламента). Ранковичу напрямую тоже ничего не направляли. Интересно, что некоторые обзоры направлялись только Стефановичу [4, s. 694-695]. С соответствующими поправками можно полагать, что таким же был круг обязательной рассылки на республиканском уровне (в частности, в республиках не было должностей президента и вице-президента).

По идее, секретные документы должны были возвращаться в УДБу. Об этом свидетельствует рассказ П.Стамболича, относящийся к 1962 г., когда он был председателем парламента и возглавлял идеологическую комиссию ЦК СКЮ: «Когда мы готовили кое-что здесь, в ЦК, для выступления, я вспомнил, что у Чечи [партийная кличка Стефановича – Ю.Ш.] есть один анализ 1959 г. о проявлениях

шовинизма. Я его попросил, *чтобы он мне его снова дал* [курсив наш – Ю. Ш.], а он мне отправил и за 1961 г. Это то, что там органы снимают, о чем говорит враг» [7, s. 100]. Однако в УДБе помимо основного ведомственного архива (VIII отделения) существовало несколько хранилищ в других структурных подразделениях. Отделения и управления и кабинеты высоких начальников задерживали у себя некоторые документы, по сути создавая собственные архивы. Данные прослушки поступали на хранение в IV управление XII отделения, хотя работники VIII отделения полагали, что они должны идти к ним. Аналогично обстояли дела с I и II управлениями, VI и XI отделениями. Это же касалось документов из кабинетов союзного секретаря внутренних дел, его различных помощников и заместителей, из кабинета Стефановича. При этом действующие сотрудники могли часть своей документации изымать из VIII отделения. Так, например, поступил помощник союзного секретаря Б.Дамнянович [4, s. 295, 686, 695]. С. Стефанович, когда перешел из союзного секретариата иностранных дел в Союзное исполнительное вече, забрал с собой значительную часть личного служебного архива. Когда в связи с Брионским пленумом началось расследование его деятельности, в сейфе его рабочего кабинета были обнаружены материалы суда по защите государства, который действовал еще в середине 1940-х гг. [4, s. 488, 521]. По состоянию на 1966 г. они уже представляли чисто исторический интерес, но Стефанович зачем-то хранил их у себя.

Несмотря на столь распыленную систему хранения нам не приходилось слышать о каких-нибудь громких провалах югославской госбезопасности, однако возможность для утечки информационных сводок из общей системы хранения документации спецслужб была вполне реальна. Накопленные на сегодняшний день данные уверенно свидетельствуют, что высокопоставленные руководители Югославии оставляли на хранении в своих кабинетах ценные материалы, в том числе и секретного характера, а порою даже тащили их домой. Например, в семье партийно-государственного деятеля С.Дороньского сохранился такой богатый архив партийных документов закрытого характера, что историки Р.Кончар и Д.Боаров сумели написать на этой основе обширное исследование о политической борьбе в Сербии 1950-х – 1970-х гг. [6]. В этой связи фонды выдающихся партийно-государственных деятелей Югославии являются вполне подходящим местом, где зарубежный историк может приобщиться к информационным обзорам, подготовленным югославской госбезопасностью. На сегодняшний день такие документы уже попадались исследователям в архивном наследии Э. Карделя, В.Бакаррича и конечно же у Тито в фондах Архива Югославии «Кабинет маршала Югославии» и «Кабинет президента Югославии» (один из таких документов уже был упомянут выше). Однако для успеха архивной эвристики нужно учитывать, что все эти фонды остались после деятелей, которые ушли из политики без потрясений, в силу естественной смерти или почетного ухода на пенсию. В фондах, оставшихся от деятелей, чья политическая карьера была оборвана не по их воле, документы УДБы искать неперспективно, они могли быть изъяты при ревизии их документации. Например, дела из кабинета Стефановича были распределены по

другим фондам специально созданной в 1966 г. комиссией по упорядочиванию государственных архивов [4, s. 522, 527].

Подводя итог можно отметить, что возлагать слишком большие надежды на информационные обзоры югославских спецслужб не стоит – они расширяют наши фактические знания об общественных процессах в Югославии, но являются довольно односторонними и несовершенными. Они требуют обязательного сопоставления с другими источниками, в первую очередь партийного происхождения. Но в той мере, в какой источники партийного происхождения не позволяют выяснить те или иные вопросы, обращение к документам госбезопасности является необходимым. Чтобы не менять гражданство ради доступа к этим источникам, зарубежному исследователю нужно искать их в фондах выдающихся партийно-государственных деятелей Югославии, чья карьера не завершилась в результате политических конфликтов.

Список использованных источников и литературы

1. Бондич Д. Извештај УДБ-е о стању на факултетима Београдског универзитета и великих школа 1951. године // Архив. Часопис Архива Србије и Црне Горе. – 2003. – №1-2. – С.172-188.
Bondžić D. Izveštaj UDB-e o stanju na fakultetima Beogradskog univerziteta i velikih škola 1951. godine // Arhiv. Časopis Arhiva Srbije i Crne Gore. – 2003. – №1-2. – S.172-188.
2. Цветковић С. Како је спаљено пет километара досијеа УДБ-е. Велика ревизија документације Службе државне безбедности после смене Александра Ранковића и Брионског пленума 1966. // Архив. Часопис Архива Србије и Црне Горе. – 2008. – № 1-2. – С.71-84.
Cvetković S. Kako je spaljeno pet kilometara dosijea UDB-e. Velika revizija dokumentacije Službe državne bezbednosti posle smene Aleksandra Rankovića i Brionskog plenuma 1966. // Arhiv. Časopis Arhiva Srbije i Crne Gore. – 2008. – №1-2. – S.71-84.
3. Arhiv Jugoslavije. – F. 837. Kabinet predsednika republike. – P. II-4-a/3: Informacija o neprijateljskim istupanjima i komentarima neprijateljskih i reakcionarnih elemenata povodom događaja u Mađarskoj i Egiptu. 16.XI.1956. – 10 s.
4. Četvrta sednica CK SKJ. Brionski plenum. (Stenografske beleške sa Četvrtog plenuma, materijali Izvršnog komiteta CK SKJ, izvod iz stenografskih beležaka Šeste sednice CK SK Srbije, reagovanja domaće i svetske javnosti, pisma, telegrami, izjave i dr.) / priredio J.P.Popović. – Beograd, 1999. – 957 s.
5. Kavčič S. Dnevnik in spomini (1972-1979). Prva knjiga // Časopis za kritiko znanosti. – 1988. – №109/110. – S.1-340.
6. Končar R., Boarov D. Stevan Doronjski: odbrana autonomije Vojvodine. – Novi Sad, 2011. – 879 s.
7. Početak kraja SFRJ. Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane od 14 do 18 marta 1962. godine / priredio M. Zečević. – Beograd, 1998. – 311 s.

Shakhin Y. V. Reports of the Yugoslav secret services as a historical source

The author analyzes workarounds for searching for Yugoslav state security information reports, because the archives of the special services are inaccessible to foreign researchers. The methods of collecting and processing information allow us to conclude that the reports of the Yugoslav special services do not have a high informative character but for the period of the 1950's they are almost irreplaceable. The author studied the principles of distributing these reports and the peculiarities of storing documents in the secret services of Yugoslavia. On this basis, it is possible to determine the circle of Yugoslav politicians in whose funds information reports could be deposited. Thus, non-Serbian historians receive a guideline for searching for relevant sources in open archives.

Keywords: Yugoslavia, historical sources, archives, secret services, information reports.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Ефимов
Андрей
Александрович** кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исторического архива и группы источниковедения Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Кравчук
Александр
Сергеевич** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ГБОУ ВО «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова» (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Лосев
Константин
Викторович** доктор экономических наук, профессор, декан гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Маньков
Сергей
Александрович** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного художественно-архитектурного дворцово-паркового музея-заповедника «Царское Село» (г. Пушкин, Российская Федерация).
- Михайлов
Вадим
Викторович** доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Непомнящий
Андрей
Анатольевич** доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории имени Ш. Марджани АН Республики Татарстан (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Руев
Владимир
Леонидович** кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская федерация).
- Тарасенко
Евгений
Николаевич** кандидат технических наук, доцент, краевед (г. Ступино, Московской области, Российская Федерация).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Твердохлебов
Николай
Иванович**

кандидат исторических наук, доцент, краевед
(г. Симферополь, Российская Федерация).

**Шахин
Юрий
Владимирович**

кандидат исторических наук, доцент Севастопольского
государственного университета (г. Севастополь,
Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Ефимов А. А.

Реорганизация системы управления строительством
императорской резиденции «Ореанда»)..... 3

Кравчук А. С.

о Таврическом консульате 13

Лосев К. В., Михайлов В. В.

Особенности освободительной борьбы колоний Испанской Америки
и становления независимых латиноамериканских стран 27

Маньков С. А.

А. А. Оленин – декабрист, убитый дворовыми людьми..... 35

Непомнящий А. А.

Переписка А. И. Маркевича и В. И. Вернадского (20–30-е годы) –
содержательный источник по истории крымоведения..... 44

Руев В. Л.

Историческая география похода фельдмаршала
Х. А. Миниха в Крым в 1736 г..... 72

Тарасенко Е. Н.

Наделение земель первых 17 колоний Мариупольского
немецкого колониетского округа..... 92

Твердохлебов Н. И.

Мария Васильевна Воронцова: светская львица
и владелица алушкинского имения. 105

СОДЕРЖАНИЕ

Шахин Ю. В.

Сводки югославских спецслужб как исторический источник 126

Сведения об авторах 133